

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА: БЕЛЫЕ И КРАСНЫЕ

Д. В. МИТВОРИН

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Д. В. Митюрин

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА:
КРАСНЫЕ и БЕЛЫЕ

ПОЛИГОН
Санкт-Петербург
2004

ББК 63.3 (2) 612
Мит66

Серия основана в 1994 г.

*Главы 1 и 19 написаны в соавторстве с А. Мальцевым,
глава 8 — в соавторстве с К. Саксой.*

*Автор благодарит Ю. Медведько за помощь,
оказанную при подборе иллюстративного материала*

Митюрин Д. В.

Мит66 Гражданская война: белые и красные. — СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2004. — 282, [6] с.: 16 л. ил. — (Военно-историческая библиотека).

ISBN 5-89173-265-3

В книге «Гражданская война: белые и красные» автор предпринял попытку максимально объективно взглянуть на события и участников Гражданской войны в России 1917—1922 гг., уделив одинаковое внимание как белым, так и красным военачальникам. Для решения этой задачи была избрана позаимствованная у Плутарха форма сравнительных жизнеописаний. Автору удалось объединить в каждой главе этого издания деятелей противоборствующих сторон, чьи жизненные пути скрещивались на полях сражений этой жестокой борьбы за счастье, которое белые и красные понимали по-разному.

ББК 63.3 (2) 612

ISBN 5-89173-265-3

© ООО «Издательство «Полигон», 2004
© Д. В. Митюрин, 2003

Предисловие

В России более чем в других странах историческая наука и публицистика зависели от официальной идеологии. В 1990-е гг. поколению, воспитанному на ценностях марксизма-ленинизма, пришлось пережить крушение прежних идеалов. Многие исторические оценки сменились на прямо противоположные, а в качестве образцов для подражания на смену героическим красным командирам пришли не менее героические участники Белого движения.

Конечно же, с подобной переоценкой согласились далеко не все. В ближайшее время российское общество вряд ли сможет единодушно ответить на вопрос: «На чьей стороне, белой или красной, была правда в Гражданской войне?». Ничего странного в этом нет: даже по прошествии более чем 200 лет французы не могут определиться во взглядах на свою Великую революцию и на всякий случай одинаково чтят Мирабо и Марата, Лафайета и Дантона, Бонапарта и Робеспьера.

В книге «Белые и красные» автор предпринял попытку максимально объективно взглянуть на события и участников Гражданской войны в России, уделив одинаковое внимание как белым, так и красным военачальникам. Для решения этой задачи была избрана позаимствованная у Плутарха форма сравнительных жизнеописаний. Правда, в отличие от древнегреческого историка, формируя пары,

автор отнюдь не всегда подбирал людей со сходными судьбами и характерами, отдавая, в первую очередь, предпочтение тем деятелям, чьи жизненные пути так или иначе скрещивались на полях сражений Гражданской войны. Стремясь показать весь масштаб событий 1917—1922 гг., автор максимально расширил географию своего повествования. Именно поэтому среди героев книги есть красные и белые украинцы, чехи, эстонцы.

Но главное место в книге, конечно же, отводится нашим соотечественникам, большинство из которых искренне сражалось за счастье России, которое, впрочем, белые и красные понимали по-разному...

Глава 1

БИТВА НЕСОСТОЯВШИХСЯ «БОНАПАРТОВ»

В феврале 1918 г. четырехтысячная Добровольческая армия под командованием контрреволюционного генерала Корнилова выступила в поход на Кубань, раздираемую на части белоказачьими и большевистскими отрядами. Этот поход вошел в историю под названием «Ледяного» и впоследствии в эмигрантской литературе превратился в своеобразную легенду — образец чистоты и жертвенности Белого дела. С другой стороны, как следует из его названия, «Ледяной поход оказался для его участников-добровольцев настоящим чистилищем: сквозь морозы и метели, утопая в грязи, с непрерывными боями, с гимном «Пусть вокруг одно глумленье, клевета и гнет...» они шли вперед, к победе... Конечным пунктом этого марша стал Екатеринодар, уже перешедший в руки Северо-Кавказской Красной армии во главе с бывшим сотником Автономовым.

КОРНИЛОВ

Лавр Георгиевич Корнилов родился 18 августа 1870 г. в станице Каркаралинская в семье отставного хорунжего. Окончив по месту жительства приходскую школу, тринадцатилетний отрок с большим трудом сдал экзамен в Сибирский кадетский корпус (в Омске). Пробелы в образовании юноша ликвидировал при помощи упорных занятий, благодаря чему закончил военно-учебное заведение в 1889 г. первым учеником на курсе. Вскоре его как наиболее спо-

собного из кадет определили в Михайловское артиллерийское училище в Петербурге. Уже здесь Корнилов явно выделялся среди сокурсников своими радикальными взглядами и вскоре стал вожаком юнкеров. Конфликт с одним из преподавателей грозил ему отчислением, от которого Лавра спасло лишь покровительство начальника училища.

В 1892 г. Корнилов получил звание подпоручика и был направлен в Туркестанскую артиллерийскую бригаду. Через три года молодой офицер блестяще сдал экзамены в Академию Генерального штаба, которую закончил в 1898 г. с серебряной медалью. Он возвратился в Среднюю Азию и служил штабным офицером Туркестанского военного округа. С 1901 г. командовал 4-й линейной бригадой на границе Бухарского эмирата и Афганистана. Русско-японская война застала его в Главном штабе. Лавр Георгиевич участвовал в сражениях при Сандепу, под Мукденом и Телином. В феврале 1905 г. 1-я стрелковая бригада была окружена около местечка Вазые. Положение спас начштаба бригады Корнилов: возглавив ночную атаку, он с тремя полками и ранеными вырвался из окружения. За этот подвиг он получил первую награду — орден Св. Георгия 4-й степени, а также звание полковника.

В 1907—1911 гг. Лавр Георгиевич занимал должность военного атташе в Китае. Вернувшись на Родину, он командовал Эстляндским пехотным полком под Варшавой, затем получил новое назначение в Заамурский пограничный округ на должность начальника отряда пограничной стражи. Однако вскоре из-за столкновения с будущим премьер-министром В. Коковцевым, курировавшим в то время пограничную стражу, подал рапорт о переводе в армию. Генерал-майора Корнилова переводят во Владивосток, где он исполнял обязанности командира 9-й Сибирской стрелковой дивизии.

С августа 1914 г. во главе 48-й пехотной дивизии Лавр Георгиевич участвовал в боях под Львовом и за проявленную доблесть получил звание генерал-лейтенанта. Тем не менее из-за больших потерь в дивизии командарм А. А. Брусилов был недоволен действиями своего подчиненного. Осе-

нию отряды Корнилова прорвали укрепления австро-венгров. Преследование противника было продолжено уже на западных склонах Карпат, но здесь дивизия попала в окружение. С тяжелыми боями, потеряв всю артиллерию и часть обоза, Лавр Георгиевич все же сумел пробиться к своим. Однако урок не пошел впрок: в апреле 1915 г. неприятель опять запер горячего комдива на высоте с характерным названием Хирова-гора. Штаб во главе с раненым Корниловым кинул остатки дивизии на произвол судьбы и, проплутав по лесистым карпатским горам, в конце концов сдался австрийцам. Удивительно, но главнокомандующий Юго-Западного фронта счел действия командира дивизии достойными награды и представил его к очередному Георгию. Между тем австрийцы держали пленного генерала сначала в замке Нейгенбах близ Вены, а затем перевели в Венгрию. Первая из предпринятых Корниловым попыток побега не удалась — подкупленный кастелян замка доложил о ней охране. Видимо, этот факт вызвал у нашего героя нервное расстройство, и его перевели в военный госпиталь. Оттуда ему все же удалось скрыться, переодевшись в форму австрийского солдата. Через румынскую границу он вернулся в Россию.

Побег генерала из плена был первым подобным случаем за всю войну. Лавр Георгиевич превратился в национального героя. Николай II принял его в своей Ставке в Могилеве и наградил Георгиевским крестом за храбрость. Портреты Корнилова и интервью с ним мелькали на полосах центральных газет и журналов. Осенью 1916 г. он был вновь отправлен на фронт командовать 25-м пехотным корпусом. Головокружительная карьера уже создавшего себе рекламу генерала продолжилась и после Февральской революции. 2 марта 1917 г. глава Временного комитета Государственной Думы М. В. Родзянко назначил Корнилова главнокомандующим Петроградского военного округа. Наш герой приветствовал новую власть, тут же заявив, что надеется на победоносное завершение войны обновленной армией. 7 марта он арестовывал по приказу Временного правительства царскую семью. Во

время апрельского кризиса Корнилов предлагал разогнать антивоенные демонстрации силой. Однако распоряжения командующего округом были саботированы собранием солдат и офицеров. После этого главнокомандующий столичного округа стал просить о возвращении в действующую армию.

Запрашиваемый пост командующего Северным фронтом он не получил, но возглавил 8-ю армию Юго-Западного фронта. Во время так называемого наступления Керенского (июнь 1917 г.) войска Корнилова овладели городами Галич и Калуш, взяли 10 тысяч австрийцев пленными и более 100 орудий. 27 июня Лавр Георгиевич был произведен в генералы от инфантерии (т.е. полный генерал), а 7 июля назначен главнокомандующим войсками Юго-Западного фронта.

На следующий день Корнилов отправил телеграмму на имя военного министра и главы правительства Керенского, в которой указал на необходимость наведения порядка в армии и, в первую очередь, введения смертной казни и учреждения революционно-полевых судов. Керенский незамедлительно ответил: «Приказываю остановить отступление... всеми мерами». Начались расстрелы дезертиров, были запрещены митинги и ввоз в армию большевистской литературы и газет. Несмотря на то что телеграммы носили секретный характер, их опубликовала газета «Русское слово». У читающей публики складывалось впечатление, что Корнилов хотел навести порядок, а правительство ему в этом препятствовало. За пару недель вокруг генерала сложился имидж спасителя страны, со всей России в Ставку командующего фронтом пошел поток поздравлений. Уязвленный Керенский потребовал отдать под суд людей, предавших огласке документ, но было уже поздно.

В своих требованиях «спаситель страны» пошел еще дальше, отметив в следующей телеграмме необходимость одновременно с репрессиями принять меры «к оздоровлению и омоложению офицерского командного состава», а также упразднить комиссаров и солдатские комитеты.

19 июля Лавр Георгиевич был назначен верховным главнокомандующим. Первым из условий, на которых он принял столь высокий пост, была «ответственность перед собственной совестью и всем народом», а вскоре «Русское слово» напечатало полный перечень «Условий генерала Корнилова», уже откровенно папахивающих диктатурой. Власть Временного правительства Корнилов считал гибельной для России, из-за чего не раз вступал в дебаты с Керенским. Но последний никак не желал уходить со своего поста, и, более того, позволял себе высокомерный тон в разговоре с генералами. Нужно ли говорить, что такая манера общения отнюдь не поднимала авторитет Керенского среди высших офицеров. Отношения между главкомом и главой правительства начали резко портиться.

От слов обе стороны перешли к действиям: Корнилов отдал приказ стянуть к Петрограду верные ему войска (3-й конный корпус, 5-ю Кавказскую «дикую» дивизию и т. д.), а Керенский начал «чистку» военного ведомства, где, по его мнению, засело слишком много противников Временного правительства. Министр-председатель уже всерьез подумывал о смещении Корнилова с поста верховного главнокомандующего. Лавр Георгиевич, узнав об этом, явился в Зимний дворец с отрядом солдат и пригрозил Керенскому вооруженным восстанием в случае его смещения. Корнилов не терял времени даром: он вел переговоры с представителями правых сил и предпринимателями, заручился поддержкой Союза казачьих войск и Союза георгиевских кавалеров. На государственном совещании в Москве борьба за власть разгорелась с новой силой: «бешеной» агитации за Корнилова не уступала речь Керенского о священности воли и власти Временного правительства в армии. К, казалось бы, логичному примирению и сплочению не привели ни успехи немцев в Прибалтике (и как следствие — прямая угроза Петрограду), ни резкое усиление позиций большевиков.

26 августа потерявший терпение Корнилов потребовал от Керенского роспуска правительства и передачи всей

власти верховному главнокомандующему. Министр-председатель отказался выполнить эти условия и приказал генералу явиться в Петроград для объяснений. Последовал обмен телеграммами со взаимными обвинениями в предательстве. Мятеж главковерха оказался быстро подавлен совместными действиями социалистических партий и верных правительству войск. Корнилов был смещен со своего поста, арестован и посажен в тюрьму города Быхова. Та же участь постигла и сочувствующих ему командиров фронтов и армий. В тюрьме Лавр Георгиевич не сидел сложа руки, составив «Быховскую программу», предполагавшую созыв Учредительного собрания и возрождение армии для продолжения войны с Германией. Заточение его продолжалось недолго, после Октябрьского переворота генерал Духонин, заместивший на посту главнокомандующего скрывшегося от большевиков Керенского, приказал освободить быховских узников. В конце ноября Корнилов во главе верных текинцев отправляется на Дон, где уже зарождалось Белое движение.

Вместе с генералами Алексеевым и Калединым он вошел в состав так называемого триумvirата основателей Белого дела. Правда, довольно быстро в этом триумvirате начались разногласия. Причиной вновь стала неумная амбициозность Корнилова и его тяга к единоличной власти. Тем временем Красная армия росла количественно и качественно и уже показала себя в боях за Ростов, Новочеркасск и Таганрог, тогда как и без того малочисленная Добровольческая армия таяла на глазах. Со всей остротой встал вопрос о самом существовании Белого движения на юге России. На совещании руководителей движения было решено пробиваться на Кубань, к Екатеринодару, где, по докладам разведки, все еще продолжалась борьба между сторонниками Советской власти и казаками краевого правительства. 9 февраля 1918 г. Добровольческая армия выступила из Ростова в 1-й Кубанский (Ледяной) поход. Уже позднее некоторые из участников этого 250-километрового марша отмечали, что главной причиной страданий были не тяжелые дороги, страшная

грязь, морозы и жестокие бои с красными, а осознание того, что на своей земле они чувствовали себя чужими. Местное население нередко проявляло открытую враждебность, отказывалось давать приют и продовольствие. Страсти подогревал и сам Корнилов, приказавший пленных не брать: «Чем больше террора, тем больше победы». Авторитет генерала среди добровольцев поднялся на небывалую высоту. «Простота, искренность, доверчивость сливались в нем с железной волей, и это производило чарующее впечатление», — писал «рядовой» офицер Р. Б. Гуль.

14 марта стало известно о захвате частями Красной армии Екатеринодара. Отряды белых под командованием Покровского, Лисовицкого и казаки Филимонова, оказавшись под угрозой окружения, вынуждены были отступить и позднее влились в состав Добровольческой армии. Штаб Корнилова разработал довольно смелый и грамотный план взятия столицы Кубанской области с захватом складов с боеприпасами в станице Елисаветинской, разгромом красных южнее города и осуществлением переправы через реку Кубань. 28 марта добровольцы вышли к окрестностям Екатеринодара, на следующий день были захвачены предместья. Утром 31 марта Корнилов отдал приказ о решающем штурме города. Несмотря на крайне опасное положение добровольцев, их командующий пребывал в отличном настроении и пил чай у себя в штабе. В этот момент раздался сильный взрыв. Снаряд прямым попаданием разнес в щепки ветхое строение. Генерал был отброшен взрывной волной и придавлен обломками стола и кровати. Его, находящегося без сознания, вытащили из завалин, через час Лавр Георгиевич скончался. Скрыть смерть командующего не удалось, дух атакующих город добровольцев был сломлен. Деникин, взявший на себя командование армией, вечером того же дня отдал приказ об отходе от Екатеринодара. Корнилов был тайно похоронен на территории немецкой колонии Гначбау, в 50 километрах от города. Большевикам все же удалось найти могилу генерала. Бойцы из отрядов Сорокина и Золота-

рева отвезли труп в Екатеринодар, где попытались его повесить, однако веревка оборвалась. Несколько часов тело Корнилова валялось на площади и подвергалось надругательствам пьяной толпы. Затем останки генерала отвезли на городские бойни, где обложили соломой и сожгли, развеяв пепел по ветру.

АВТОНОМОВ

Александр Исидорович Автономов родился в 1890 г. в известной на Дону казачьей семье. Осенью 1914 г. он был призван в армию и как выпускник гимназии направлен на офицерские курсы, по окончании которых получил звание подхорунжего. На фронтах Первой мировой войны Автономов сражался в рядах 39-го и 28-го казачьих полков. Один из его тогдашних знакомых следующим образом описывал внешность будущего красного военачальника. «Небольшой, худенький, шуплый, в форме донского офицера, в золотых очках, в частной беседе он больше напоминал собою “шпака”, чем военного. Казаки-донцы 39-го полка любили своего “подслеповатого”, как говорили они, хорунжего».

Несмотря на свою «штатскую» внешность, Александр Исидорович имел вполне достойную боевую репутацию и к февралю 1917 г. дослужился до звания сотника. Свержение самодержавия он, как и большинство военных, воспринял с энтузиазмом. Последующие события (падение дисциплины в армии, рост дезертирства, создание солдатских комитетов, отмена знаков различия и чинопочитания) толкнули многих офицеров в стан контрреволюции, однако к Автономову это не относилось. На всех митингах он громко требовал «углубления демократизации армии» и вскоре превратился в одного из любимцев солдатской массы. Высшее начальство пыталось избавиться от беспокойного подчиненного и под надуманными предлогами посылало его в тыловые командировки, однако, к огорчению генералов, вместо того чтобы дезертировать, Александр Исидорович всякий раз возвращался обратно.

Осенью 1917 г. популярный офицер был выбран на собравшийся в Киеве казачий съезд. Здесь вместе с войсковым старшиной Н. М. Голубовым Автономов возглавил пробольшевистски настроенных делегатов. Им противостояли контрреволюционеры из числа сторонников донского атамана Каледина. После бурных дискуссий съезд так и не принял каких-либо четких резолюций и в конце концов был выдворен из Киева украинскими националистами.

Делегаты перебрались в донскую столицу Новочеркасск. Город находился под контролем калединовцев, а их оппоненты довольно быстро переместились со съездовской трибуны в тюрьму. Гражданская война еще только разгоралась, разгул красного и белого терроров был впереди, а потому обе стороны при случае позволяли себе играть в «законность» и «гуманизм». По требованию «казачьих низов», Автономов был выпущен на свободу, после чего (видимо, догадываясь, что игры в «гуманность» скоро закончатся) поспешил бежать из Новочеркасска.

На Дон, между тем, со всех сторон надвигались отряды Красной гвардии. Добравшись до Миллерово, Александр Исидорович встретился с вождем этого воинства — «чрезвычайным комиссаром по борьбе с контрреволюцией на Юге России» Антоновым-Овсеенко. Видный большевик довольно быстро оценил таланты прибывшего к нему казачьего офицера. Уже после месяца совместной работы он выдал Автономову значительную сумму денег и специальный мандат с правом самостоятельно формировать части Красной гвардии на Кубани. Прибыв на Тихорецкую, Александр Исидорович наложил руку на здешние оружейные склады и сколотил вокруг себя небольшой, но относительно дисциплинированный отряд из местных рабочих-железнодорожников.

Имевшиеся у Автономова деньги и оружие привлекали к нему все новых добровольцев, и вскоре в распоряжении большевистского военачальника имелось уже около 3—4 тыс. хорошо вооруженного войска с артиллерией и бомбометами. По соседству действовали другие красные

части (Сорокина, Золотарева и др.), однако отряд Автономова был самым крупным.

На тот момент главным противником северокавказских и кубанских большевиков была засевшая в Екатеринодаре Кубанская Казачья Рада. 4 марта после упорных боев красные овладели городом. На радостях бойцы занялись грабежами и физическим уничтожением местной буржуазии

Вскоре было объявлено о создании Кубано-Черноморской Советской республики. Пережидая, пока подчиненные насытятся «экспроприациями», их командиры занялись распределением постов в военной иерархии нового «государства». Судя по всему, при этом они исходили из степени влиятельности того или иного полевого командира; в результате Автономов стал главнокомандующим, Сорокин — его заместителем, а Золотарев занял третью по значению военную должность — коменданта Екатеринодара.

Однако радость победы оказалась недолгой. На подступах к Екатеринодару появилась пришедшая с Дона Добровольческая армия генерала Корнилова. Объединившись с войсками Казачьей Рады, белые двинулись на штурм кубанской столицы.

Битва за Екатеринодар стала первым крупным полемым сражением Гражданской войны. Даже советские историки отмечали, что корниловцы в этом бою проявили огромное мужество и воинское мастерство. Более того, те же историки признавали, что силы красных едва ли не в 10 раз превосходили силы противника. Однако следует учитывать и другие факторы. Со стороны белых здесь действовали отборные части, состоявшие главным образом из кадровых офицеров. Со стороны красных — недисциплинированные и плохо управляемые толпы, весьма мало склонные считаться с авторитетом собственных начальников. Для того, чтобы повести в бой подобную орду и, более того, одержать с ней победу, требовалось быть человеком незаурядных дарований. Главком Автономов с этой задачей справился...

29 марта начавшаяся днем раньше битва за Екатеринодар достигла наибольшего ожесточения: отборный корниловский полк полковника Неженцева рвался к центру города — Сенному базару. Впоследствии сам Автономов признавал, что в этот момент для отражения противника ему пришлось «вооружать и пускать в бой первых попавшихся, встреченных на улице людей». Напор белых ослаб после того, как одна из пуль сразила полковника Неженцева. Бой вновь переместился на окраины, и Автономов на какое-то время упустил из-под контроля ситуацию у Сенного базара. Эта ошибка едва не стала роковой для красных.

Сменивший Неженцева генерал Казанович прорвался в центр города, захватив скопившиеся там подводы с продовольствием. Однако из-за общей неразберихи другие белые части вовремя не поддержали его. Под покровом темноты отряд Казановича смешался с красногвардейцами и благополучно отступил к своим.

30 марта белые вновь двинулись на приступ, но понесенные накануне потери оказались столь значительными, что к середине дня бой затих. Решающий штурм, назначенный на 31 марта, был отменен из-за гибели Корнилова. Потрепанная и лишившаяся вождя Добровольческая армия начала обратный марш с Кубани на Дон...

Под Екатеринодаром Красная армия, хотя и ценой огромных жертв (около 5 тыс. одних убитых), добилась первого значительного военного успеха. Советская республика нуждалась в героях, и не удивительно, что «главный виновник» этой победы тут же оказался на гребне популярности. Ленинский Совнарком утвердил его в должности главкома Кубано-Черноморской республики. В короткое время Александр Исидорович обзавелся всем необходимым антуражем «большого начальника» — персональным бронепоездом, роскошными автомобилями, толпой адъютантов и миловидных «секретарш». Вся эта орава «прихлебателей» славилась его как «нового Наполеона». Следует отметить, что многие белогвардейцы также сравнивали Корнилова с Бонапартом, но если для Кор-

нилова Екатеринодар стал своеобразным Ватерлоо, то для Автономова этот же город мог стать новым Маренго — первой ступенью к власти военного диктатора. Тем не менее этого не произошло.

В отличие от Наполеона (да и от Корнилова), безудержное честолюбие не было ему присуще. Да и «светлые идеалы революции» вовсе не казались Александру Исидоровичу пустым миражом. В расплату за подобный идеализм красному главкому также пришлось пройти через свое Ватерлоо, правда не военное, а политическое...

В апреле 1918 г. Кубано-Черноморская республика оказалась в полукольце врагов: с севера и запада (от Ростова-на-Дону, Тамани и Грузии) угрожали немцы, с северо-востока — Добровольческая армия Деникина. Одновременно под влиянием политики раскачивания в кубанских станицах начались антибольшевистские восстания. Пытаясь привлечь на свою сторону казаков и бывших офицеров, Автономов предложил сформировать новую Красную армию для борьбы с немцами. Возглавить ее должен был один из популярных боевых генералов. В качестве возможных кандидатов назывались находившиеся на отдыхе в Пятигорске генералы Рузский и Радко-Дмитриев. В ходе личной встречи с Автономовым оба они дали ответ: «Воевать с немцами будем, командование в любое время примем, при условии, что в армии будет дисциплина. Воевать же с Добровольческой армией не будем, ибо не мыслим себе войны русских с русскими».

Последний пункт выглядел невыполнимым, поскольку Добровольческая армия явно не желала мириться с большевиками. Лучшего оставляли желать и вопросы дисциплины. Пытаясь пресечь грабежи, Автономов расстрелял кое-кого из своих подчиненных (в том числе коменданта Екатеринодара Золотарева). Как следствие, в его адрес все чаще стали звучать обвинения в «бонапартистских замашках» и даже «контрреволюционности». Пытаясь ограничить власть командующего, местные партийные деятели создали Чрезвычайный штаб обороны. Новый орган постоянно тормозил, а то и отменял распоряжения Автономова,

нарушая основополагающий для любой армии принцип единоначалия. Более того, все действия членов штаба объяснялись не столько соображениями целесообразности, сколько желанием укротить «зарвавшегося мальчишку». В сражавшихся на фронте частях это прекрасно понимали и в большинстве случаев поддерживали главкома. Более того, съезд делегатов Северокавказской Красной армии выдвинул резолюцию: «Централизовать все вооруженные силы Кубано-Черноморской республики и Северного Кавказа в лице главнокомандующего товарища Автономова, которому поручается создать аппарат военного управления, снабжения и снаряжения войск. Категорически потребовать от высшей центральной власти Российской Федеративной республики устранения вмешательства гражданских властей. ЦИК упразднить всякие Чрезвычайные штабы, тормозящие оборону Кубано-Черноморской республики и Северного Кавказа».

На противников главкома эта резолюция не произвела никакого впечатления. Тогда в качестве профилактической меры Александр Исидорович приказал арестовать сначала членов штаба, а затем и вступивших за них членов ЦИК Кубано-Черноморской республики. Через несколько часов все арестованные были освобождены, но в Москву уже летел поток жалоб, в которых он представлялся человеком, противостоящим «линии партии». Тогда же вспомнили о контактах Автономова с Рузским и Радко-Дмитриевым, что позволило представить его «скрытым белогвардейцем».

28 мая 1918 г. в Екатеринодаре состоялся III Чрезвычайный съезд Советов Кубано-Черноморской республики, посвященный вопросу об «автономовщине». В разгар заседания из Совнаркома пришла телеграмма, сообщавшая о снятии Александра Исидоровича с поста главкома и отзыве его в Москву (с последующим преданием суду). Поднявшись на трибуну Автономов отказался от речи в свою защиту и с горьким сарказмом произнес: «Кланяюсь тем, с которыми вместе сражался за ту свободу, за которую

они дали мне имя «контрреволюционера». Зал на короткое время стих, а затем ответил возмущенным улюлюканьем...

В Москве Александр Исидорович был взят под опеку Серго Орджоникидзе. По его ходатайству Автономова реабилитировали и направили во Владикавказ. Командуя бронепоездом, бывший кубанский главком вновь сражался с белыми и создавал отряды «Красной армии горских народов». В начале 1919 г. Гражданская война вышла на очередной (решающий) виток, и, вполне вероятно, судьба готовила для него новый взлет. Однако взлета не произошло.

2 февраля 1919 г. Александр Исидорович Автономов скончался от тифа в горах Кавказа.

Любая Гражданская война означает хаос. В моменты, когда этот хаос достигает предела, на повестку дня встает вопрос о военной диктатуре. Гражданская война во Франции породила Наполеона. Гражданская война в России выдвинула целую плеяду «несостоявшихся бонапартов» (как со стороны белых, так и со стороны красных). Корнилов и Автономов из их числа.

История весьма своеобразно распорядилась с посмертной славой двух военачальников. Честолюбец Корнилов вошел в летописи «как бескорыстный и самоотверженный рыцарь Белого дела». Проиграв все свои крупные сражения, он остался для потомков крупным и даже выдающимся полководцем.

Имя Автономова менее известно, причем большинство историков склонны оценивать его только как неудачливого авантюриста. Между тем подобный взгляд трудно признать справедливым. В условиях Гражданской войны Автономов проявил незаурядный военный талант, сумев нанести поражение отборным войскам противника. Более того, в момент, когда война «русских против русских» все больше набирала обороты, кубанский главком оказался одним из немногих, кто попытался сделать хоть какие-то шаги к объединению соотечественников против общего врага — Гер-

мании. В своей политической игре Автономов оказался не столько честолюбцем, сколько романтиком-идеалистом, и в конечном счете это и привело его к падению. Правда, в конце жизни военная карьера Автономова вновь пошла в гору, но ненадолго... Возможность стать Бонапартом никогда не повторяется дважды.

Глава 2

ШАЛЬНОЙ ОСКОЛОК, ШАЛЬНАЯ ПУЛЯ...

Зима 1917—1918 гг. Пламя Гражданской войны еще только разгоралось. С Запада неумолимо надвигалось германское нашествие, а на окраинах бывшей Российской империи возникали «независимые» и полунезависимые государства (Украина, Кубань, Всевеликое Войско Донское). Здесь же бродили и воевали друг с другом бесчисленные полупартизанские отряды красных и белых — зародыши будущих регулярных армий. В это смутное время по бескрайним южным степям пошла гулять слава о двух лихих и отважных военачальниках...

МАРКОВ

Сергей Леонидович Марков родился 7 июля 1878 г. в семье потомственного офицера. Блестяще закончил 1-й Московский кадетский корпус и Константиновское артиллерийское училище в Петербурге. В 1898 г. был произведен в подпоручики и назначен в лейб-гвардии 2-ю артиллерийскую бригаду.

Перспективный офицер продолжил образование в Николаевской военной академии, получив эполеты генштабиста перед самой Русско-японской войной. За участие в боевых действиях на Дальнем Востоке Марков был награжден несколькими орденами, в том числе весьма пре-

стижным среди армейцев Владимиром 4-й степени с мечами и бантом. С лета 1905 г. Сергей Леонидович занимал должности сначала старшего адъютанта штаба 1-го Сибирского армейского корпуса, а затем помощника старшего адъютанта при штабе Варшавского военного округа. Вскоре после перевода в Генеральный штаб (в январе 1908 г.) он женился на Марианне Павловне Путятиной. Брак оказался счастливым и многодетным. Супругу свою Марков называл шутливо-ласково Мухой, Мирой.

В Петербурге Сергей Леонидович не только занимался штабной работой, но и преподавал в Николаевской академии, Михайловском артиллерийском и Павловском военных училищах. Курс его включал в себя тактику, историю военного искусства петровских времен и военную географию.

Отлично разбираясь в теоретических вопросах, полковник Марков постоянно твердил ученикам: «Не придерживайтесь устава как слепой стены. Дело военное — дело практическое, никаких трафаретов, никаких шаблонов. Дух возбуждает идеи, ум их творит, воля их осуществляет. От хорошего офицера требуется гармония этих трех элементов. Дух должен быть свободным от теорий... но книги все же надо читать».

С началом Первой мировой войны Сергей Леонидович получил великолепную возможность испробовать все вышеизложенные тезисы на практике. Полученное им назначение — начальник штаба 4-й стрелковой бригады — было столь же почетным, сколь и рискованным. Часть эта всегда находилась на самых опасных участках фронта и уже за первые месяцы боев успела завоевать почетный титул «Железной».

С самого начала между Марковым и командиром бригады А. И. Деникиным установились отличные рабочие и личные отношения. К своему начальнику Сергей Леонидович относился с огромным уважением и даже отпустил себе небольшие темные усы и бородку а-ля Деникин.

В апреле 1915 г. «Железная» бригада получила подкрепления и была развернута в дивизию.

Под натиском австро-германцев русские войска в это время отступали из Галиции. Рассказывая о жестоких боях под Перемышлем, мемуаристы вспоминали, как, выводя из под огня остатки своих потрепанных рот, Сергей Леонидович шагал рядом с командиром 14-го полка. Внезапно снарядный взрыв накрыл их обоих. Соседу Маркова оторвало голову, а он сам, заляпанный грязью и залитый кровью товарища, безмолвно продолжил свой путь.

В декабре 1915 г. Сергей Леонидович был произведен в звание генерал-майора. Во время Брусиловского прорыва «Железная» дивизия сполна отыгралась за предшествующие неудачи. Во время наступления на Чарторыйск Марков по телефону докладывал командованию: «Очень оригинальное положение! Веду бой на все четыре стороны. Так трудно, что даже весело!».

Тем не менее Чарторыйск взяли и вышли в тылы противника. Наткнувшись на австрийскую бригаду, 13-й полк под командованием Маркова двинулся на австрийцев развернутым строем, под музыку и без единого выстрела (в Гражданскую войну за такими атаками закрепится прозвище психических). Впавший в транс противник, даже не пытаясь сопротивляться, сложил оружие.

Февральскую революцию Марков встретил в должности генерала для поручений при командующем 10-й армией. Временное правительство назначило Деникина начальником штаба Ставки верховного главнокомандующего, и тот по старой памяти взял к себе Маркова вторым генерал-квартирмейстером.

В эти дни Сергей Леонидович писал в своем дневнике: «Руки опускаются работать. История идет логически последовательно. Многие подлое ушло, но и всплыло много накипи... Погубят армию эти депутаты и советы, а вместе с ней и Россию».

При этом Марков лучше любого другого генерала умел разговаривать и с депутатами, и с советами. Virtuозно матерясь и сыпя грубоватыми шутками, он всегда казался солдатам таким «рубахой-парнем» и пользовался у них громадной популярностью.

В начале августа Деникин переместился в Бердичев на пост командующего Юго-Западного фронтом. В очередной раз Марков последовал за своим «патроном», заняв при нем уже привычную должность начальника штаба. Одновременно Сергей Леонидович был произведен в звание генерал-лейтенанта.

Менее чем через месяц главком Корнилов выступил против Временного правительства. Деникин и его штаб как лица, «поддержавшие мятежника», подверглись аресту и вместе с самим Корниловым были заключены в Быховскую тюрьму. После прихода большевиков к власти, в обстановке всеобщей неразберихи тогдашний главком Духонин отдал приказ об освобождении Корнилова, Деникина, Лукомского, Романовского и Маркова.

Оказавшись на воле, генералы решили пробираться на Юг, к донскому атаману Каледину, объявившему о своем непризнании Советской власти. Романовский и Марков решили ехать вместе, причем Романовский переоделся прапорщиком, а Марков взялся разыгрывать роль его денщика.

За Харьковом во время пересадки на ростовский поезд они случайно пересеклись с Деникиным и дальнейший путь проделали уже втроем. Марков за время пути успел передружиться со всем составом. Он постоянно бегал за кипятком и сигаретами для «своего офицера», болтал с «революционными солдатами» и даже участвовал в стихийных привокзальных митингах.

В Ростове-на-Дону Сергей Леонидович задержался на пару недель, чтобы навестить родных, и затем вновь воссоединился со своими спутниками в Новочеркасске.

Здесь, в столице Всевеликого Войска Донского, два бывших главкома — Алексеев и Корнилов — объявили о создании антибольшевистской Добровольческой армии. Здесь же 7 января 1918 г. состоялась свадьба А. И. Деникина и К. И. Чиж. Свидетелями на венчании оказались два бывших сослуживца «молодожена» по «Железной» бригаде — Марков и Тимановский. Вскоре вслед за этим свадебным пиром последовал другой пир — кровавый.

Со всех сторон на Дон надвигались отряды красных. Видя общее нежелание казаков сражаться, застрелился атаман Каледин. С его смертью Корнилов и Алексеев лишились союзника и приняли решение прорываться на Кубань. 28 февраля Добровольческая армия (около 4 тысяч, не считая беженцев) выступила из Ростова-на-Дону. Сергей Леонидович в этом походе командовал главной ударной силой добровольцев — 1-м Сводно-офицерским полком (1-й, 2-й и 3-й офицерские батальоны, военно-морская рота, дивизион смерти Кавказской кавалерийской дивизии — всего около 800 человек).

Принимая полк, он произнес вдохновенную речь: «Не много же вас здесь... Но не огорчайтесь! Я глубоко убежден, что даже с такими малыми силами мы совершим великие дела. Не спрашивайте меня, куда и зачем мы идем, — я все равно скажу, что мы идем к черту на рога за синей птицей... Вижу, что у многих нет погон. Чтоб завтра же надели — сделайте хотя бы из юбок ваших хозяек».

Ночью на подходе к занятой красными станице Ново-Дмитриевской «добровольцы» обнаружили, что вздувшаяся река снесла мост. Марков увлек своих подчиненных вброд. Погода была морозная, вокруг бушевала пурга. Мокрые шинели на бойцах заледенели, и взять станицу теперь было необходимо хотя бы ради того, чтобы выжить. После свирепой рукопашной схватки красных вытеснили из Ново-Дмитриевской, а утром, увидев Маркова, одна из медсестер воскликнула: «Это был настоящий Ледяной поход!». Под этим названием 1-й Кубанский поход Добровольческой армии вошел в историю Гражданской войны.

В ходе беспрерывных боев белые добрались до Екатеринодара. 10 апреля Корнилов начал штурм города. Первый приступ был отбит, и на следующий день в наступление пошла подтянувшаяся бригада Маркова. Сергей Леонидович лично возглавил атаку, в ходе которой удалось овладеть хорошо укрепленными артиллерийскими казармами. Тем не менее и на этот раз штурм закончился неудачей.

13 апреля командующий планировал предпринять последнюю попытку овладеть Екатеринодаром. Узнав об этом, Марков сказал подчиненным: «Наденьте чистое белье, у кого есть. Екатеринодар не возьмем, а если и возьмем, то погибнем».

Однако решающий штурм так и не состоялся. В 8 часов утра Корнилов погиб от взрыва артиллерийского снаряда. Его преемник генерал Деникин принял решение отступить обратно на Дон.

Двинувшись на север, Добровольческая армия вышла к занятой большевиками станции Медведовская. С отрядом разведчиков Марков захватил будку у железнодорожного переезда и, выдав себя за служащего станции, по телефону попросил подогнать, единственный имевшийся у красных бронепоезд. Когда состав появился у переезда, Сергей Леонидович верхом подъехал к паровозу и зашвырнул гранату в кабину машинистов. Раздался взрыв. Со всех сторон на остановившийся бронепоезд устремились сидевшие в засаде бойцы Маркова. Топорами они рубили крыши вагонов, бросали внутрь гранаты, стреляли через бойницы. В результате почти весь экипаж бронепоезда был перебит. За это же время другой белый отряд (под командой Боровского) успел овладеть станцией. Победителям достались 400 снарядов и 100 тыс. патронов. Эти трофеи помогли добровольцам оправиться от неудач и продолжить борьбу.

1 мая войска Деникина заняли Новочеркасск. Спустя месяц окрепшая Добровольческая армия насчитывала 10 тысяч штыков и сабель, причем Сергей Леонидович командовал в ней уже не полком, а дивизией. 22 июня из станции Мечетинской добровольцы выступили во 2-й Кубанский поход. Через два дня с юга и востока они атаковали станцию Торговую (город Сальск). Большевикам пришлось отступить на север к станции Шаблиевке, но здесь их встретила и окончательно разбила дивизия Маркова...

И все же один из бронепоездов красных при помощи своих мощных орудий сумел вырваться из капкана. Предпоследний выстрел (посланный практически наугад) нашел свою жертву. Осколок снаряда ударил Маркова в за-

тылок и снес часть левого плеча. «Как мост?» — успел спросить он перед смертью. Известие, о том, что мост взяли, генерал, видимо, уже не слышал...

Внезапная смерть всеобщего любимца потрясла Добровольческую армию и смазала весь эффект от одержанной победы. Деникин почтил его память трогательными словами: «Рыцарь, герой, патриот с горячим сердцем и мятежной душой, он не жил, а горел любовью к Родине и бранным подвигам».

28 июня 1918 г. тело Сергея Леонидовича Маркова было торжественно захоронено на военном кладбище Новочеркаска.

КИКВИДЗЕ

Василий (Васо) Исидорович Киквидзе родился 28 февраля 1895 г. в городе Кутаиси. В 7-летнем возрасте мальчик лишился отца. Мать вышла замуж вторично за мелкого служащего — человека «передовых убеждений». Несмотря на свое скромное жалованье, отчим пошел на значительные расходы и сумел устроить пасынка в кутаисскую мужскую гимназию.

Здесь Васо довольно часто приходилось сносить насмешки по поводу своего старенького потертого костюма, в ответ на которые он, не без некоторой гордости, отвечал: «Мой папа честен, поэтому честен и мой костюм». Рассказывая о таких эпизодах, биографы легендарного начдива не без основания отмечали, что «именно тогда в юноше стало созреть чувство протеста против окружающей несправедливости».

В 12-летнем возрасте юноша начинает свою революционную карьеру в качестве расклейщика эсеровских листовок. Как-то он даже прикрепил одну из таких прокламаций к хвосту лошади жандармского офицера. Прodelку заметили, и, спасаясь от погони, сорванцу пришлось прыгать с моста в бурные воды Риони.

Затем настали годы реакции. Материальное положение семьи ухудшилось, а школьные успехи Васо были явно

недостаточны для того, чтобы продолжать учебу за счет казны. В 1910 г. Киквидзе приходится оставить гимназию и устроиться рабочим на кирпичный завод. Здесь он еще больше сближается с революционерами-подпольщиками и одновременно ухитряется экстерном сдать экзамен за полный курс гимназии.

Благодаря этому, будучи призван в армию в 1915 г., Васо отправляется туда не в качестве рядового, а в качестве вольноопределяющегося. В ближайшее время Киквидзе имел все шансы стать офицером, однако сражаться на фронте «за интересы российского империализма» ему вовсе не хотелось.

Накануне медицинского осмотра он попытался симулировать болезнь и с этой целью опился настоем из крепкозаваренной махорки. На богатырском здоровье столь рискованный опыт никак не отразился, и новобранцу Киквидзе пришлось отправиться в 6-ю кавалерийскую дивизию 7-го корпуса Юго-Западного фронта.

Далее некоторые биографы занимаются перечислением фронтовых подвигов Василия Исидоровича, однако, судя по всему, поучаствовать в боевых действиях ему так и не пришлось. Во всяком случае уже осенью 1916 г. дезертир Киквидзе появляется на бакинских нефтепромыслах и почти сразу же попадает в руки полиции.

Как ни странно, никакого особого наказания не последовало. Беглец всего лишь по второму кругу отправился на фронт и почти сразу же вновь дезертировал. На сей раз его ловят у одного из родственников, в горном ауле неподалеку от Кутаиси. За измену и неоднократные побег Киквидзе приговаривают к смертной казни, однако Февральская революция распахнула перед ним ворота тюрьмы...

На сей раз Василий Исидорович добровольно отправляется на фронт защищать завоевания революции. Все эти годы Киквидзе не прерывал связей с подпольем, и хотя в тонкостях политических программ особенно не разбирался, сам себя относил к эсерам. Обладая огромным обаянием и незаурядным талантом оратора, он довольно быстро стал популярен по всему Юго-Западному фронту.

В начале марта 1917 г. Киквидзе выступает перед солдатами 3-го запасного кавалерийского полка с настолько пламенной речью, что дело заканчивается убийством командира полка полковника Автандилова. Через несколько дней он же убеждает своих сослуживцев по 6-й кавалерийской дивизии отказаться от карательной экспедиции против взбунтовавшегося Туркестанского корпуса.

К Октябрьскому перевороту почти все соединения российской армии утратили последние остатки боеспособности. Одним из свидетельств этого стал 2-й чрезвычайный съезд Юго-Западного фронта (18 ноября 1917 г.), закончившийся избранием фронтового военно-революционного комитета (ВРК) под руководством большевика Г. Разживина и В. Киквидзе (ставшего его заместителем). Правые эсеры попытались выступить с осуждением убийства главкома генерала Духонина, однако большевики и левые эсеры (к которым примкнул и Василий Исидорович) поспешили объявить съезд распущенным.

Новый ВРК разместился в Ровно. Здесь было принято решение начать формирование отрядов Красной гвардии. С этой целью Киквидзе занялся объездом фронтовых частей. Между тем некоторые полки (состоявшие как правило из местных уроженцев) объявили себя гайдамаками и сторонниками «самостийной Украины». В ночь на 29 декабря один из таких отрядов под командованием полковника В. Оскилко занял Ровно и арестовал фронтовое ВРК. Тем не менее значительная часть гарнизона, наблюдая за происходившими событиями, заняла нейтральную, а то и враждебную по отношению к гайдамакам позицию. Чтобы объединить недовольных, требовался лидер, и вскоре он появился в лице вернувшегося из Луцка Киквидзе.

В ночь на 1 января 1918 г. во главе пробольшевистски настроенных частей Василий Исидорович предпринял успешное нападение на «самостийников» и к утру полностью взял город под свой контроль.

Оказавшись в роли победителя, Киквидзе сумел сколотить первый на Украине отряд Красной гвардии. Согласно донесению, посланному главкому Крыленко,

«в него вошли коммунисты и рабочие г. Ровно — 300 человек, солдаты Туркестанского и 25-го корпусов — 600 человек, 150 кавалеристов 130-го Орденского полка, автобронерота Юго-Западного фронта в полном составе; две полевые батареи под командованием Карпущина и Эбро в полном составе». Для раздираемой на части Украины все это оказалось весьма внушительной боевой силой.

Заняв Бердичев и сместив контрреволюционного командующего Юго-Западным фронтом генерала Володченко, Василий Исидорович двинулся на столицу Украины. В январе 1918 г. его войско совместно с другими красными частями заняло Киев, изгнав оттуда украинское национальное правительство (Центральную Раду). За счет местных рабочих отряд разросся до 5500 человек, обзавелся бронепоездом и был переименован в 4-ю армию.

Однако борьба только начиналась. Прервав перемирие, немцы перешли в наступление. В союзе с германцами выступили гайдамаки. В результате большевикам пришлось оставить не только Киев, но и всю Украину. После подписания позорного Брестского мира части Киквидзе были отведены на переформирование в Тамбов.

Имея за душой лишь небольшие полупартизанские соединения, советскому правительству пришлось начинать строительство новой регулярной армии. Многочисленный, сравнительно дисциплинированный и неплохо вооруженный отряд Киквидзе оказался в этой ситуации настоящей находкой для большевиков. Его тут же развернули в 1-ю дивизию внеочередного формирования (впоследствии 16-ю), привели к присяге и спешно перебросили на Царицынский фронт против Краснова.

Здесь у Василия Исидоровича постоянно происходили трения с начальником штаба Северо-Кавказского военного округа бывшим генералом Носовичем. И хотя впоследствии выяснилось, что Носович был самым настоящим белогвардейским агентом, на репутации Киквидзе эти столкновения сказались далеко не лучшим образом. За ним закрепилась репутация не слишком надежного и со-

знательного командира, излишне склонного к самостоятельным действиям.

Разумеется, принадлежность Василия Исидоровича к партии левых эсеров (поднявших 6 июля антибольшевистский мятеж в Москве) никак не способствовала снятию этих подозрений.

Тем не менее отстранить Киквидзе от командования не представлялось возможным: слишком велики были его известность и популярность в Красной Армии.

Во главе дивизии Киквидзе энергично осваивал новые формы боевых действий в условиях Гражданской войны. Его подчиненные умели быстро выгружаться из эшелонов, занимать круговую оборону, погружаться обратно и отрываться от противника. Составы оборудовались для быстрой высадки кавалерии и артиллерии. Имелись специальные краны для выгрузки пушек, часть артиллерии была приспособлена для стрельбы с железнодорожных платформ.

За голову Василия Исидоровича Краснов объявил награду в 25 тысяч золотых рублей, чем доставил ему большое удовольствие. Своеобразным ответом Киквидзе стало занятие станицы Преображенская, существенно повлиявшее на общее положение в Донской области. Вскоре после этой победы комдиву доставили захваченную разведчиками белогвардейскую почту, из которой следовало, что для расследования причин неудачи на фронт должен прибыть некий офицер из грузинского княжеского рода. Василий Исидорович не преминул устроить маскарад, проникнув под личиной этого офицера в штаб противника и благополучно вывезя в свое расположение «языка» — белогвардейского полковника.

Не раз Киквидзе «гулял» по тылам неприятеля на броневом автомобиле в компании всего двух товарищей — своего заместителя Железнякова и командира автороты Доценко. При этом комдив был ранен 13 раз, однако среди его подчиненных жила легенда, что «Киквидзе смерть не берет».

Как и многие другие предания, эта легенда не имела ничего общего с действительностью...

К концу 1918 г. 16-я дивизия получила почетное наименование «Железной» и превратилась в мощную боевую силу. Теперь она включала в свой состав 6 пехотных и 6 кавалерийских полков, бронепоезд, автобронероту из 10 машин, прожекторную роту, 9 артиллерийских и одну линейную батарею.

10 января 1919 г. 9-я красная армия после пятимесячных, преимущественно оборонительных боев перешла в наступление. «Железная» дивизия действовала на фронте протяженностью 60 километров и в первый же день успешно овладела хуторами Зубрилов и Чепышев. Изредка вступая в перестрелки, неприятель начал отходить к станции Ярыженская. Киквидзе с группой разведчиков решил присоединиться к передовому полку своей дивизии — Тамбовскому — и провести рекогносцировку местности. Эта вылазка оказалась для Василия Исидоровича роковой. Одна из редких случайных пуль, выпущенных со стороны противника, попала ему в грудь около сердца. Менее чем через час, не приходя в сознание, комдив скончался на перевязочном пункте.

12 января Реввоенсовет республики прислал в дивизию сочувственную телеграмму: «Ваш вождь Киквидзе — один из лучших солдат революции — выбыл из строя. Недавно контуженный, он продолжал оставаться на своем посту. В этот раз вражеская пуля попала метко. Один из самых грозных врагов красновской контрреволюции. 16-я дивизия отныне будет именоваться дивизией Киквидзе. Отныне дивизия Киквидзе должна знать только один лозунг, один клич: “Беспощадная месть за смерть своего вождя”. Смерть красновцам и вечная память герою Киквидзе».

Среди потрясенных бойцов «Железной» дивизии ходили глухие слухи, что Василий Исидорович был ликвидирован чекистскими агентами. Версия эта так и не нашла никакого подтверждения. Возможно, Киквидзе с его строптивостью и партизанскими замашками действительно не внушал большевикам особого доверия, однако похоронили его со всеми воинскими почестями в Москве на Ваганьковском кладбище.

Жизненные пути Маркова и Киквидзе начались с разных исходных позиций. Один — русский, другой — грузин. Один с самого начала избрал карьеру военного, судьба другого складывалась более сложно и извилисто. Однако с какого-то момента совпадения двух биографий становятся просто удивительными. Свой боевой путь Марков начинал в дивизии, которая именовалась Железной, в Гражданскую войну Киквидзе также командовал Железной дивизией, но уже в другой армии — Красной.

В Первую мировую войну оба воевали на Юго-Западном фронте, причем после установления Советской власти в иерархии фронтового командования Киквидзе занял второе место (заместитель председателя ВРК). Чуть раньше, при Временном правительстве, это второе место принадлежало Маркову (как начальнику штаба фронта).

И Марков и Киквидзе приобрели известность во время походов, которые стали легендами Белой и Красной армий (Ростов — Екатеринодар — Новочеркасск и Ровно — Бердичев — Киев — Тамбов). Оба военачальника командовали в этих походах полками, впоследствии развернутыми в дивизии. По странному совпадению, боевые пути этих двух дивизий оказались столь же трагичными, как и судьбы их командиров. После поражения Белого движения 1-я пехотная имени Маркова дивизия была эвакуирована в Турцию, где и прекратила свое существование. В Великую Отечественную войну 16-я стрелковая дивизия имени Киквидзе сражалась на подступах к Ленинграду и практически полностью была уничтожена...

Марков и Киквидзе погибли в самом начале Гражданской войны, оставив по себе долгую и славную память среди соратников по оружию. Один погиб от шального осколка, другой — от шальной (хотя, впрочем, шальной ли?) пули. В любом случае смерть их трудно признать случайной. Известно, что храбрецы долго не живут.

Глава 3

ПО БЕССАРАБИИ КОЧУЯ...

Весной 1918 г. через Бессарабию на Дон пробивался сводный офицерский отряд полковника Дроздовского. В занятых по пути селениях белые восстанавливали «законную власть», вешая и расстреливая угодивших им в руки комиссаров.

Среди прочих пленных к дроздовцам попал и бывший разбойничий атаман, а тогда командир Красной гвардии Григорий Котовский. Правда, офицеры не знали подлинное имя задержанного и отправили его под арест вплоть до окончательного выяснения личности.

Однако выяснение личности так и не состоялось. В первую же ночь пленник бежал, избежав тем самым неминуемой гибели. Так единственный раз пересеклись и опять разошлись судьбы двух персонажей, каждый из которых впоследствии стал для своих единомышленников человеком-легендой. Что же касается противников, то у них восторги заменялись одной только ненавистью. Дроздовского в красном лагере честили исключительно как «убийцу» и «вешателя», Котовский же для белых так и остался всего лишь «предводителем шайки бандитов».

ДРОЗДОВСКИЙ

Михаил Гордеевич Дроздовский родился в 1881 г. в Киеве в семье генерала. Вопрос о выборе профессии для него, по-видимому, даже не стоял. По воспоминаниям всех сослуживцев, он был прирожденным военным — смелым, решительным, энергичным и... жестоким.

Окончив Владимирский кадетский корпус и Павловское военное училище, в звании подпоручика Дроздовский был направлен в лейб-гвардии Волынский полк (1901 г.). Спустя три года молодой офицер поступил в Николаевскую военную академию, однако за партой не усидел и по собственной просьбе отправился на фронт — воевать с японцами.

В рядах 34-го Сибирского стрелкового полка Михаил Гордеевич прошел всю неудачную Маньчжурскую кампанию: сражался храбро, был ранен и награжден орденами. Академию он закончил уже после войны, в 1908 г. Дальнейшую службу проходил при штабах сначала в Заамурском, а затем в Варшавском военном округе. Повышая свой профессиональный уровень, Дроздовский изучал все новинки военного дела и в 1913 г. даже закончил курсы летчиков-наблюдателей при Севастопольской авиашколе.

В Первую мировую войну Михаил Гордеевич дослужился до начальника штаба 64-й пехотной дивизии. В сентябре 1916 г. во время брусиловского прорыва он был ранен в руку и отправился на лечение. В строй Дроздовский вернулся в январе 1917 г. в чине полковника. Но штабная работа ему, видимо, надоела, и тогда Михаил Гордеевич стал командиром 60-го Замосцкого полка.

Часть его дислоцировалась на не оккупированной немцами территории Румынии. Разложение русской армии началось здесь позднее, чем на других фронтах. И все же к осени 1917 г. даже самые грозные и уважаемые офицеры полностью утратили контроль над подчиненными. Не удивительно, что когда в ноябре 1917 г. Дроздовского назначили начальником 14-й дивизии, вступать в должность он посчитал излишним. Армия разбегалась, а многие офицеры уже смотрели на немцев как на меньшее зло по сравнению с большевиками.

В этой обстановке командующий Румынским фронтом генерал Д. Г. Щербачев решил сформировать Добровольческий корпус и послать его на Дон в помощь «самому лютому врагу Советской власти» Л. Г. Корнилову. Дроз-

довский тут же примкнул к предприятию и, прибыв в Яссы, возглавил формирование 1-й сводной бригады.

Три месяца его подчиненные отбирали у дезертиров военное имущество. Так они обзавелись не только огромным количеством винтовок и пулеметов, но и двумя артиллерийскими батареями, броневиками и даже аэропланами.

Однако в декабре 1917 г. разместившееся в Яссах румынское правительство начало с Германией переговоры о мире. Идя на поводу у немцев, румыны потребовали распустить корпус. Щербачев ультиматуму подчинился, Дроздовский же ответил отказом.

Разогнать 1-ю бригаду силой не удалось. Выкатив все свои пушки, Михаил Гордеевич «мягко» предупредил, что «разоружение добровольцев не будет столь безболезненно, как это кажется правительству», и «при первых враждебных действиях город Яссы и королевский дворец могут быть жестоко обстреляны артиллерийским огнем». 16 марта 1918 г., посмотрев в театре оперетту «Цыганская любовь», Дроздовский отдал приказ о выступлении...

Идти предстояло по территориям, занятым румынскими, немецкими и украинскими войсками. Вооруженный до зубов отряд Дроздовского выглядел внушительно, так что обычно договаривались «полюбовно»: от румын и украинцев, желавших поживиться русским имуществом, отбивались матюгами, немцы же вообще делали вид, что все происходящее их не касается. И лишь с красными разговор был коротким. Свое кредо и взгляд на революцию Михаил Гордеевич выразил следующим образом: «Мы живем в страшные времена озверения, обесценивания жизни. Сердце, молчи, закаляйся, воля, ибо этими дикими, разнузданными хулиганами признается и уважается только один закон — око за око, а я скажу: два ока за око, все зубы за зуб»...

По дороге отряд обрастал новыми силами. В Кишиневе к 900 бойцам Дроздовского присоединилось несколько десятков добровольцев из 2-й сводной бригады. Затем из Измаила подошло еще 130 человек во главе с полков-

ником М. А. Жебрак-Русановичем. Зачастую, еще до подхода белых, местные жители сами расправлялись с комиссарами. С другой стороны, в некоторых селениях «порядок наводили» массовыми казнями и порками.

Плохо организованные большевистские соединения (в том числе и отряд Котовского) обычно разбежались после символического сопротивления. Так, мост через Днепр добровольцы заняли почти без боя, напугав красных своим видом. В Бердянске же к их приходу революционные матросы уже были перебиты членами местного Союза инвалидов во главе с Абальянцем и Черковым.

Любопытно, что, несмотря на благородство провозглашаемых целей, сами дроздовцы отнюдь не были образцом дисциплины. В Мелитополе пьяный офицер открыл стрельбу по жителям и «успокоился» только после того, как сам получил пулю в живот от одного горожанина. В Новоспасском один из офицеров отправился за водкой и был убит местными крестьянами. В обоих случаях «героев» хоронили со всеми почестями, хотя первый эпизод Михаил Гордеевич охарактеризовал как «бесславный», а из второго вывел мораль: «Не будь алкоголиком, не ходи один по деревням».

Узнав о хозяйничавших в Гуляй-поле махновцах, Дроздовский послал туда карательную экспедицию, нанесшую анархистам огромные потери. Однако добывать Махно времени уже не было. Занявшие Таганрог немцы вроде бы собирались разогнать добровольцев. Тем не менее им удалось проскочить и выйти к Ростову-на-Дону, где скопились крупные силы красных.

В пасхальную ночь авангард дроздовцев во главе с полковником Войналовичем с ходу проскочил в центр города и овладел вокзалом. Сам Войналович при этом погиб, но подошедшие позже основные силы дроздовцев закрепили победу.

Красные отреагировали моментально. Из Новочеркасска прибыли бронепоезд и несколько эшелонов с красногвардейцами. Белым пришлось отойти, потеряв около 100 человек и часть обоза.

Однако бои за Ростов заставили большевиков оттянуть часть сил из Новочеркасска, чем немедленно воспользовались восставшие казаки. 8 мая Южная группа полковника Денисова заняла столицу Войска Донского. В этот же день красным без боя пришлось оставить Ростов немцам. Видимо, с горя они попытались отбить Новочеркасск, но в момент, когда исход боя, казалось, уже повернулся в их пользу, к месту сражения подоспели дроздовцы...

Казаки встречали столь нелюбимых когда-то «офицеров-золотопогонников» как героев. За два месяца героического похода отряд Дроздовского прошел более 1 тыс. км, увеличившись с 900 почти до 3 тыс. человек.

1-я Сводная бригада влилась в Добровольческую армию Деникина и получила наименование 3-й дивизии. Ее бойцов теперь называли просто «дроздовцами», точно так же, как бойцов двух других дивизий называли «корниловцами» и «марковцами». Однако, несмотря на множество оставшихся позади испытаний, можно сказать, что боевой путь этой части еще только начинался.

После месячного отдыха Добровольческая армия отправилась на освобождение Кубани. Первую крупную группировку противника белые атаковали у станции Торговой (город Сальск). Совместными усилиями Дроздовский, Боровский и Эрдели погнали большевиков на север, к Шаблиевке, в капкан, устроенный марковцами. Победителям достались огромные трофеи, однако именно в этом бою погиб соперник Дроздовского по воинской славе генерал Марков...

Затем Добровольческая армия резко развернулась и устремилась к Белой Глине, где стояла «стальная» дивизия Жлобы. Дроздовцы двигались впереди и попытались сбить неприятеля неожиданной ночной атакой. На сей раз попытка окончилась неудачей. Из-за мощного пулеметного огня цепи наступающих залегли, а отряд Жебрак-Русановича даже угодил в устроенную красными засаду.

С утра подоспели дивизии Кутепова, Боровского, Эрдели, и противника все-таки добились. В Белой Глине победители нашли изувеченные трупы Жебрак-Русановича

и еще 35 офицеров. Следуя принципу «два ока за око, все зубы за зуб», дроздовцы учинили расправу, которая еще больше упрочила уже тянущуюся за ними мрачную славу.

У Тихорецкой белые окончательно добились группировку Калнина, после чего взялись за армию Сорокина. 7 августа произошла битва под Выселками, во время которой дроздовцы и марковцы (теперь ими командовал Казанович) приняли главный удар противника, дав тем самым возможность основным силам изготавиться для решающего удара.

К концу лета 1918 г. белые установили контроль почти над всей территорией Кубани. На очереди был Ставрополь, борьба за который затянулась на два месяца. К началу ноября армия Деникина фактически обложила город. Штурм начался 13 ноября, причем уличные бои в Ставрополе затянулись на двое суток. Михаил Гордеевич, как всегда, был впереди и уже в самом начале операции получил ранение в ногу.

Рана поначалу казалась не очень опасной, и его отправили на лечение в один из ростовских госпиталей. Именно там 21 ноября он и получил весть о своем, давно уже заслуженном, производстве в генеральское звание. Однако этот приятный сюрприз никак не повлиял на здоровье Дроздовского. Улучшения так и не наступило, и 14 января Михаил Гордеевич скончался от заражения крови. Поскольку популярности покойного многие завидовали, среди дроздовцев прошел слух будто его «залечили». В дивизии начались волнения, и многие бойцы даже захотели идти в Ростов «разбираться»...

Тело Михаила Гордеевича торжественно похоронили там же, в Ростове. Спустя год, когда в город вступили красные части, его бывшие подчиненные ринулись в отчаянную контратаку и смогли с боем вывезти останки своего командира, избавив их тем самым от возможного осквернения.

На протяжении всей Гражданской войны и даже в эмиграции бойцы 3-й дивизии с гордостью продолжали именовать себя дроздовцами. Во время своих собраний они

любили распевать марш, сложенный на полях Бессарабии и впоследствии «искалеченный» победителями-большевиками:

*Шли дроздовцы твердым шагом,
Враг под натиском бежал,
Под трехцветным русским флагом
Славу полк свою стяжал.
Этих дней не смолкнет слава,
Не померкнет никогда,
Офицерские заставы
Занимали города...*

КОТОВСКИЙ

Григорий Иванович Котовский родился 12 июля 1881 г. в местечке Ганчешты Кишиневского уезда. Раньше край этот входил в состав Молдовы, но в начале XIX в. перешел к России под названием Бессарабии. Впоследствии местное население стали называть молдаванами, однако во времена Котовского такого понятия еще не существовало, а сам он предпочитал называть себя бессарабом. Здесь Григорий Иванович был не совсем точен, поскольку мать его была русской, а отец не то украинцем, не то православным поляком.

Сам Котовский впоследствии вспоминал, что «был слабым мальчиком, нервным и впечатлительным. Страдая детскими страхами, часто ночью, сорвавшись с постели, бежал к матери (Акулине Романовне), бледный и перепуганный, и ложился с ней. Пяти лет упал с крыши и стал заикой. В ранних годах потерял мать...». Несколько позже, в 1895 г., умер от чахотки отец.

Поняв, что жизнь — «штука суровая», Гриша начал «вырабатывать волю» и занялся физкультурой. К отроческим годам он уже был признанным лидером среди сверстников, выходя победителем практически из любой драки.

Друг отца помещик Манук-бей устроил Котовского в Кокорозинское сельскохозяйственное училище. Во вре-

мя учебы на агронома Григорий Иванович проходил практику в крупных помещичьих хозяйствах. Однако и первый, и второй работодатели — Якунин и Скоповский — выгнали его за кражу хозяйских денег. Во втором случае дело осложнилось соблазнением жены хозяина, так что молодого практиканта еще и избил дворня Скоповского.

В воспоминаниях Григория Ивановича все выглядело несколько иначе: он якобы первым избил Скоповского за издевательства над крестьянами, а роман с женой помещика впоследствии превратился в роман с княгиней Кантакузиной — представительницей одной из самых знатных семейств Бессарабии...

Уже после окончания училища (в 1900 г.) Котовский попытался устроиться управляющим имением и для этого подделал рекомендательные письма о своей будто бы образцовой работе у помещика Якунина. Дело вскрылось, и хотя Григорий Иванович отделался недолгим арестом, путь в приличное общество ему оказался заказан.

И тогда вместо того чтобы стать агрономом, наш герой стал разбойником. В январе 1904 г. началась война с Японией. Спасаясь от армии, Котовский уехал в Одессу, где примкнул к одной из эсеровских террористических групп. Успев поучаствовать в нескольких «экспроприациях», он был арестован за уклонение от мобилизации, после чего вместе с другими призывниками отправился под конвоем в город Житомир.

При первой возможности Григорий Иванович бежал. Разжившись у местных эсеров фальшивыми документами, он вернулся сначала в Одессу, а затем в родные Ганчешты, где сколотил собственную шайку.

Далее началась полоса грабежей, налетов на помещичьи усадьбы и перестрелок с полицией. Отряд Котовского действовал в Бессарабской и Херсонской губерниях и насчитывал в своих рядах 18 постоянных бойцов. Награбленное они расходовали на собственные удовольствия, но кое-что, видимо, перепадало и бедным. Сам Григорий Иванович умело играл на публику: был галантен с дамами,

никогда не убивал своих жертв и довольно удачно выдавал себя за представителей самых разных слоев общества — то за священника, то за офицера, то за помещика. Начитавшись бульварных романов, он любил представлять себя благородным разбойником и даже придумал себе подходящее прозвище — атаман Ада.

Котовским занялся один из лучших сыщиков — полицейский пристав Хаджи-Коли. Арестовать преступника ему удалось в феврале 1906 г. Однако в тюрьме Григорий Иванович не задержался. 31 августа, перепилив решетку, он выбрался из одиночной камеры и скрылся в ожидавшей его пролетке. Спустя пять дней Хаджи-Коли с двумя полицейскими арестовал его на одной из улиц Кишинева, но после короткой потасовки, получив две пули в ногу, Котовский все-таки убежал от конвоиров.

Хаджи-Коли был задет за живое и 24 сентября устроил облаву по всем местным притонам. На сей раз уйти «атаману Ада» не удалось, и в знак поражения он даже подарил своему противнику роскошную трость, захваченную во время одной из «экспроприаций». Получив 10 лет каторги, Григорий Иванович начал свой вояж по тюрьмам империи. В каждой из них он утверждался в качестве «авторитета», а оказавшись на сибирской каторге, лично убил в драке другого «неформального лидера» — рецидивиста по кличке Ванька-Козел.

В феврале 1913 г. Котовский вырвался на свободу и, добравшись до Бессарабии, возобновил разбойничью деятельность. Лишь в июне 1916 г. полицейские во главе с Хаджи-Коли окружили его банду на глухом хуторе. Отстреливаясь, «атаман Ада» укрылся в хлебах, но преследователи подожгли их, и Котовскому пришлось сдаться. На сей раз, ввиду военного времени, ему грозила смертная казнь. Однако стараниями газетчиков «бессарабский Робин Гуд» стал своеобразным любимцем публики. Многие ему сочувствовали, и благодаря заступничеству генерала Брусилова повешение заменили пожизненной каторгой. Растроганный Григорий Иванович пообещал, что теперь «будет жить не для себя, а для других».

Затем грянула Февральская революция, и Временное правительство предоставило Котовскому возможность «искупить вину кровью». Григорий Иванович прибыл на фронт, но вместо участия в боях занялся политической деятельностью. Напирая на то, что всю жизнь боролся с «социальной несправедливостью», он приобрел репутацию революционера и даже вступил в партию левых эсеров.

После Октябрьского переворота Котовский сколотил отряд Красной гвардии и во главе него принял участие в боях «за Советскую Бессарабию». Правда, триумф большевиков в этом крае оказался недолгим. Практически одновременно им пришлось сражаться против немцев, румын, русских белогвардейцев, украинских «самостийников» и местных молдавских националистов. В этом хаосе отряд Котовского был то ли разгромлен, то ли попросту разбежался, а сам Григорий Иванович едва не был расстрелян дроздовцами.

Лишь в ноябре 1918 г. он появился в оккупированной союзниками Одессе, где занялся уже привычным ему делом — экспроприациями. Правда, на сей раз Котовский действовал от имени революции, а в его боевой дружине основную массу составляли уже не уголовники, а политические — большевики, анархисты, эсеры. Как и в прежние годы, Григорий Иванович постоянно менял «лежбища», но особенно часто он скрывался в одном из борделей, принадлежавших Майору Зайдеру. Впоследствии этот Зайдер станет в его бригаде порученцем и начальником снабжения...

В марте 1919 г. при подходе Красной армии в Одессе началось восстание. Дружина Котовского приняла в нем активное участие, и после захвата города большевики встретили Григория Ивановича как «надежного и проверенного товарища». Ему доверили формирование собственного отряда, который уже к июню вырос до размеров бригады. Правда, в боях с регулярными частями белых котовцы участвовали очень редко. Их противниками, как правило, оказывались либо восставшие крестьяне, либо отряды всевозможных панов-атаманов, либо полурегулярные части петлюровцев.

Тем не менее амбиций у Григория Ивановича хватало. Так, летом 1919 г. он планировал объявить войну Румынии и отвоевать у нее родную Бессарабию. До этого дела не дошло. Из-за успехов Деникина бойцам Котовского пришлось выбираться из окружения. Затем бригаду перекинули в Петроград (против Юденича), но и здесь повоевать ей почти не пришлось.

Котовский слег с тифом, а после выздоровления женился на медсестре Ольге Шанкиной. В январе 1920 г. он вернулся на Украину и принял участие в очередном штурме Одессы Красной армией. Григорий Иванович повис на хвосте у отступающих, прижав их в районе Днестра к границе с Румынией. Здесь белые сложили оружие, причем победитель очень мягко обошелся со своими пленными. В их числе оказался и старый противник «атамана Ада» — Хаджи-Коли.

Война с Польшей не принесла Котовскому особых лавров. Еще в начале кампании его бригада была разгромлена, а сам он, получив тяжелые ранения, отправился в Одессу на лечение. После выздоровления Григорий Иванович получил командование над 17-й кавалерийской дивизией и принялся вновь гоняться за «зелеными» и «жовто-блакитными». В числе его противников побывали почти все наиболее известные атаманы того времени — Левченко, Струк, Зеленый, Махно. Ни одному из них Котовский так и не смог нанести решающего поражения. Махно, например, попал в устроенную ему засаду на реке Буг, устроил красным такой погром, что на Украине даже появилась пословица: «Пидманув, як Котовский Махна на Бугу».

Гораздо успешнее Григорий Иванович действовал против восставших крестьян на Тамбовщине (1921 г.). Получив задание уничтожить банду Матюхина, котовцы переоделись в белогвардейскую форму и выдали себя за якобы прорвавшийся с Дона казачий отряд атамана Фролова. Во время переговоров о совместных действиях комдив и его подчиненные выхватили оружие и перестреляли весь штаб повстанцев (самому Матюхину, впрочем, удалось уйти, и погиб он уже несколько позже, в Тамбове, во время чекистской облавы). Завершить же свой боевой путь Григо-

рию Ивановичу довелось на Украине — эффектной победой над частями атамана Тютюнника.

В целом широкая известность Котовского объяснялась не столько его полководческими достижениями, сколько умением создать образ народного героя и заступника. Подчиненные не чаяли в нем души, а мирные крестьяне обращались к нему со своими нуждами. Приняв в 1922 г. командование над 2-м кавалерийским корпусом, Григорий Иванович превратил эту воинскую часть в некое подобие маленького государства — «страну Котовию». Его бойцы создавали всевозможные артели, кооперативы и коммуну, организовывали собственные заводы, магазины, совхозы.

Свою родину, Бессарабию, Григорий Иванович мечтал превратить в Молдавскую Советскую республику. Однако край был оккупирован Румынией, и тогда он протолкнул решение о создании на территориях Юго-Западной Украины Молдавской Автономной Советской республики. Добиться для нее статуса союзной Котовский так и не успел, но именно его вполне можно было бы назвать родоначальником нынешней молдавской государственности...

Возможности Григория Ивановича влиять на решения общегосударственного характера в значительной степени объяснялись покровительством его земляка и тогдашнего наркома по военным и морским делам М. В. Фрунзе. Есть версия, что, готовя переворот, Фрунзе в это время расставлял своих людей на высшие командные должности. Котовский был единственным крупным кавалерийским военачальником, не связанным с 1-й Конной армией, а следовательно, и со стоявшей за ней сталинской группировкой. Отсюда некоторые историки делают вывод — именно его Фрунзе собирался протолкнуть на пост командующего красной конницей.

Однако если этот план и существовал, то смерть Котовского поставила на нем крест. Вечером 5 августа 1925 г. Григорий Иванович был застрелен в военном поселке Чабанка под Одессой. Его убийца, уже упоминавшийся Майор Зайдер, на суде заявил, что «убил комкора за то, что

он не повысил меня по службе». Суд этим объяснением удовлетворился и приговорил Зайдера к 10-летнему заключению. Газеты же сообщили, что комкор был убит «белогвардейским агентом».

Уже через два года «белогвардейский агент» вышел на свободу и, поселившись в Харькове, устроился работать на железную дорогу. В 1930 г. двое бывших котовцев подкараулили его и бросили под поезд. Никакого наказания они не понесли, а дело замяли.

Что же касается подлинных причин смерти комкора, то кто-то объяснял ее происками сталинских агентов, другие — завистью или ревностью, а третьи — «неосторожностью при обращении с оружием». И разумеется, ни одна из этих версий не фигурировала в официальной советской пропаганде.

Столицу Молдавской Автономной Советской республики Бирзулу переименовали в Котовск, а набальзамированное тело героя было похорнено в цинковом гробу со стеклянным окошечком, в специальном склепе-мавзолее. В 1941 г. румынские войска взяли город, разрушили мавзолей и выбросили останки Котовского в братскую могилу. И хотя в 1944 г. город вновь заняла Красная армия, найти его тело так и не удалось. Что же касается сердца комкора, то оно было заспиртовано в банке и, видимо, до сего дня хранится где-то в подвалах Одесского медицинского института.

Дроздовский и Котовский были кумирами для подчиненных, а их личные амбиции не совсем состыковывались с требованиями воинской дисциплины. Начальству такие люди обычно внушают опасения, и от них зачастую стараются избавиться. Погибли ли Дроздовский и Котовский от рук «своих», выяснить уже не удастся. Зато очевидно другое — и тот, и другой умели создавать легенды вокруг себя и своих соратников. Именно благодаря этому умению дроздовцы и котовцы стали героями песен и образцами для подражания. И именно за это умение подчиненные столь горячо и преданно любили своих командиров.

Глава 4

ЛЕГИОНЕРЫ В РОССИИ

Кто из читателей не жалел, что роман Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка» обрывается на полуслове? В трех опубликованных частях книги автор успел рассказать нам, как началась Первая мировая война, как его персонаж безуспешно пытался избежать военной службы и, наконец, с какими приключениями он добирался до фронта. Что же могло приключиться с ним дальше?

Еще в 1916 г., перейдя на сторону русских, Гашек написал своеобразный эскиз будущего романа — повесть «Бравый солдат Швейк в плену». Одной из финальных фраз автор вкратце очертил судьбу своего героя: «В русском плену... Швейк получил хлеб, чай и на следующий день попал в одну из наших добровольческих рот».

Резонно предположить, что биография бравого солдата в дальнейшем оказалась связанной именно с этими добровольческими ротами, ставшими ядром будущего Чехословацкого легиона. Однако уже в самом легионе Швейк с равным успехом мог примкнуть как к белым, так и к красным соотечественникам. Причем и в первом и во втором случае судьба вымышленного персонажа вполне могла пересечься с судьбами двух наиболее ярких представителей легионерского движения — «контрреволюционным генералом» Радолой Гайдой и самим автором книги, «пламенным большевиком» Ярославом Гашеком.

ГАЙДА

Рудольф Гейдль родился в 1892 г. в семье мелкого еврейского предпринимателя. У потомков Авраамовых, национальность, как известно, передается по женской линии. Мать же у юноши была чешкой, и, видимо, поэтому сам он считал себя вовсе не евреем, а именно чехом. Даже свое имя молодой человек переделал на славянский лад, превратившись из Рудольфа Гейдля в Радолу Гайду.

Личность его сформировалась под влиянием идей чешского национального возрождения. Внутри этого движения существовало несколько группировок. Умеренные требовали предоставления культурной автономии для славянских народов Австро-Венгерской империи. Радикалы мечтали о создании независимого государства из двух родственных западно-славянских народов — чехов и словаков. Наконец, существовали и ярые панслависты, мечтавшие о создании единой славянской Федерации и видевшие свою главную надежду в Российской империи.

В сущности, Россия была маяком для всех славян Австро-Венгрии, однако до поры до времени их симпатии носили умозрительный характер. Все начало меняться в 1912 г., когда славянские государства — Черногория, Сербия и Болгария вместе с православной Грецией — обрушились на Турцию. Казалось, еще немного, и в войну вмешается Россия, а славянские армии войдут в Стамбул-Константинополь. Предполагалось, что после этого они возьмутся за освобождение «стонущих под игом Австрии» чехов и словаков.

Гайда, подобно многим другим своим землякам-панславистам, вступил в черногорскую армию и принял участие в боях под крепостью Скутари. Однако затем союзники передрались между собой, и разочарованный юноша вернулся обратно в Прагу.

В 1914 г. грянула Первая мировая война. Многие чехословаки еще по дороге на фронт едва ли не в открытую выражали намерение перебежать на сторону противника. Военфельдшер Гайда именно так и поступил и уже че-

рез несколько месяцев оказался в знакомой ему Черногории. Но в конце 1915 г. австро-германцам удалось оккупировать эту страну, и тогда он вместе с другими эвакуированными перебрался в Россию.

Здесь он вступил в войска, созданные из чехословацких перебежчиков и военнопленных. К концу 1916 г. на их базе сформировалась целая дивизия, подчинявшаяся (в политическом отношении) заседавшему в Париже Чехословацкому национальному совету (ЧНС).

Вступивший в эту дивизию Гайда командовал сначала ротой, а затем батальоном. Карьера его развивалась столь же стремительно, как и события на Восточном фронте. После Февральской революции антивоенная пропаганда большевиков фактически разложила русскую армию. Чехословацкие части выглядели на этом фоне образцом стойкости и дисциплины. В июле 1917 г. братья-славяне покрыли себя славой в битве под Зборовом. Как писал генерал Брусилов, «чехословацкие добровольцы, оставленные всеми, бились так, что все мы должны преклониться перед их доблестью. Одна чехословацкая бригада сдерживала несколько неприятельских дивизий. Пал цвет чехословацкой интеллигенции. В качестве простых солдат сражались и умирали учителя, адвокаты, инженеры, писатели, известные общественные деятели. Раненые просили убивать их, лишь бы не попасть в руки немцев...».

После этой битвы Гайда получил орден Св. Георгия 4-й степени и должность командира 7-го чехословацкого полка. Однако заключенный в марте 1918 г. мир с Германией на некоторое время положил конец его боевым подвигам.

Дивизия к тому времени уже превратилась в корпус (или легион), насчитывавший в своих рядах до 60 тыс. бойцов, подавляющее большинство из которых по-прежнему горело желанием сражаться за независимость своей Родины. Весной 1918 г. между большевиками и чехословацкими представителями был подписан договор согласно которому легионерам предстояло через Сибирь, Дальний Восток и Америку отправиться во Францию. Предполагалось, что на Западном фронте корпус вновь примет участие в бо-

ях с немцами, но это, разумеется, никак не соответствовало планам германского командования.

Пока чехословаки грузились в эшелоны и отправлялись в путь по бескрайним просторам России, немецкие дипломаты надавили на ленинское правительство. В результате большевики начали препятствовать продвижению легионеров, ссылаясь на хаос и беспорядок на железных дорогах. Вдобавок с востока на запад ехали поезда с возвращающимися на Родину австрийскими и венгерскими военнопленными. Между ними и чехословаками постоянно происходили конфликты, завершившиеся в конце концов взрывом...

14 мая между чехами и венграми произошла драка на станции Челябинск. Поводом стало то, что брошенный из венгерского эшелона железный брусок тяжело ранил легионера. Его друзья не поленились догнать поезд на одной из остановок и «уложили» одного или двух венгров. Местные власти тут же арестовали десятерых чехов, но уже вечером были вынуждены отпустить их под угрозой оружия.

Узнав об этом, Троцкий издал приказ: «Все совдепы обязаны под страхом ответственности разоружить чехословаков: каждый чехословак, найденный вооруженным на железнодорожной линии, должен быть расстрелян на месте, каждый эшелон, в котором окажется хотя бы один вооруженный солдат, должен быть выгружен из вагонов и заключен в лагерь для военнопленных».

Разоружить, расстрелять. Едва что-то подобное попытались сделать, как чехословаки оказали сопротивление, что, в свою очередь, послужило толчком для выступлений местной контрреволюции.

К моменту конфликта чехословацкие эшелоны растянулись на огромном пространстве от Пензы до Владивостока, и почти во всех городах, находившихся рядом с железной дорогой, Советская власть была свергнута в течение пары недель.

В конце мая капитан Гайда со своими подчиненными арестовал и разогнал совдеп в Новониколаевске (Новоси-

бирске). Затем он двинулся на Омск, где его отряд влился в более крупную группировку Сырового.

На контролируемых чехословаками территориях Сибири и Дальнего Востока появились всевозможные белогвардейские правительства, чествовавшие легионеров как освободителей. Чехословацкая Рада, в свою очередь, присвоила генеральские звания трем военачальникам — Гайде, Сыровому и Чечеку. Гайде при этом доверили командование самой крупной группировкой легионеров (около 14 тысяч), сосредоточившейся во Владивостоке.

Обстановка в этом городе была весьма нестабильной. Кроме чехословаков там находился американский экспедиционный отряд, а также представители других стран Антанты — Англии, Франции, Японии.

Арестованный местный совдеп сидел в тюрьме, но, поддерживая видимость демократии, союзники пытались организовать «свободные выборы». Руководитель местных большевиков Константин Суханов под конвоем чехословаков ездил на митинги и с успехом агитировал за Советскую власть. Выборы в этой ситуации могли обернуться конфузом, и тогда Гайда организовал убийство Суханова «при попытке к бегству».

Между тем по мере развертывания Гражданской войны в России большинство чехословаков все больше склонялось к идее нейтралитета. По решению ЧНС, корпус перешел под командование французского представителя генерала Жанена, и уже осенью 1918 г. легионеров фактически отвели с фронта, поручив им охрану тыловых коммуникаций. Гайда же предпочел выйти из легиона и поступить на службу к верховному правителю России адмиралу Колчаку.

В качестве командующего Сибирской армией новоиспеченный генерал обзавелся собственным поездом, свитой и многочисленной охраной, наряженной в форму императорского конвоя. Секретари расписывали его победы в роскошных альбомах, украшенных уральскими самоцветами, а сам Гайда частенько грабил поезда и усиленно «экспроприировал» трофейное имущество. В конце концов он на-

чал поучать самого адмирала Колчака, требуя от него смещения начальника штаба генерала Лебедева.

В июле 1919 г. после очередного демарша верховный правитель отправил Гайду в отставку и предложил ему выехать во Владивосток. При этом бывшему командарму разрешили вывезти все награбленное имущество и даже приплатили еще 70 тыс. франков золотом.

По дороге неукротимый вояка задержался в Иркутске, где поднял мятеж против верховного правителя. Находившиеся в городе 2 чехословацких полка во главе с Чечком заняли позицию нейтралитета. Гайду поддержали лишь местные эсеры и меньшевики, а главной ударной силой восстания стали портовые грузчики.

Выступление было жестоко подавлено японским гарнизоном и частями генерала Розанова. Большинство рабочих поплатились за него своими жизнями. Гайду же юнкера взяли в плен и отлупили по лицу генеральскими эполетами. И все же убивать его не стали, отчасти в память о заслугах перед Белым движением, отчасти благодаря заступничеству других чехословаков. Легионеры все еще оставались реальной силой, и ссориться с ними никому не хотелось.

Очередного несостоявшегося Бонапарта отправили на родину, в уже ставшую независимой Чехословакию. Там он писал мемуары, безуспешно пытался сблизиться с левыми и в конце концов вернулся на армейскую службу.

В 1926 г. президент Масарик получил сведения, что Гайда готовит переворот и собирается установить в стране диктатуру по типу Пилсудского. Существование этих планов так и не было доказано, но Гайду все-таки отправили в отставку, лишив воинского звания. Обидевшись, он вступил в Национальную фашистскую общину и в 1931 г. угодил в тюрьму за антиправительственную деятельность. В 1935 г. арестант стал депутатом парламента от чехословацких фашистов, что автоматически открыло ему двери тюремной камеры.

Впрочем, после того как из-за предательства Англии и Франции Чехословакия стала жертвой немецкой окку-

пации, Гайда вновь почувствовал себя патриотом. Вместе с другим бывшим легионером генералом Медеком он вернул французскому президенту и английскому королю все полученные от них награды. К этой посылке было приложено письмо, полное горьких упреков: «Мало какой народ в Европе так до последнего дыхания бился за Вашу Родину, как чехословацкий. Мы никогда не поймем, почему вы нас оставили. Нашему народу это никто никогда не объяснит».

С тех пор политикой Гайда не занимался. И все же в 1945 г. тогдашнее правительство припомнило ему и легионерские «подвиги», и деятельность в Национальной фашистской общине. Отставного генерала приговорили к 2 годам тюрьмы, а в 1948 г. (после прихода коммунистов к власти) он не то умер, не то был повешен в своей камере.

ГАШЕК

Ярослав Гашек родился в Праге 30 апреля 1883 г. Подобно другим великим писателям, в юности он много путешествовал и перепробовал массу профессий. Империю Габсбургов Гашек ненавидел, причем эта ненависть выражалась не только в его фельетонах и юмористических рассказах, но и во всевозможных скандальных выходках. Так, однажды, уже будучи журналистом, остановившись в гостинице, он зарегистрировался как «Иван Федорович Кузнецов, купец, из Москвы». В графе «Цель приезда» Гашек указал: «Ревизия австрийского Генерального штаба». Через пару часов в полиции ему пришлось объяснять, что «как исправный австрийский гражданин и налогоплательщик я счел своим долгом проверить в этот тяжелый момент, как функционирует государственная полиция». За свою проверку шутник получил 8 суток...

Отправляясь на фронт, Гашек только и мечтал, как он перейдет на русскую сторону. Сделать это ему удалось 24 сентября 1915 г. после боя у Хорупан. Очередного перебежчика отправили сначала в Дарницкий (под Киевом), а затем в Тоцкий (Самарская губерния) лагерь для военнопленных.

Вскоре в Поволжье появились агитаторы из «Одбочки» (отделение Чехословацкого национального Совета в России). Именно под их влиянием Гашек отправился в Киев, где вступил в 1-й гуситский стрелковый полк (1916 г). В соответствии со своей журналистской специальностью он сотрудничал в журнале «Чехослован», где и опубликовал свою повесть «Бравый солдат Швейк в плену». Впрочем, от пуль Гашек тоже не прятался и, подобно Гайде, получил за битву под Зборовом Георгиевский крест 4-й степени.

Февральскую и Октябрьскую революции он встретил с радостью, зато решение о переезде Чехословацкого корпуса во Францию ему категорически не понравилось. Гашек тут же написал заявление о своем выходе «из чешского войска до того времени, пока в нем и во всем руководстве национального совета не возобладает иное направление».

Бывший богемный журналист к тому времени уже ощущал себя большевиком, а потому решил отправиться напрямик в столицу новой России — Москву. О том, как именно Гашек вступил в РКП(б), существует две версии. По одной это произошло после того, как он прослушал речь Ленина в Политехническом музее, по другой — после знакомства со Свердловым, которое состоялось в расположенной на Арбате «Пражской колбасной».

Как бы то ни было, но уже в марте 1918 г. Гашек имел партийный билет и сотрудничал в газете чехословацкой секции РКП(б) «Прукопник». В следующем месяце он отправился в Самару с мандатом на формирование интернационального отряда. Такой отряд действительно был создан, причем, клюнув на пылкие воззвания Гашека, в него записались и несколько чехословаков.

Весть о начавшемся в корпусе мятеже стала для Гашека большим потрясением. Уже в начале июня крупный отряд белочехов под командованием Ф. Чечека двинулся на Самару. Одновременно в самом городе выступили сторонники разогнанного Учредительного собрания. К вечеру 8 июня большая часть Самары оказалась в руках бе-

лых. Сумев удержать за собой лишь переправы через Волгу, большевики начали отступать в заречную слободу. Отход прикрывала расположенная у элеватора батарея, простреливавшая сразу два моста — деревянный и железнодорожный.

В разгар боя Гашек решил пробраться в свою квартиру, находившуюся в занятой белыми части города, и уничтожить оставленные там списки интернационального отряда. С задачей он справился, однако вернуться назад ему не удалось. За время отсутствия Гашека чехи при помощи хитрости сумели захватить батарею. Воспользовавшись тем, что неподалеку от элеватора проживали польские беженцы, несколько легионеров переоделись в женские платья и с воплями «Не стреляйте, проше пане, не стреляйте, умоляем, не губите несчастных!» бросились прямо к позициям красных. Добежав до батареи, мнимые беженки пустили в ход ножи и после короткой рукопашной овладели орудиями.

Таким образом, когда Гашек вернулся обратно, путь за Волгу для него уже был отрезан. Бедняге ничего не оставалось, как обратиться к своим знакомым. Несколько дней он, с ведома хозяина, прятался на даче одного из противников большевиков Николая Павловича Каноныкина. Однажды, когда в доме появился патруль легионеров, Гашек довольно удачно разыграл роль «чокнутого» сына хозяйки. Тем не менее встреча с соотечественниками произвела на него очень неприятное впечатление. Опасаясь быть узнанным кем-нибудь из своих боевых товарищей, Гашек стал пробираться к Симбирску на контролируемую большевиками территорию.

Чтобы избежать лишних вопросов и объяснить свой иностранный акцент, экс-комиссар решил вновь прикинуться сумасшедшим, причем не местным, а сыном «немецкого колониста из Туркестана».

Попадавшиеся на пути жители довольно быстро распознавали в нем беглого большевика. Местные мордва и татары давали ему приют, снабжали одеждой и хлебом. Любопытно, что в это же время не забывали о Гашеке и его

соотечественники. В занятом белыми Омске чешский военно-полевой суд выписал ордер на его арест по обвинению в «организации чехословацкого красного войска в Самаре и... государственной измене чехословацкому народу».

Побродив два месяца по Поволжью, Гашек все-таки добрался до красных. В октябре он был назначен помощником военного коменданта Бугульмы и превратился в чиновника-администратора. Свое пребывание на этой должности Гашек отметил реквизициями, мобилизацией монашек на трудовые работы и прочими мероприятиями в духе революционного времени. Впоследствии сам писатель с явной иронией вспоминал о своих похождениях в цикле очерков «Комендант Бугульмы». Однако тогда, осенью 1918 г., с Гашеком происходило много удивительных превращений: например, известный выпивоха превратился в жуткого трезвенника и даже призывал вылить в реку все имевшиеся в городе запасы спирта.

Столь же активен он был и в Уфе, где в качестве заместителя редактора армейской газеты выступал за чистоту большевистских рядов. Так, однажды уполномоченный местного полиграфотдела Кобусов устроил дебош, вдрызг пьяный ездил по городу на саях, палил из нагана и пугал прохожих криками: «Смотрите, как комиссар гуляет!». Забыв о собственных (вошедших в легенду) пьяных дебошах, Гашек разродился едким фельетоном, добившись в конце концов снятия не только Кобусова, но и его соратников.

В Уфе Гашек женился на дочери сторожа Анне Андреевне Малоярославцевой, после чего вместе с супругой отправился за своей 5-й армией. В 1919—1920 гг., по мере продвижения красных на восток, он занимал великое множество должностей и выполнял массу самой разнообразной работы. В Челябинске Гашек снова формировал интернациональные части, причем на сей раз не только из чехов, но и из венгров, немцев, сербов, хорватов. В Омске создал венгерский (так называемой Будапештский) театр и даже написал для него не то одну, не то две пьесы. В Красноярске и Иркутске редактировал сразу несколько

революционных газет на разных языках (немецкую «Штурм», венгерскую «Рогам», китайско-корейскую «Дунфан Чуншэ» и даже первую в истории бурято-монгольскую «Ур»).

Возможно, именно тогда в его голове и родилась идея «Похождений бравого солдата Швейка».

Редактор газеты 5-й армии «Красный стрелок» В. В. Сококин следующим образом рассказывал о замыслах, которыми с ним делился Ярослав Гашек: «Герой его главной книги — сын Праги — проходит через русский плен, попадает в чехословацкий корпус и порывает с ним. Он побывает в Москве и Самаре, испытает горечь скитаний по заволжской земле и радость возвращения в Красную армию. С ней он пройдет весь Восточный фронт, встретится с Колчаком. После его разгрома уедет с бойцами Красной армии в Китай помогать кули свергать капиталистов».

Что ж, возможно, в бурном 1919 г. Гашек готовил для своего героя именно такую судьбу. И все же более вероятно, что в конечном счете Швейка ждал не Китай, а все тот же милый его сердцу пражский кабачок «У чаши» (где, собственно, и начинается действие романа). Во всяком случае именно в Праге вновь пересеклись пути Ярослава Гашека и его товарищей по Чехословацкому корпусу. Правда, прежде чем это произошло, всем им пришлось пережить немало тягот и приключений...

Выступив летом 1918 г. против Советской власти, большинство легионеров искренне считали себя демократами и даже социалистами. Не удивительно, что после того как во главе Белого движения встали люди крайне правых, а то и монархических взглядов, значительная часть корпуса восприняла это с явным неудовольствием. Первый звонок прозвенел в октябре 1918 г. Когда Гашек еще только скитался по Поволжью, совсем неподалеку от маршрута его путешествий солдаты одного из полков отказались выполнить приказ белого командования о выступлении на фронт. Командовавший полком друг Гашека Иржи Швец был настолько потрясен случившимся, что тут же пустил себе пулю в висок.

Факты неповиновения со временем приобрели массовый характер. Так, в мае 1919 г. в Иркутске между командованием корпуса и солдатскими депутатами произошел конфликт, в результате которого около 800 человек были интернированы и отправлены в находившуюся под Владивостоком крепость Гоностай. Однако и те, кто еще считался надежными, в ответ на приказы все чаще бросали любимую реплику Ярослава Гашека «До бот!» («Наплевать!»).

За время своей тыловой службы legionеры награбили вагоны всевозможного барахла и даже, по некоторым предположениям, «экспроприировали» часть российского золотого запаса. Не удивительно, что когда Красная армия устремилась на восток, чехословаки поспешили заключить договор с большевиками. В обмен на право выехать из страны со всем захваченным за время войны имуществом они заявили о своем нейтралитете и выдали красным их злейшего противника адмирала Колчака (15 января 1920 г.).

В течение 1920 г. чехословаки партиями покидали Владивосток и через Тихий и Индийский океаны либо через США добирались до Европы. В ноябре, когда последняя группа legionеров прибыла в Прагу, туда же приехал и Ярослав Гашек. Приехал он из Москвы, причем, в отличие от legionеров, вовсе не через Дальний Восток, а через Эстонию и Германию. В Чехословакии бывший комиссар собирался продолжать революционную работу. Однако местные коммунисты встретили его довольно холодно, если не враждебно. Что послужило этому причиной, неизвестно. Возможно, они видели в нем лишь «попутчика», рядившегося в большевистские одежды? Или же опасались, что благодаря своему бойкому языку Гашек, чего доброго, выбьется в партийные лидеры? Как бы то ни было, Гашека «отшили» столь резко, что он тут же бросился в обратную крайность. Писатель вновь начал шататься по кабакам и вести богемную жизнь.

Печатаясь в левых газетах (в том числе в коммунистической «Руде право»), Гашек подрабатывал тем, что каждый вечер рассказывал о своих похождениях в кабаре

«Семерка червей». Денег однако не хватало, тем более что писателю пришлось разрываться между своей русской женой и прежней супругой Ярмилой Майеровой. За двоеженство Гашека даже едва не посадили в тюрьму, однако брак с Майеровой все-таки был расторгнут, а Гашек отделался штрафом в 10 крон «за несвоевременное оформление развода».

В конце концов писатель засел-таки за большой роман, причем, чтобы издать его, одному из друзей Гашека, Франте Сауэре, пришлось расстаться со своей трикотажной лавкой. «Похождения бравого солдата Швейка» выходили в виде брошюр с продолжением и поначалу раскупались довольно туго. К лету 1921 г. было продано около 10 000 экземпляров, и тогда роман «выстрелил». Да еще как! «Бравого солдата» в короткое время перевели на все основные европейские языки. Коммунисты в Советской России и в самой Чехословакии вспомнили о славной революционной биографии Гашека, издатели и книготорговцы лезли к нему с контрактами, а от квартирной хозяйки, в свое время выселившей семью Гашека за неуплату, отреклись чуть ли не все ее родственники и знакомые. Золотой дождь пролиться на писателя так и не успел, но полученных денег хватило на то, чтобы расплатиться с долгами и даже купить дом в местечке Липница.

Бывшие легионеры хотя и не считали Гашека за своего, однако с удовольствием читали его роман. Нетрудно предположить, с каким интересом они ждали рассказа о приключениях Швейка в России. Но дожидаться заключительных частей им так и не довелось. 3 января 1923 г. Ярослав Гашек скоропостижно скончался от паралича сердца и эмфиземы легких. Его главная книга так и осталась недописанной.

В мае 1918 г. Ярослав Гашек предрекал легионерам, что «никогда чешский народ на родине не позволит вернуться им домой в свободную Чехию». Народ не только позволил легионерам вернуться, но и встретил их как героев. Однако история любит выкиды-

вать своеобразные шутки, и если Гашек в конце жизни был далеко уже не тем пламенным революционером, каким он считался в России, то и большинство бойцов корпуса прибыли на Родину абсолютно другими людьми. Не случайно в 1938 г. писатель А. Фадеев констатировал, что «именно среди бывших легионеров мы чаще всего встречаем наиболее верных и преданных друзей Советского Союза». Убедиться в справедливости этих слов довелось во время Второй мировой войны, когда плечом к плечу с Красной армией против фашистов сражался Чехословацкий корпус во главе с бывшим легионером Л. Свободой.

Глава 5

ПЕРОМ И ШАШКОЙ

В 1918—1919 гг. большевики считали Дон главной опорой контрреволюции — своеобразной «русской Вандеей». Тем не менее известно, что даже в наиболее тяжелые для Советской власти моменты на стороне красных сражалось от 15 до 20% казаков.

Когда-то Наполеон называл донцов «лучшей легкой кавалерией в Европе». Вероятно, понаблюдав за ходом Гражданской войны в России, он не изменил бы своего мнения. Правда, теперь станичники бились не с внешним врагом, а друг с другом. По разные стороны фронта воевали выходцы из одной станицы, одного хутора, одной семьи.

И красные и белые имели своих вождей, чьи имена стали знаковыми для истории казачества. Генерал П. Н. Краснов был символом независимой Донской республики, бывший войсковой старшина и впоследствии командарм Ф. К. Миронов сплотил вокруг себя тех, кто желал видеть Дон советским.

КРАСНОВ

Род Красновых издавна был славен на Дону. Первый известный представитель этого семейства Иван Кузьмич Краснов скончался от раны, полученной за два дня до Бородинского сражения, став единственным казачьим генералом, погибшим в Отечественную войну 1812 г. Сын и внук героя — оба Иваны Ивановичи — также дослужились до генеральских званий.

В Крымскую войну при обороне Таганрога Иван Иванович-младший и его сын Николай (правнук Ивана Кузьмича Краснова и отец нашего героя) во главе своих казаков атаковали и захватили севшую на мель английскую канонерку. Этот эффектный бой конницы против флота вызвал большой резонанс в тогдашней европейской прессе.

При этом оба Красновых были не только кавалеристами, но и литераторами. Иван Иванович-младший написал массу очерков по истории казачества, а Николай Иванович составил хрестоматийный труд «Военно-статистическое описание земли Войска Донского».

Фамильные способности Красновых перешли по наследству к сыну Николая Ивановича — Петру. Родился он в 1869 г. в Санкт-Петербурге. Как и другие представители казачьей аристократии, Красновы предпочитали жить в столице, однако приписаны они были к станице Вешенской, где им даже полагались земельные пай.

Являясь человеком широко образованным и сугубо светским, Петр Николаевич несколько романтизировал и идеализировал «родину предков», довольно слабо разбираясь в подлинных реалиях казачьей жизни. Впоследствии этот романтизм и идеализм будут стоить ему многих ошибок.

В 1889 г. Краснов закончил 1-е Павловское военное училище по первому разряду. Имя его было занесено на мраморную доску. Имея право самостоятельно выбрать место службы, Петр Николаевич отдал предпочтение второму по престижности среди казачьих полков — лейб-гвардии Атаманскому. С 1891 г. он начинает активно публиковаться в печати, затем поступает в Академию Генерального штаба, но вылетает оттуда после первого курса. Литературная деятельность не очень удачно сочеталась с учебной.

В 1897 г. Краснов командовал конвоем, сопровождавшим посольство к эфиопскому негусу Менелику II. В Аддис-Абебе казаки потрясли негуса лихой джигитовкой, причем сам Петр Николаевич был в этих упражнениях одним из первых.

Вернувшись из африканского путешествия, Краснов женился на Лидии Федоровне Гринейзен (дочери действительного статского советника). В последующие пятнадцать лет он участвовал в двух войнах (в 1900 г. — против китайцев и в 1904—1905 гг. — против японцев) и продолжал писать, писать, писать... Из-под его пера выходят книги по казачьей истории («Атаман Платов», «Донцы», «Атаманская памятка» и др.), сборники путевых и военных очерков («Казачи в Африке», «Казачи в Абиссинии», «Борьба с Китаем», «По Азии»), романы («Любовь абиссинки», «В житейском море», «Погром» и др.).

В самом начале Первой мировой войны Краснов во главе своего 10-го Донского полка лихо прошелся по австрийским тылам, за что был удостоен Георгиевского оружия и произведен в генерал-майоры. Как военачальник он выделялся редким умением водить свои части в картинно-красивые атаки и при этом почти не нести потерь.

В августе 1917 г. Временное правительство доверило ему командование не слишком благонадежным 3-м конным корпусом, еще недавно считавшимся главной ударной силой корниловского мятежа.

К главе «временных» Керенскому Краснов относился с неприязнью, однако все-таки считал его меньшим злом по сравнению с большевиками. Именно поэтому, когда Керенский бежал из восставшего Петрограда, Петр Николаевич не отказал ему в помощи и двинул свой корпус на столицу.

Отряды Краснова заняли Гатчину и Царское Село, однако 30 октября под Пулковом были остановлены многократно превосходящими силами большевиков. Заключили перемирие, и в Гатчину прибыли парламентарии. Казаки предложили им своеобразный размен: «Мы вам — Керенского, а вы нам — Ленина... Ухо на ухо поменяем». Пока шли переговоры, Гатчину заполнили многотысячные толпы революционных солдат и матросов в которой горсточка казаков совершенно затерялась. Керенский бежал, а Краснова под предлогом переговоров доставили в Смольный.

Впоследствии большевики утверждали, что именно тогда Петр Николаевич дал честное слово не воевать против Советской власти. Сам Краснов заявлял, что никакого честного слова не давал, а отпустили его исключительно по требованию казаков. Вся эпопея с походом на Петроград закончилась тем, что 3-й корпус во главе с его командиром получили гарантии беспрепятственного возвращения на Дон.

В феврале 1918 г., распустив своих казаков по домам, Петр Николаевич прибыл в донскую столицу Новочеркасск. Вскоре город оказался в руках красных, и Краснову пришлось укрыться в станице Константиновской.

Однако уже в апреле бесчинства красногвардейских отрядов и попытки передела казачьих земель в пользу «иногородних» вызвали на Дону массовое антибольшевистское движение. Вдобавок с Кубани из своего «Ледяного» похода вернулась Добровольческая армия генерала Деникина. К началу мая при помощи добровольцев казаки отбили несколько станиц, овладели Новочеркасском и крупнейшим городом Донской области Ростовом.

16 мая в казачьей столице собрался так называемый Круг Спасения Дона, провозгласивший Краснова новым Донским атаманом. Петр Николаевич добился для себя почти диктаторских полномочий, заявив делегатам: «Творчество никогда не было уделом коллектива. Мадонну Рафаэля создал Рафаэль, а не комитет художников». Несмотря на столь трескучее и претенциозное заявление, Краснов довольно быстро сумел доказать, что кроме писательского дарования он владеет незаурядными талантами политика и администратора.

Вплоть до «восстановления единой России» Дон провозглашался независимым государством. Вводились новые гимн («Всколыхнулся, взволновался православный тихий Дон»), герб (голый казак, сидящий при оружии верхом на винной бочке) и флаг (сине-желто-алый, символизировавший «три народности, издревле живущие на донской земле», — казаков, калмыков и русских). На освобожденной от красных территории быстро восстанавливалась

нормальная жизнь: открывались новые школы, работали заводы и фабрики, по расписанию ходили поезда и даже извозчики брали с клиентов по дореволюционным расценкам. С немцами, оккупировавшими соседнюю Украину, Краснов установил союзнические отношения, поставляя им в огромных количествах зерно и получая в обмен по бросовым ценам оружие с трофейных складов русской армии.

К концу лета Донская республика достигла пика своего могущества. Ее вооруженные силы составляли около 30 тыс. пехоты и такое же количество конницы, 175 орудий, 4 бронепоезда, 20 аэропланов плюс находящаяся в стадии формирования 20-тысячная молодая армия из 19—20-летних призывников. В этот момент Ленин считал, что у Советской власти есть два главных врага — «чехословаки и Краснов».

Против красных казаки сражались плечом к плечу с Добровольческой армией, руководство которой твердо придерживалось англо-французской ориентации и считало себя в состоянии войны не только с большевиками, но и с немцами. Краснов же считался «германофилом», и в конце концов дружба с «тевтонцами» вышло ему боком. В ноябре 1918 г. Германия проиграла Первую мировую войну. Победившая Антанта выразила намерение помочь свержению Советской власти оружием, припасами и войсками, однако требовала перехода всех антибольшевистских сил на юге России в подчинение Деникина. Фактически это означало отставку Краснова.

Петр Николаевич еще мог бы сохранить свой пост, но как раз в этот момент его войска начали терпеть поражения. Соседняя же Добровольческая армия, наоборот, одну за другой одерживала блестящие победы на Северном Кавказе. 14 февраля 1919 г. очередной Войсковой круг потребовал отставки командующего Донской армией Денисова и начальника штаба Полякова. Петр Николаевич заявил, что убрать от него этих лиц все равно, что «обрубить ему обе руки», и сложил с себя обязанности войскового атамана. После бурных дискуссий отставка Красно-

ва была принята. Принесли его в жертву, делегаты небезосновательно рассчитывали на получение помощи от союзников и Добровольческой армии. Именно поэтому новым войсковым атаманом выбрали старого соратника Деникина генерала А. П. Богаевского.

Через пять дней после круга на новочеркасском вокзале состоялись торжественные проводы Краснова. Петр Николаевич отбыл за границу, но уже осенью 1919 г. вернулся в Россию и вступил в Северо-Западную армию Юденича. Во время похода на Петроград он руководил отделом пропаганды армии, затем, после отхода Юденича в Прибалтику, принимал участие в переговорах с эстонским правительством.

Начиная с 1920 г., Краснов жил сначала в Берлине, затем в Париже. Здесь он вновь вспомнил о своем ремесле писателя. Опубликованные им романы «От двуглавого орла к красному знамени», «Все проходит», «Опавшие листья», «Единая и неделимая», «Цареубийцы» и др. пользовались большим успехом у читающей публики и были переведены на многие европейский языки. Показательны названия еще двух романов Краснова: «Ненависть» и «Понять — простить». Сам Петр Николаевич «понять-простить» так и не смог..

Он приветствовал нападение Германии на Советский Союз и в 1944 г. возглавил так называемое Управление казачьих войск при Министерстве восточных территорий. Созданные при его участии казачьи части вместе с немцами сражались против Красной армии и югославских партизан.

После разгрома Германии эти формирования попытались укрыться на оккупированной англичанами территории. Однако британцы не желали ссориться со своими союзниками. Несколько тысяч казаков были переданы советскому командованию. Не избежал этой участи и Краснов.

В начале июня 1945 г. он был доставлен в Москву и заключен в Лубянскую тюрьму. Судебное разбирательство длилось полтора года, и лишь 17 января 1947 г. «Правда»

опубликовала сообщение о казни через повешение шести «агентов германской разведки» и «главарей вооруженных белогвардейских частей в период Гражданской войны». Первой в списке осужденных стояла фамилия бывшего атамана Всевеликого Войска Донского Петра Николаевича Краснова.

МИРОНОВ

Филипп Кузьмич Миронов родился 27 октября 1872 г. на хуторе Буерак-Сенюткином Усть-Медведицкого округа в бедной казачьей семье. Окончив церковно-приходскую школу и два класса Усть-Медведицкой гимназии, в отличие от других детей бедняков, он решил любой ценой продолжить свое образование и выбиться в люди. Из-за нехватки средств Миронову пришлось самостоятельно пройти оставшийся гимназический курс, проявив при этом редкое трудолюбие и упорство. В военных играх и занятиях он также был одним из лучших, что сыграло свою роль при поступлении в Новочеркасское казачье юнкерское училище.

В 1898 г., честолюбивый молодой человек сумел стать офицером, а через пять лет был избран станичным атаманом в станице Распопинской. В 1904—1905 гг. в составе 26-го Донского казачьего полка Филипп Кузьмич принял участие в Русско-японской войне. За храбрость он был награжден четырьмя орденами и произведен в поддесаулы. Тем не менее, несмотря на наметившийся карьерный рост, окружающая действительность Миронова явно не устраивала: слишком много, по его мнению, было в ней бедности и несправедливости.

Не удивительно, что начавшаяся первая русская революция не оставила Филиппа Кузьмича равнодушным. В июне 1906 г. на станичном сборе в Усть-Медведицкой казаки приняли решение не участвовать в новой мобилизации. В качестве делегата казаков Миронов отвез составленный на сборе приговор в Петербург в Государственную Думу. На обратном пути он был арестован и посажен на гауптвахту

в Новочеркасске. Узнав об этом, усть-медведицкие казаки захватили в качестве заложника окружного атамана и освободили его лишь после того, как Миронов был отпущен.

Естественно, власти этот эпизод Филиппу Кузьмичу припомнили. Правда, учитывая популярность Миронова среди казаков, его сначала отправили проходить службу в один из действующих полков. Здесь горячий правдолюбец не преминул сцепиться со своим непосредственным начальником и тут же был отчислен из Донского войска (с лишением чина подьесаула «за действия, порочащие звание офицера»).

Некоторое время ему пришлось работать водовозом, затем начальником земельного стола областного управления и помощником смотрителя заповедных рыбных ловель в гирлах Дона.

С началом Первой мировой войны, подобно многим другим оппозиционерам, Миронов поддался «шовинистическому угару» и попросил взять его в армию хотя бы рядовым или вольноопределяющимся. До подобных крайностей дело не дошло: Филиппу Кузьмичу вернули звание подьесаула, и осенью 1914 г. он прибыл на фронт во главе сотни «охотников» 30-го Донского казачьего полка.

В одном из первых же боев Миронов так отличился, что получил Георгиевское оружие. За последующие два года он был награжден еще четырьмя орденами, дослужившись до звания войскового старшины (подполковника) и помощника командира 32-го Донского казачьего полка.

Февральская революция застала Филиппа Кузьмича по дороге из родной Усть-Медведицкой (где он долечивался после очередного ранения). Миронов завернул в Петроград и лишь насмотревшись на политические баталии вернулся в свою часть. После Октябрьской революции казаки избрали его командиром и тут же решили расходиться по домам.

Вновь оказавшись на Дону, Филипп Кузьмич энергично поддержал новую власть, заняв пост члена военно-революционного комитета и военного комиссара Усть-Медведицкого округа.

Правда, уже в мае 1918 г. под натиском белоказаков бойцам Миронова пришлось оставить станицу Усть-Медведицкую и отступить к слободе Михайловка. Здесь он едва не был расстрелян местными большевиками, поскольку выяснилось, что при отступлении «забыли» один из красногвардейских отрядов, который практически целиком погиб. На сей раз смерть обошла Миронова, а в течение следующих шести месяцев он сумел полностью себя реабилитировать.

Среди местных красных командиров Филипп Кузьмич оказался едва ли не единственным, кто прекрасно разбирался в специфике Донского края. Большое значение в этот период играли различия между так называемыми «верховыми» (сравнительно небогатыми) и «низовыми» (более состоятельными) казаками. «Заступник народа» Миронов пользовался огромным авторитетом и популярностью именно у своих земляков — казаков «верховых» северных станиц.

При этом Филипп Кузьмич умело пускал в ход идеологическое оружие, распространяя в войсках Краснова листовки собственного сочинения. Написаны они были с блестящим знанием казацкой психологии: в них не отрицался сам факт «большевистских перегибов», однако умело обыгрывалась традиционная для станичников неприязнь к «господам и барам»:

«Казаки... Что же лучше: власть народа, власть советов, власть, которую вы, казаки и солдаты, сами создали, сами исправляете, или власть генералов, капиталистов, помещиков и дворян?! <...> Не ругайте особенно Красную гвардию! <...> Она свое дело сделала — не дала контрреволюционером съесть революцию, а с нею не дала еще генералам — власти, помещикам — земли, капиталистам — их капиталы...».

Сам Миронов всегда ограждал мирных жителей от самочинных реквизиций, великодушно обращался с пленными, а в тех случаях, когда речь шла о простых казаках, зачастую просто отпускал их на свободу. Не удивительно, что молва о нем постепенно растекалась по всему Дону, и даже вождь

белого казачества атаман Краснов с горечью признавал: «Офицеров у меня много, а Миронова ни одного».

Производя мобилизацию в занятых областях, Филипп Кузьмич имел к сентябрю 1918 г. около 7,5 тыс. бойцов, 18 орудий и 40 пулеметов. Все эти силы были объединены в 1-ю Медведицкую Советскую дивизию имени Миронова (впоследствии переименована в 23-ю). Тогда же легендарный комдив получил от ВЦИК орден Боевого Красного Знамени за № 3 (№ 1 наградили Блюхера, № 2 — Махно).

В январе 1919 г. большевистские части захватили верхнедонские округа. Краснов констатировал факт распада Донской армии: «Яд недоверия стал слишком силен, и люди в лучшем случае расходятся с оружием в руках по домам, в худшем передаются товарищу Миронову, который сулит им рай Советской власти и золотые горы».

Разумеется, никакого «рая и золотых гор» казаки не получили. По инициативе Я. М. Свердлова Оргбюро ЦК РКП(б) выпустило драконовскую директиву о «расказачивании». Первым пунктом этого документа предписывалось «провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применить все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти». Учитывая, что практически все население Донской области хотя бы косвенно (поставками продовольствия) помогало войскам Краснова, согласно духу и букве данной директивы, казачество обрекалось практически на полное истребление.

Миронова, чтоб не путался под ногами, отправили на Западный фронт, где он стал сначала помощником командующего, а затем командующим Белорусско-Литовской (с мая 1919 г. — 16-й) Красной армией. Формально это было повышение, однако военные действия на западе не велись, и сам Филипп Кузьмич вполне обоснованно рассматривал новую должность как «ссылку».

За это время Донское бюро РКП(б) на полную катушку раскрутило маховик террора, который рикошетом ударил по самим организаторам. В тылу большевиков вспыхнуло Вешенское восстание, одновременно в наступление перешли войска Деникина и Богаевского. Под натиском противника Южный фронт начал откатываться к Москве.

В критической ситуации Советское правительство попыталось вновь привлечь казаков на свою сторону. Было решено сформировать в Саранске Особый Донской конный корпус во главе с Мироновым. Филипп Кузьмич поначалу отнесся к этому делу с энтузиазмом, но вскоре столкнулся с откровенным саботажем командования фронта и собственных политработников: воспитательная работа не велась, пополнения не прибывали, оружия не хватало. Пытаясь сдвинуть дело с мертвой точки, он даже подал заявление о приеме в РКП(б), однако наткнулся на довольно грубый и вызывающий отказ.

Вдобавок до Миронова все чаще доходили сведения об ужасах расказачивания. Фактически комкор оказался между двух огней: с белыми ему было не по пути, в красных он разочаровался. В отчаянии Филипп Кузьмич не нашел ничего лучше, как демонстративно проигнорировать приказ Ревоенсовета и двинуть свой недоформированный корпус на фронт. От стычек с красными частями Миронов воздерживался и в своих листовках подчеркивал, что главными его врагами являются Деникин и империалисты. Общая же суть этих воззваний сводилась к достаточно популярному лозунгу «За Советы без коммунистов».

Большевики объявили Миронова мятежником, и 14 сентября 1919 г. он с небольшой группой сподвижников был арестован отрядом буденновцев под командованием Оки Городовикова.

5 октября 1919 г. Миронов предстал перед Чрезвычайным революционным трибуналом. Ход процесса широко освещался в советской прессе, а заседания суда снимались на киноплёнку. Вердикт оказался суровым: Филипп Кузьмич и десять его ближайших соратников приговорились к расстрелу. Тем не менее в тогдашней обстановке

расправа над популярным «красным казаком» не входила в планы большевиков. Специальным постановлением ВЦИК все осужденные получили помилование. Миронов даже получил свободу и вскоре вошел в состав Донисполкома, где стал заведующим земельным отделом.

Один из политработников писал, что «Миронов есть тревожно мятущаяся душа огромной численности среднего крестьянства и казачества и как человек, преданный социальной революции, может и способен всю колеблющуюся крестьянскую массу увлечь на беспощадную борьбу с контрреволюцией». Большевики еще нуждались в такой мятущейся душе, поскольку в 1920 г. им пришлось столкнуться с двумя опасными и сильными врагами — поляками и Врангелем.

Успехи кавалерийских соединений Думенко, Буденного и Жлобы вдохновили Реввоенсовет республики на создание двух конных армий. 1-ю возглавил Буденный, 2-ю — Городовиков. Вскоре выяснилось, что «старый знакомый» Миронова Ока Городовиков хотя и был неплохим командиром дивизии, однако явно не справлялся с обязанностями командарма. 2-я Конная потерпела ряд неудач как на польском, так и на врангелевском фронтах. Прибывшая инспекторская комиссия отметила в своем заключении, что части армии «почти ничем не отличаются друг от друга, полки плохо съезжены и знакомы только с простейшими построениями. Командный состав мало знаком с уставами, теоретически не подготовлен».

6 сентября 1920 г. новым командующим 2-й Конной назначили Миронова. С ним прибыли казаки-добровольцы из Донской области, и уже через месяц армия преобразилась. К началу октября в ней насчитывалось 6288 сабель, 303 пулемета и 34 орудия.

В начале октября Врангель начал свою Заднепровскую операцию, имевшую целью выход на Правобережную Украину и последующий прорыв к польской границе. Ударной силой этого наступления должна была стать конная группа «бешеного осетина» Н. Г. Бабиева. В период с 11 по

14 октября между красной и белой кавалерией, а также подкреплявшими их пехотными частями разгорелось напряженное сражение, которое сам Филипп Кузьмич называл «одним из красивейших эпизодов борьбы с контрреволюцией». Победа осталась за 2-й Конной. Главный противник Миронова генерал-майор Бабиев погиб в бою у села Шолохово.

Вплоть до полного занятия Крыма 2-я Конная продолжала успешно сражаться против Врангеля, а слава, которой пользовались мионовцы, могла всерьез соперничать со славой буденновцев.

По окончании военных действий «командарма-2» наградили еще одним орденом Красного Знамени и отозвали в Москву для назначения инспектором кавалерии РККА. Однако в пути он был арестован и в столицу прибыл уже в качестве заключенного. На сей раз ему инкриминировали участие в подготовке нового казачьего восстания на Дону.

Кто именно сделал донос, погубивший «народного заступника», так и осталось неизвестным. До суда дело не дошло, поскольку 2 апреля 1921 г. во время прогулки Филипп Кузьмич Миронов был застрелен часовым во дворе Бутырской тюрьмы.

Донские казаки Краснов и Миронов происходили из разных социальных слоев, и это предопределило сделанный ими в 1917 г. выбор. В своей последующей борьбе они не только махали шашками, но и при случае пользовались пером. Правда, Краснов высказывал свои взгляды главным образом в художественных и публицистических произведениях, Миронов же не поднимался выше агитационных листовок. Впрочем, в условиях Гражданской войны оружие Миронова оказалось более действенным.

Жизненный финал Краснова и Миронова оказался одинаков: так и оставшись непримиримыми врагами, они оба были казнены большевиками. Проповедуемые ими и привычные для любого казака идеалы сытной и привольной жизни никак не вписывались в пропагандистские схемы победившего режима.

Глава 6

КУБАНСКИЕ БАТЬКИ

Гуманизм не является характерной чертой любой гражданской войны. Однако даже с учетом этой аксиомы борьба красных и белых на Кубани в 1918—1920 гг. отличалась особым ожесточением. Причина этого была та же, что и в других казачьих областях России, — земля. У «иногородних» (выступавших в основном на стороне красных) ее было слишком мало, у казаков (в подавляющей своей массе примкнувших к белым) — слишком много. Естественно, каждая из сражающихся сторон выдвигала из своей среды лихих атаманов-предводителей. В среде вольнолюбивых кубанцев их обычно называли батками.

ПОКРОВСКИЙ

Виктор Леонидович Покровский родился в 1889 г. в Одессе в семье кадрового офицера. В 1909 г. по окончании местного кадетского корпуса и Павловского военного училища он был выпущен в звании подпоручика в 10-й гренадерский Малороссийский полк.

Время это было отмечено первыми успехами в покорении воздушного пространства. Покровский не избежал всеобщего увлечения и, забросав начальство рапортами, добился своего направления в класс авиации Санкт-Петербургского Политехнического института. Освоив азы теоретических знаний, он был переведен в Севастополь-

скую офицерскую воздухоплавательную школу, которую с блеском окончил в ноябре 1914 г. К тому времени в Европе уже вовсю полыхала Первая мировая война. Виктор Леонидович стал летчиком 2-го Сибирского корпусного авиаотряда и принял участие в боях против австрийцев на Юго-Западном фронте.

Впоследствии советский писатель Д. Фурманов характеризовал Покровского как «трусливого и жестокого генерала», но если вторая часть этого определения действительно имела под собой некоторые основания, то что касается трусливости, Фурманов был явно несправедлив...

В июле 1915 г. во время боев под Холмом военный пилот поручик Покровский вместе с наблюдателем корнетом Плонским атаковали вооруженный пулеметами неприятельский «Альбатрос». Открыв пальбу из револьверов, они принудили вражескую машину к посадке на ничейной территории. Посадив рядом свой «фарман», они захватили австрийских летчиков в плен буквально на виду у подбегавшей пехоты противника. После этого подвига имя Покровского прогремело по всей России. В январе 1916 г. он получил звание штабс-капитана и был назначен командиром 12-го армейского авиаотряда.

Февральскую революцию Виктор Леонидович встретил без всякого энтузиазма. Последующая анархия, захлестнувшая армию и государство, превратила его в ярого противника «взбунтовавшихся хамов». Уже весной 1917 г., находясь в Петрограде, он примкнул к тайной офицерской организации, созданной генерал-майором П. Н. Врангелем. Однако что-то у Врангеля и Покровского не заладилось. Судя по всему, расстались они весьма прохладно, и в конце бурного 1917 г. Виктор Леонидович объявился на Кубани.

После прихода большевиков к власти здешняя казачья Рада объявила о независимости края и приступила к созданию собственной армии. Одновременно из местных «иногородних» стали возникать красногвардейские отряды. Фактически с обеих сторон друг другу противостояли полупартизанские формирования, личный состав ко-

торых практически не подчинялся дисциплине, да и под ружье вставал лишь в тех случаях, когда возникала угроза собственному дому.

Тем не менее в этом хаосе капитан Покровский сумел сколотить довольно боеспособный добровольческий отряд, действовавший в районе Екатеринодара. Во главе своего соединения он сумел нанести поражение превосходящим силам красных под Эйнемом. На короткое время «большевистская угроза» отступила, и 24 января 1918 г. войсковой атаман Кубанского войска А. П. Филимонов произвел Покровского в полковники, назначив его командующим войсками Кубанского края.

Фактически на юге России возникли два крупных центра контрреволюции — Дон и Кубань. Но если на Кубани под контролем красных остались лишь некоторые сельские районы, то на Дону ситуация была совершенно обратной. В феврале 1918 г., отбиваясь от превосходящих сил большевиков, из донской столицы Новочеркасская выступила Добровольческая армия генералов Корнилова и Алексеева. Обложенные со всех сторон корниловцы двигались на Кубань, которая в этот момент представлялась им чем-то вроде земли обетованной. Кто знает, продержись Покровский до их прихода, и быть бы Виктору Леонидовичу если не первой, то хотя бы второй по значимости фигурой в Белом движении на юге России. Однако продержаться ему не удалось...

В конце февраля войска Покровского были разбиты красными под Выселками и в ночь на 14 марта оставили краевую столицу Екатеринодар. Вместе с воинскими частями город покинули большинство депутатов Рады, кубанское правительство и многие жители.

Отступив в черкесские аулы, Покровский провел реформирование частей, насчитывавших около 3 тыс. человек. До этого момента большинство членов кубанского правительства ратовали за независимость или, как минимум, широкую автономию своего края, а потому весьма сдержанно относились к союзу с добровольцами, выступавшими за «единую и неделимую Россию».

Самому Покровскому идея суверенной Кубани была глубоко безразлична (что он впоследствии и продемонстрировал), но и терпеть над собой верховенство Корнилова ему тоже не очень-то хотелось. Тем не менее в сложившейся обстановке союз с добровольцами стал насущной необходимостью.

28 марта в ауле Шенджи состоялась встреча Покровского и Корнилова. Сергей Леонидович попытался настоять на самостоятельности своих частей при оперативном подчинении командующему Добровольческой армией, однако Корнилов был категоричен: «Одна армия и один командующий. Иного положения я не допускаю». После этого (вероятно, в утешение) Покровский был произведен в звание генерал-майора.

На следующий день усиленная кубанцами Добровольческая армия перешла в наступление на Екатеринодар. В один из наиболее драматичных моментов сражения Сергей Леонидович вновь попытался настоять на самостоятельности своих частей, после чего был отстранен «в распоряжение правительства для дальнейшего формирования Кубанской армии». Выволочка эта настолько потрясла Покровского, что в дальнейшем он превратился в одного из самых ярых бойцов с Кубанским сепаратизмом.

Новый командующий Добровольческой армией А. И. Деникин отправил беспокойного подчиненного с 4 сотнями казаков и черкесов в Лабинский отдел (уезд) для организации местных повстанцев. После того как в очередном сражении под Выселками добровольцы нанесли красным поражение (7 августа), антибольшевистское восстание охватило всю Кубань. Отряд Покровского спустился с гор и начал активные действия, овладев Майкопом и Армавиrom. Через несколько дней это партизанское войско было переименовано в 1-ю Кубанскую казачью дивизию.

Правда, успехи Виктора Леонидовича имели и свои негативные последствия. Сражавшийся на соседнем участке генерал Врангель действовал крайне неудачно и сумел выбраться из кризисного положения лишь благодаря победам Покровского. Зависть и ревность к чужой славе являются

традиционными пороками для многих выдающихся полководцев. «Черный барон» также не был от них свободен, и нашему герою не раз пришлось в этом убедиться, после того как Врангель стал его непосредственным начальником в качестве командующего Кавказской армией...

Между тем горечь поражений не миновала и самого Виктора Леонидовича. В начале сентября 1918 г. его дивизии было поручено задержать и уничтожить прорывавшуюся на соединение с основными силами красных Таманскую армию. Однако в боях под Белореченской части Покровского, в свою очередь, оказались разбиты авангардной колонной Ковтюха, после чего откатились к Екатеринодару. Генералу едва ли не голышом пришлось спасаться от большевиков на неоседланной лошади...

Эпизод этот вызвал ехидные насмешки со стороны многих руководителей Добровольческой армией. Следует отметить, что даже получив генеральское звание, Виктор Леонидович так и остался для них чужаком. Некоторые мемуаристы объясняют это жесткостью Покровского, вспоминая сказанную им фразу: «Вид повешенного оживляет ландшафт и повышает аппетит». Добротой генерал действительно не блистал, но главная причина заключалась в другом: Виктор Леонидович не принадлежал к категории избранных — выпускников Академии Генерального штаба и уже в силу этого обстоятельства считался выскочкой. В качестве обратного примера можно вспомнить, что примкнувший к добровольцам с большим опозданием генштабист П. Н. Врангель сразу же получил под свое командование бригаду и автоматически сравнялся с Покровским по своему положению...

В январе 1919 г. Виктор Леонидович возглавил 1-й Кубанский конный корпус и был произведен в генерал-лейтенанты. В мае во время боев на Маныче он успешно громил красную конницу Буденного, однако в ходе дальнейших событий корпус, как и вся Кавказская армия Врангеля, оказался отодвинут на периферию.

К осени главные силы белых устремились на Москву, а Врангелю между тем приходилось заниматься крайне

неприятной миссией по утихомириванию Кубанской Рады. Поток людских и материальных резервов с Кубани, подпитывавший Белое движение, постоянно уменьшался. Между тем местные политики вновь заговорили о суверенитете, фактически закрывали глаза на большевистскую агитацию и к тому же заключили договор о взаимном признании с антиденикинским «меджлисом горских народов Кавказа». Подобные действия белое командование вполне обоснованно расценило как изменнические, причем обязанность по их пресечению Врангель изящно перекинул на Покровского.

Виктор Леонидович взялся за дело со всей присущей ему решительностью. 18 ноября он предъявил Раде ультиматум, требуя выдать Калабухова (одного из инициаторов подписания договора с меджлисом) и еще 12 лидеров сепаратистов. По истечении назначенного срока войска Покровского окружили здание Рады, после чего генерал назначил новый срок для выполнения своих требований — 5 минут. Все вожди «самостийников» сдались без сопротивления. Калабухов был повешен, остальные высланы в Константинополь. В качестве награды за свою энергию Покровский получил под свое командование Кавказскую армию, сменив на этом посту Врангеля (отстраненного за постоянные интриги против Деникина).

Усмирение Кубани успешно завершилось, однако симпатии местного казачества после этих событий начали склоняться на сторону красных. Данное обстоятельство, несомненно, сыграло свою роль в успешном и довольно быстром завоевании края большевиками в феврале-марте 1920 г.

Провал наступления на Москву и последующие неудачи привели к отставке командующего вооруженными силами Юга России А. И. Деникина (4 апреля 1920 г.). В белогвардейском генералитете начался очередной раунд взаимных интриг, причем одним из наиболее реальных претендентов на вакантное место «царя Антона» считался именно Покровский. Тем не менее «корона» командующего ВСЮР досталась его старому сопернику П. Н. Врангелю. В конкурентах «черный барон» не нуждался, и по-

сле того как Виктор Леонидович в очередной раз оказался записанным в резерв, ему ничего не оставалось, как эмигрировать из белогвардейского Крыма в Европу (май 1920 г.). Прошло менее полугода, и следом за Покровским в эмиграции оказались все его бывшие соратники и соперники по Белому движению, в том числе и сам Врангель.

Пожив в Париже и Берлине Виктор Леонидович переехал в Болгарию. Здесь разместилась значительная часть врангелевской армии и, в том числе, земляки Покровского — кубанцы. Политическая ситуация внутри Болгарии в это время была беспокойной. У власти находилось левое правительство «земледельца» А. Стамболийского, весьма лояльно относившееся к большевистскому режиму. Осенью 1922 г. в Болгарии появилась миссия советского Красного Креста, практически целиком состоявшая из чекистов. Многие эмигранты стали с ней сотрудничать и даже организовали «Союз возвращения на Родину» («Совнарод»).

В ответ Покровский создал нелегальную организацию и даже попытался отправить около 60 своих боевиков на берега Кубани для организации восстания.

Однако почти все они были арестованы в варненском порту болгарской полицией. Самому Покровскому удалось скрыться, и его люди в отместку развернули настоящий террор против советских агентов и предателей из «Совнарода». После того как был убит один из лидеров «возвращенцев» Александр Агеев, терпение местных властей лопнуло.

Виктор Леонидович укрывался в городке Кюстендиле и уже собирался бежать в Югославию. Вместе с ним находились его ординарец Кричевский, полковник Улагай и убийца Агеева Сергей Бочаров. В операции по их аресту кроме болгарских жандармов участвовали и чекисты из Красного Креста — Иванов, Чайкин, Фирин, Озол.

7 ноября 1922 г., в очередную годовщину Октябрьской революции, дом Покровского подвергся настоящему штурму. После ожесточенного сопротивления Кричевский и Бо-

чаров были схвачены, Улагай высадил окно и бежал. Сам Покровский успел ранить сотрудника «Общественной безопасности» Кюмиджева и в отместку получил удар штыком в грудь. Рана оказалась смертельной, и 9 ноября Виктор Леонидович скончался в больнице города Кюстендиле.

КОВТЮХ

Епифан Иович Ковтюх родился в 1890 г. в станице Полтавской Таманского отдела Кубанского казачьего войска в семье «иногородних» крестьян. В детстве и юности ему приходилось батрачить на казаков, и, вероятно, именно тогда в его сердце заронились зерна классовой ненависти к своим более состоятельным землякам.

С началом Первой мировой войны Ковтюх был призван в армию. Здесь в составе корпуса генерала Баратова ему довелось поучаствовать в сражениях на территории Персии и Турции. За храбрость в боях он был награжден двумя Георгиевскими крестами и направлен в школу прапорщиков. Получив офицерское звание, Епифан Иович вернулся на фронт и вновь проявил себя с самой хорошей стороны. Февральскую революцию он встретил уже в звании штабс-капитана.

Гибель старой России Ковтюх воспринял без всяких сожалений. Как писал Фурманов, «офицерский чин не тронул, не изменил сырую и свежую натуру Ковтюха, не заразил его недугами гнилой офицерской среды». Находясь в Эрзеруме, Епифан Иович был послан в какую-то незначительную местную командировку, однако вместо того чтобы вернуться обратно, укатил напрямик на Кубань, в свою станицу Полтавскую.

Правда, мирной жизни на родине не получилось. Иногородние приступили к стихийному переделу земель, казаки ответили ожесточенным сопротивлением. Каждая из сторон начала формировать собственные войска и органы власти; с одной стороны — Областной совет и Военно-революционный комитет, с другой — Кубанская Рада. Масла в огонь подливали отходившие с Кавказа бывшие

части регулярной армии, не раз учинявшие жестокие погромы в казачьих станицах.

Один из таких отрядов нагрянул в Полтавскую и едва не расстрелял Ковтюха как бывшего царского офицера. После этой истории Епифан Иович твердо решил, что в начинающейся заварухе ему следует примкнуть к одной стороне. Его выбор пал на большевиков.

Из своих односельчан Ковтюх сформировал так называемую 2-ю Полтавскую роту, с которой присоединился к более крупному отряду Ф. И. Рогачева. В апреле после ожесточенного и успешного для красных боя у Копанской этот отряд был переименован в 1-й Северо-Черноморский Кубанский полк, а Епифан Иович занял должность помощника командира по строевой части.

Через две недели у станицы Таманской бойцы Рогачева и Ковтюха противостояли не только казакам, но и более опасному противнику — 58-му Берлинскому полку германской армии. Тем не менее и в этот раз красные если не разбили, то по крайней мере сумели отогнать противника.

Авторитет Ковтюха вырос настолько, что в июне он уже фактически руководил обороной Екатеринодара вплоть до подхода главных сил Северокавказской Красной армии во главе с Сорокиным. Затем Епифан Иович выехал на Тамань, где принял командование над войсковой колонной, занимавшейся подавлением казачьих восстаний в местных станицах.

Здесь его застала весть о взятии белыми Екатеринодара. Части Сорокина были отброшены в Терскую область, в результате чего большевистские войска на Тамани оказались со всех сторон окружены противником.

Деморализованные и брошенные на произвол судьбы таманские отряды красных начали стягиваться к станице Верхне-Баканской. К 25 августа здесь собралось около 40 тыс. бойцов и 15 тыс. беженцев. После бурного митинга и совещания командиров было принято решение прорываться к своим. Все части были объединены в единую Таманскую армию во главе с моряком Иваном Матвеевым. Организационно армия разделялась на три колонны. Ко-

мандующим 1-й (авангардной) колонной был выбран Ковтюх. Впоследствии именно ему и довелось стать главным героем знаменитого похода, увековеченного А. С. Серафимовичем в романе «Железный поток».

27 августа, отбиваясь от висевших на хвосте белых, таманцы прошли через занятый германскими войсками Новороссийск. Шокированные появлением огромной и совершенно бандитской по виду массы вооруженных людей малочисленные немецкие части не решились чинить ей препятствия. Только при выходе из города стоявшие в порту германские корабли обстреляли как красных, так и преследовавших их казаков. Ни те, ни другие не обратили на эту пальбу особого внимания.

Далее таманцы вторглись по территории новорожденного грузинского государства, наголову разбили выступившую против них 10-тысячную дивизию и подчистую разграбили Туапсе.

Пройдя по узким горным дорогам, красные оставили земли Грузии и вновь очутились на российских равнинах.

На подступах к Белореченской дороге им преградили войска Покровского. Все это время колонна Ковтюха двигалась впереди, и именно ему белый генерал прислал весьма экспрессивное письмо угрожающего содержания: «Ты, мерзавец, опозорил всех офицеров русской армии и флота тем, что решился вступить в ряды большевиков, воров и босяков. Имей в виду, что тебе и твоим босякам пришел конец: ты дальше не уйдешь, потому что окружен моими войсками и войсками генерала Геймана. Мы тебя, мерзавца, взяли в цепкие руки и ни в коем случае не выпустим. Если хочешь пощады, то есть за свой поступок отделаться арестантскими ротами, тогда я приказываю тебе исполнить мой приказ следующего содержания: сегодня же сложить все оружие на ст. Белореченской, а разоруженную банду отвести на 4-5 верст западнее станции; когда это будет выполнено, немедленно сообщи мне на 4-ю железнодорожную будку!».

Эта встреча закончилась поражением Покровского и очередным триумфом большевиков. До войск Сороки-

на теперь оставалось всего несколько километров, однако, считая Таманскую армию давно уничтоженной, они продолжали отступление. В ночь на 17 сентября помощник Ковтюха на вооруженном пулеметом автомобиле прямо через лагерь белых прорвался в станицу Лабинскую и успел сообщить красным о подходе таманцев.

В тот же день в станице Дондуковской передовые части Матвеева соединились с армией Сорокина. В качестве своеобразного эпилога еще через день колонна Ковтюха овладела Армавиром.

Таманский поход успешно завершился, однако, несмотря на временное улучшение, положение большевиков на Кубани и Северном Кавказе по-прежнему оставалось крайне тяжелым. Ситуация осложнялась раздорами в красном командовании. По приказу Сорокина И. Матвеев был расстрелян за отказ выполнить приказ об отступлении к Астрахани. Место Матвеева занял Ковтюх, который тут же слег в госпиталь с брюшным тифом.

Подвернувшаяся очень кстати болезнь, возможно, спасла Епифана Иовича от серьезных неприятностей. Талантливый, но излишне амбициозный Сорокин рассорился с Кубано-Черноморским ЦИК. До определенного момента исход конфликта был совершенно неясен, и Ковтюх, пытавшийся балансировать между противоборствующими сторонами, вполне мог стать одной из случайных жертв.

В конце концов Сорокин был смещен со своего поста и попытался укрыться в Ставрополе. Однако в городе находились таманцы, весьма обиженные на него за гибель Матвеева. Они тут же заключили бывшего командарма в тюрьму, а затем без суда расстреляли его в тюремной камере. Вслед за тем в Ставрополь вступили белые, а отряды таманцев начали отход к Астрахани. Именно туда на одной из повозок доставили и тяжело больного Ковтюха.

После выздоровления Епифан Иович был вызван в Москву для доклада в Реввоенсовете республики. Здесь ему удалось добиться решения о создании из остатков Таманской армии новой 50-й стрелковой Таманской дивизии. Осенью 1919 г. эта воинская часть была сформирована

и отправилась на фронт. 2 января 1920 г. дивизии Ковтюха и Дыбенко овладели Царицыном. В руки таманцев попало 60 эшелонов с оружием и припасами, а московские рабочие прислали им в качестве подарка красное знамя.

Для преследования противника все кавалерийские части 11-й армии были сведены в отдельный кавкорпус под командованием Ковтюха. За последующие 20 дней его войска прошли 270 километров, достигли Маныча и выбили белый корпус генерала Попова из важного железнодорожного центра Тихорецкой. Развивая успех, красные достигли Екатеринодара, и здесь Ковтюха вновь свалил тиф. Уже без него таманцы по второму разу захватили Туапсе, а затем и Сочи, где вынудили капитулировать остатки сил противника. Спустя полтора года, пройдя через победы и поражения, потеряв многих своих товарищей, герои «железного потока» вновь вернулись в родные места.

Выздоровев, Епифан Иович стал комендантом Екатеринодарского укрепленного района. В этом качестве весной 1920 г. ему пришлось выдержать последнюю битву с белыми за Кубань. Пытаясь вырваться из Крыма, Врангель поручил генералу Улагаю высадиться в районе станции Приморско-Ахтарской. Начавшаяся 14 августа операция поначалу развивалась успешно для противника. За 4 дня белые продвинулись на 50—80 километров в глубь советской территории, однако затем наступление застопорилось.

Надежды на массовое восстание кубанского казачества не оправдались. Подтянув резервы, большевики начали готовиться к контрудару. Наиболее ответственное задание выпало на долю Ковтюха. Во главе отряда из тысячи бойцов на семи судах ему предстояло пройти по рекам Кубани и Протоке и высадиться в глубоком тылу неприятеля у станции Гривенской.

Для обеспечения скрытности Епифан Иович послал вдоль берега конные разъезды, переодетые в форму белогвардейцев. За одну ночь они без шума вырезали вражес-

кие пикеты, благодаря чему появление красных у Гривенской стало для противника полной неожиданностью. Штабы белых были разгромлены, однако овладеть всей станицей с ходу Ковтюху так и не удалось. Единственный неприятельский аэроплан успел взлететь и сообщить фронтovým частям о происходившей катастрофе.

Неожиданность происходившего увеличила масштабы паники. Все части белых устремились к Ачуеву, мечтая лишь об одном — как можно скорее добраться до своих судов. Проблема заключалась в том, что дорога к Ачуеву лежала через Гривенскую. Не в силах сдержать почти восьмикратно превосходящие силы врага, отряд Ковтюха все-таки закрепился в южной части станицы, существенно затруднив отступление и нанеся противнику огромные потери.

7 сентября остатки улагаевского десанта эвакуировались обратно в Крым. Гражданская война для Ковтюха закончилась.

Будучи кавалером трех орденов Красного знамени, Епифан Иович стал поистине легендарной фигурой на Кубани. В масштабах же всей страны его популярности немало способствовал роман Серафимовича «Железный поток», в котором он был выведен под именем Кожуха. Вскоре после публикации книги на французском языке один из рабочих завода «Рено» прислал в редакцию «Юманите» восторженное письмо: «Неужели действительно жил такой Кожух? Неужели могли быть такие герои? Не верится, хоть и хочется поверить!». Ковтюх написал ему послание, после чего в ответном письме пылкий француз заверил, что теперь он понял, «как такие люди, как вы, создают подобные чудеса».

В 1920-х гг. Епифан Иович закончил военную Академию, после чего командовал стрелковым корпусом и входил в состав Военного совета при Наркомате обороны СССР. В 1938 г. в ходе сталинских чисток, подобно многим другим героям Гражданской войны, он был расстрелян как враг народа. На некоторое время имя его оказалось выброшенным из истории, но не из литературы.

«Железный поток» по-прежнему проходили в советской школе, а миллионы коммунистов во всем мире по-прежнему пытались «делать свою жизнь», беря пример с товарища Кожуха.

Уже в силу своего происхождения и воспитания дворянин Покровский и крестьянин Ковтюх были, что называется, «запрограммированы» на то, чтобы оказаться со временем в противоположных лагерях.

Являясь людьми примерно одинаковых талантов, энергии и отваги, они на какое-то время даже сравнялись в положении и оба встретили Февральскую революцию в звании штабс-капитанов. Тем не менее впоследствии классовые противоречия вновь дали о себе знать и в конечном счете развели их по разные стороны окопов.

Последующие судьбы двух военачальников сложились по-разному (хотя в обоих случаях финал был достаточно трагичным). И в общем-то единственным, что роднило Покровского и Ковтюха в Гражданскую войну, было закрепившееся за ними на Кубани прозвище — батька.

Глава 7

«ЩИРЫЕ УКРАИНЦЫ»

Революция 1917 г. и распад Российской империи позволили украинским националистам реализовать давнюю мечту о «самостийности». Символом Украинской державы стал желто-голубой («жовто-блакитный») флаг, а возглавил новое государство потомок одного из последних казачьих гетманов — Павло Скоропадский.

Однако идея классового единства оказалась сильнее идеи независимости. При помощи Москвы было создано правительство Украинской Советской республики и своя «национальная» Красная армия во главе с Антоновым-Овсеенко. В феврале 1919 г. большевики взяли Киев и хотя Гражданская война на Украине еще далеко не закончилась, судьба самостийности была решена. Желтый и голубой цвета постепенно растворились в двух главных цветах времени — белом и красном.

СКОРОПАДСКИЙ

Род Скоропадских считался одним из старейших в Малороссии. Еще в 1708 г. после измены Мазепы и перехода его на сторону шведов верные Петру I казаки провозгласили новым гетманом Украины стародубского полковника Ивана Ильича Скоропадского. Потомки его не раз осыпались монаршими милостями и к моменту упразднения гетманства (в 1764 г.) уже прочно вписались в ряды имперской элиты. Честно служа царю и Отечеству, Скоро-

падские со временем не только совершенно обрусели, но и приобрели европейский лоск. Подолгу проживавшие за границей, на равных, как свои, они принимались в самых аристократических кругах Парижа, Вены, Берлина.

В 1873 г. во время одного из таких заграничных вояжей у одного из представителей полтавской ветви знаменитого семейства — Петра Скоропадского — родился сын Павел (на украинский манер — Павло).

В силу аристократического происхождения с самого начала перед юношей открывалась блестящая карьера. В 20-летнем возрасте он окончил привилегированный петербургский Пажеский корпус и был выпущен корнетом в лейб-гвардии Кавалергардский полк. Как по долгу службы, так и в свободное время Павел Петрович часто появлялся при дворе, имея возможность общаться с высшими сановниками империи и, следовательно, обзаводиться полезными связями. Скоропадский был лично знаком со многими представителями царской семьи и даже с самим Николаем II.

В 1900 г. на одном из маскарадов в Зимнем дворце молодой кавалергард появился в костюме гетмана. Некоторые мемуаристы задним числом увидели в этом эпизоде некий знак, перст судьбы. Другие пошли еще дальше, заявив, что уже тогда Павел Петрович мечтал о «самостийности» для Украины и гетманской булаве лично для себя. Здесь содержится изрядная доля преувеличения: гибель империи тогда еще никому не могла присниться даже в страшном сне, и одеяние гетмана для праправнука Ивана Скоропадского вряд ли было чем-то бóльшим, чем просто маскарадным костюмом.

Какими бы привилегиями ни пользовались в армии аристократы, рассчитывать на высокие чины без реальных заслуг они не могли, и в мае 1904 г. Павел Петрович отправился на войну с Японией. Сначала он служил при штабах — адъютантом Восточного отряда и адъютантом 3-го Сибирского корпуса, затем перевелся на передовую — во 2-й Читинский казачий полк. Хорошо проявив себя в под огнем и приобретя боевой опыт, по окончании войны Скоропадский возвратился в родную часть — к своим

кавалергардам. Наградой за отвагу стала очередная (и весьма значительная) ступенька в карьере — должность флигель-адъютанта императора.

К чести Скоропадского следует отметить, что делать карьеру, шаркая по дворцовому паркету, он не собирался, отдавая предпочтение строевой службе.

С сентября 1910 г. он командовал 20-м Финляндским драгунским полком, затем более престижным — лейб-гвардии Конным. В марте 1912 г. Скоропадский был произведен в звание генерал-майора и зачислен в свиту Его Императорского Величества, а Первую мировую войну встретил в должности командира 1-й бригады 1-й гвардейской кавалерийской дивизии.

Медленно, но уверенно Павел Петрович пробирался к вершинам военной иерархии. Против германцев и австрийцев он сражался так же отважно, как и против японцев, и хотя великих побед не одерживал, но пользовался репутацией способного и перспективного военачальника. В 1915 г. его повысили до генерал-лейтенанта, а в январе 1917 г. доверили целый корпус — 34-й армейский.

Спустя месяц в Петрограде грянула Февральская революция, и власть перешла к Временному правительству. В Киеве местные либералы и социалисты создали собственный «орган демократической власти» — Центральную Раду и объявили о намерении добиваться автономии для Украины. Правительство Керенского ничего не имело против «права наций на самоопределение» и даже согласилось на создание собственно украинских соединений (разумеется, подчинявшихся русскому командованию). Поскольку командир и большая часть личного состава 34-го корпуса были «хохлами», именно эту часть сочли удобным полем для подобного эксперимента.

Сам Скоропадский «рідной мовой» не владел и отнесся к идее «украинизации» без энтузиазма. Тем не менее он взялся претворять ее в жизнь, сумев, однако, удержать в корпусе лучших русскоязычных офицеров.

Между тем по мере углубления общероссийского кризиса сепаратистские настроения на Украине брали вверх.

7 ноября 1917 г. Центральная Рада в Киеве провозгласила создание Украинской народной республики (УНР) в составе России. Спустя месяц в Харькове 1-й Всеукраинский съезд Советов объявил Украину республикой Советов. Отряды Красной гвардии сумели установить контроль над Левобережьем Днепра и начали продвигаться на запад. Отражать нашествие пришлось частям Скоропадского, для которого «самостийники» были, конечно же, ближе, чем большевики.

28 декабря 1917 г. прибывшая на мирные переговоры в Брест-Литовск делегация Центральной Рады провозгласила независимость Украины. Немцы и их союзники (так называемый Четвертый союз) поспешили признать новое государство, однако уже 27 января 1918 г. красные войска вступили в Киев и, в свою очередь, объявили об установлении власти Советов. «Самостийники» поспешили прибегнуть к защите Германии, заключив мирный договор, по которому Украина обязалась поставить Четвертому союзу 60 млн пудов хлеба, 3 млн пудов живого рогатого скота, 37,5 млн пудов железной руды и т. д. Немцы и остатки войск УНР перешли в наступление и 1 марта овладели Киевом. Советская Россия вынуждена была заключить Брест-Литовский мирный договор, одним из пунктов которого признала Центральную Раду как единственную законную власть на Украине.

Между тем до подлинной «самостийности» было далеко. В стране разместилась германская оккупационная армия генерал-фельдмаршала Эйхгорна. Усиленными темпами немцы начали вывозить продукты питания и сырье. Население бедствовало, экономика дышала на ладан, и, как следствие, по всей Украине начали возникать всевозможные партизанские отряды — большевистские, анархистские и просто бандитские («зеленые»). Опасение немцам внушали и лидеры Центральной Рады, особенно местные «социалисты» — Винниченко и Петлюра. Не удивительно, что германское правительство решило передать власть сильному но надежному человеку, способному удержать ситуацию под контролем. Лучшее всего на эту роль под-

ходил Павел Петрович. 26 апреля германский кайзер Вильгельм II прислал телеграмму Эйхгорну: «Передайте Скоропадскому, что я согласен на избрание гетмана, если гетман даст обязательство неуклонно выполнять наши советы». Через два дня в киевском цирке состоялся съезд хлеборобов, объявивший об избрании Скоропадского единовластным правителем Украины с титулом гетмана. Центральная Рада была разогнана, УНР упразднена и превращалась в Украинскую державу.

По месту провозглашения возрожденного из небытия гетманства последующие события часто сравнивали с цирком. Как акробату-канатоходцу, Павлу Петровичу приходилось постоянно балансировать между тремя враждебными силами — германцами, деникинцами и «самостийниками». Задача эта была почти нереальной и приводила к резким колебаниям в украинской политике.

Своеобразной подачкой местным националистам выглядело освобождение из тюрьмы арестованных во время переворота Винниченко и Петлюры. Кроме того, продолжался начавшийся еще при Раде процесс украинизации. Вся государственная документация, начиная от железнодорожных расписаний и кончая армейскими уставами, переводилась на «рідную мову» с использованием в ряде случаев немецких слов (зачастую это звучало почти маршматически; так, военная команда «Смирно, равнение направо» звучала теперь как «Хальт, струнко направо»). В то же время большинство чиновников, офицеров и даже министров (не говоря о самом гетмане) предпочитали изъясняться на русском языке.

Многие из них рассматривали гетманщину как первый этап к восстановлению единой российской государственности. И, в общем-то, определенные основания для этого были. Так, например, попытка объявить Мазепу национальным героем вызвала со стороны Скоропадского самые решительные возражения. Более того, в беседе с одним из представителей Деникина он доверительно признался: «Вы, конечно, понимаете, что я как флигель-адъютант императора и генерал-лейтенант русской армии не могу быть “щи-

рым украинцем”». И все же идти на открытое сближение с ориентировавшимися на Антанту белогвардейцами он не решался, прекрасно понимая, что власть его на текущий момент держится прежде всего на германских штыках.

В ноябре 1918 г. после поражения в Первой мировой войне в Германии началась революция. Оккупационные войска стали возвращаться на родину, причем зачастую их оружие и снаряжение переходили в руки местных повстанческих отрядов. 18 ноября собравшиеся в Белой Церкви «самостийники» призвали народ к свержению Скоропадского и объявили о создании нового правительства — Директории во главе с Петлюрой. Одновременно через российско-украинскую границу потихоньку начали просачиваться красноармейские отряды. И те, и другие стремились к Киеву, но первыми до столицы Украины все-таки добрались петлюровцы...

Между тем собственная армия у гетмана фактически отсутствовала. Опереточные части «сердюков» и «гайдамаков», прибывая на фронт, либо разбежались, либо переходили на сторону Директории. Пытаясь удержать власть, Скоропадский решил опереться на консервативное офицерство — стонников «единого и неделимого» Российского государства. Вступив в союз с Деникиным, Павел Петрович фактически отказался от идеи «самостийности» и поручил наиболее авторитетному из находившихся в Киеве генералов — Ф. А. Келлеру — сформировать отряды Белой гвардии. Однако времени для этого почти не оставалось.

Готовых сражаться офицеров оказалось не более 3 тыс. человек. С учетом необходимости поддерживать порядок в городе на каждого из них приходилось почти по 1 километру фронта. Остановить многотысячную массу петлюровцев столь незначительные силы не могли, тем более что большинство белогвардейцев вовсе не горели желанием сложить свои головы за гетмана.

14 декабря 1918 г. при содействии немцев Скоропадский бежал из Киева. Преодолев достаточно символическое сопротивление офицерских отрядов, войска Директории заняли столицу Украины. Графа Келлера расстреляли

на Софийской площади у памятника Богдану Хмельницкому якобы при попытке к бегству. Пленные белогвардейцы оказались согнаны в педагогический музей, откуда потом потихоньку разбежались. Петлюровцы в это время упивались победой и были заняты грабежами. Впрочем, их радость оказалась недолговременной. С севера уже надвигалась Красная армия...

Дальнейшие события на Украине никак не касались Скоропадского. Остаток жизни он провел там же, где и родился, — в Германии. В апреле 1945 г., всего за пару недель до поражения приютивший его страны, первый и последний гетман «самостийной» Украины скончался от контузии, полученной при бомбардировке Берлина союзной авиацией.

АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО

Владимир Александрович Овсеенко родился 21 мая 1883 г. в семье офицера. Впоследствии будущий революционер несколько пренебрежительно упоминал о своем отце как о «захудалом дворянине, умершем в чине капитана в 1902 г.». Володя был третьим (после двух дочерей) ребенком в небогатой семье, и с самого детства его усиленно готовили к карьере офицера. Однако, намыкавшись со своими родителями по захудалым гарнизонам России, Украины, Белоруссии и Польши, юноша приобрел явную неприязнь к армейской службе.

По настоянию отца он все-таки закончил Воронежское кадетское училище, однако затем начались проблемы. Из Николаевского инженерного училища Владимир был изгнан (по собственным показаниям) за отказ принять присягу, мотивируя это «органическим отвращением к военщине». В 1901 г. в Варшаве Овсеенко вошел в студенческий социал-демократический кружок, затем, уйдя из дома, работал сначала грузчиком, потом кучером в столичном «Обществе защиты животных».

Затем, то ли устав от малообеспеченной жизни, то ли по поручению своих друзей-подпольщиков, он все-таки

поступил во Владимирское пехотное училище, где сколотил тайный кружок и вскоре угодил под арест за хранение нелегальной литературы. Благодаря заступничеству великого князя Константина Константиновича юнкер Овсеенко отделался незначительным наказанием и в 1904 г. в звании подпоручика был выпущен в размещенный под Варшавой 40-й Колыванский пехотный полк.

У своего начальства молодой офицер явно вызывал подозрения, и потому его решили вне очереди отправить на войну с Японией. Овсеенко тут же перешел на нелегальное положение и зажил бурной жизнью профессионального революционера. Его похождения в годы первой русской революции могут служить основой для волнующего приключенческого романа. Безуспешно попытавшись поднять восстание в гарнизоне Новой Александрии (Польша), Владимир Александрович перебрался в Петербург, и в июне 1906 г. его арестовали за участие в нелегальной политической сходке. После выхода из тюрьмы по амнистии его вторично арестовывали в Москве во время подпольного съезда революционных военных организаций (апрель 1906 г.). Через 5 дней, в пасхальную ночь, вместе с несколькими товарищами Овсеенко проломил стену Суцевского полицейского участка и оказался на воле.

Владимир Александрович спешно уехал в Севастополь (где готовилось восстание матросов) и вновь, на сей раз после ожесточенной перестрелки, попал в руки полиции. За оказанное при аресте сопротивление его приговорили к смертной казни, замененной позднее 20 годами каторги. В июле 1907 г. среди бела дня революционеры взорвали стену Севастопольской тюрьмы и, обстреляв охрану, помогли бежать своим товарищам. Овсеенко перебрался в столицу, где пытался вести агитацию среди экипажа императорской яхты «Штандарт». Затея эта была явно авантюрной, и вскоре на след подпольщика вышла охранка.

Владимир Александрович вновь отправился в Москву для революционной работы в рабочих организациях. После очередного нелегального собрания он опять оказался в полиции и назвался Антоном Гуком — делегатом съез-

да фабричных врачей от предприятий Двинска. В начале века стражи порядка еще не располагали современными банками данных на известных преступников и даже не предполагали, какая птичка им попалась. За 400 рублей, выделенных из партийной кассы, жители Двинского уезда с радостью опознали в Овсеенко своего «земляка», и мнимый «Антон Гук» вновь вышел на свободу. В июле 1910 г. при переходе границы с Германией Владимира Александровича арестовали прусские власти, но благодаря протестам местных социал-демократов он успешно выпутался из этой передряги и отправился в Париж.

Здесь он обзавелся псевдонимом Антонов и организовал своеобразную биржу труда для русских эмигрантов. Вплоть до 1917 г. Владимир Александрович примыкал к меньшевикам, но, вернувшись на родину после Февральской революции, он опубликовал в «Правде» открытое письмо, в котором объявил о своем согласии с «ленинской линией».

В короткое время Антонов-Овсеенко завоевал большой авторитет среди своих новых соратников. В октябрьские дни он стал секретарем Петроградского Военно-революционного комитета и одним из главных организаторов большевистского переворота. Именно Владимиру Александровичу довелось руководить штурмом Зимнего дворца, арестовать Временное правительство и увековечиться в поэме В. Маяковского «Хорошо»:

«И один
из ворвавшихся,
пенснишки тронув,
объявил,
как о чем-то простом
и несложном:
“Я,
председатель реввоенсовета
Антонов,
Временное
правительство
объявляю низложенным”».

В ленинском правительстве места министров заняли народные комиссары, причем народный комиссариат по военным и морским делам возглавили сразу три человека — Антонов-Овсеенко, Крыленко и Дыбенко. По иронии судьбы, все трое имели украинские корни. При этом Крыленко пришлось заниматься делами армии, Дыбенко — флотом, а вот Владимиру Александровичу доверили самый опасный участок — «борьбу с контрреволюцией на Юге России» (Дон, Кавказ, Украина).

Начиная с декабря 1917 г., в столицу Украинской Советской республики стали прибывать отряды красногвардейцев из Петрограда, Москвы и других городов Центральной России. Общее руководство будущей операцией возлагалось на Владимира Александровича, войсками на самом ответственном направлении Полтава—Киев командовал его заместитель Муравьев. Поскольку установление Советской власти хотя бы внешне должно было выглядеть как дело рук самих украинцев, в одной из телеграмм Ленин посоветовал Антонову-Овсеенко именоваться «просто Овсеенко», а Муравьеву — «Муравенко».

В начале 1918 г. советские войска начали полномасштабную войну против Украинской народной республики. 17 января восстали большевистски настроенные рабочие киевского завода «Арсенал», а через 10 дней к столице Украины подошли части Муравьева. Выпустив по городу около 15 тыс. снарядов и использовав газы, красные к 9 февраля полностью овладели Киевом. Правительство Центральной Рады бежало в Житомир.

Однако уже в марте, после германского наступления и подписания Брестского мира, ситуация в корне изменилась: первый тайм Гражданской войны на Украине выиграла «самостийники» и их немецкие покровители. Почти на восемь месяцев страна перешла под власть гетмана Скоропадского, а Владимиру Александровичу пришлось переключиться на борьбу с донскими казаками и Добровольческой армией Деникина.

Второй тайм начался после революции в Германии. 13 ноября большевистский Совнарком денонсировал Бре-

стский договор и приступил к формированию Временного рабоче-крестьянского правительства Украинской Советской Социалистической Республики (председатели: сначала Г. Л. Пятаков, затем болгарин Х. Г. Раковский). По проекту Антонова-Овсеенко Группа войск Курского направления преобразовалась в Украинскую Советскую армию, причем первым же пунктом в этом проекте указывалось, что «Советская Украинская армия входит составной частью в общероссийскую, и на нее распространяются все законоположения, касающиеся этой последней». На пост главкома «украинские товарищи» попытались провести К. Е. Ворошилова, однако председатель Реввоенсовета Троцкий не раз конфликтовал с ним во время обороны Царицына. В своей телеграмме «красный Бонапарт» категорично указал, что захват Украины требует «...планомерной и систематической работы при участии знатоков военного дела... повторять Царицынские эксперименты на украинской территории в виду возможности столкновения с серьезным врагом — на это, разумеется, мы не пойдем. Стало быть, кандидатура т. Ворошилова совершенно отпадает». Владимира Александровича Троцкий относил к «знатокам военного дела» и именно ему предпочел доверить украинскую армию и весь Украинский фронт.

6 февраля 1919 г. войска Антонова-Овсеенко вторично заняли Киев, вытеснив оттуда петлюровцев. 4 апреля под натиском большевиков оккупационные части Антанты покинули Одессу. Днем раньше один из подчиненных Владимира Александровича (и его бывший коллега по наркомату) П. Е. Дыбенко овладел Перекопом и во главе своей 1-й Заднепровской стрелковой дивизии вторгся на территорию Крыма. Красные заняли большую часть полуострова и создали там Крымскую Советскую Социалистическую Республику (в составе РСФСР).

На всех направлениях войска Антонова-Овсеенко одерживали победы, и их предводитель уже подумывал о том, чтобы разжечь революцию в Европе. Его план заключался в том, чтобы начать войну против Румынии и через

территорию этой страны прорваться в Советскую Венгрию, а затем и в Германию.

Однако все наполеоновские замыслы рухнули в один момент. Увлечшись своими успехами, Антонов-Овсеенко не успел вовремя оказать помощь ближайшему соседу — Южному фронту. Воспользовавшись этим, белогвардейцы нанесли удар в районе Донбасса (почти на стыке Украинского и Южного фронтов). Еще более ухудшил ситуацию мятеж атамана Григорьева, чья бригада как раз и должна была прийти на помощь Советской Венгрии. Выступление удалось быстро подавить, но «прошляпивший» его Антонов-Овсеенко лишился должности главкома Украины и вернулся в Москву.

Последующие полгода оказались самыми тяжелыми для большевиков. Чехи и румыны подавили революцию в Венгрии. Войска Деникина отвоевали Кавказ, Крым, Украину и двинулись прямо на Москву. Спасать Советскую власть пришлось другим военачальникам, а Владимир Александрович был переброшен на административную работу.

В ноябре 1919 — апреле 1920 гг. он руководил советскими органами Тамбовской губернии, где энергично занимался подразверсткой. Затем пошел на повышение, получив должности наркома внутренних дел и заместителя председателя Совнаркома РСФСР. Между тем ретивость, проявленная Антоновым-Овсеенко на Тамбовщине, дала о себе знать и привела к крупнейшему антибольшевистскому восстанию крестьян. Подавлять это восстание (и тем самым устранять собственные недостатки в работе) пришлось опять-таки Владимиру Александровичу.

В 1921—1922 гг. он возглавлял советские органы Самарской губернии, где «боролся с голодом в Поволжье» путем конфискации церковных ценностей и массовых расстрелов среди духовенства. Вообще, везде, где бы ни появлялся «пламенный революционер», — на Украине, в Тамбове или Самаре — ему всегда сопутствовала репутация одного из самых ретивых поборников «красного террора». Недаром почти все противники большевиков находили в его облике и поведении черты «фанатика» и «маньяка».

Считаясь выдвигенцем Троцкого, Антонов-Овсеенко стал жертвой внутрипартийной борьбы.

Поначалу его постигла почетная опала в виде дипломатической работы полномочным представителем СССР в Чехословакии (с 1925 г.), Литве (с 1928 г.), Польше (с 1930 г.). Имея много свободного времени, он начал писать мемуары — «В семнадцатом году», «Записки о Гражданской войне» и др.

В 1928 г. Владимир Александрович точно так же, как в свое время с меньшевиками, демонстративно порвал с троцкистами (жена его этого не сделала, за что в 1929 г. была осуждена к тюремному заключению и впоследствии покончила жизнь самоубийством). На некоторое время карьера Антонова-Овсеенко вновь пошла вверх. В 1934 г. он занял пост прокурора РСФСР, что, разумеется, предполагает его активное участие в сталинских чистках. В 1936—1937 гг., в период Гражданской войны в Испании, Владимир Александрович выполнял обязанности генерального консула СССР в Барселоне, где активно боролся не только с франкистами, но и со всевозможными анархистскими и леворадикальными организациями. Затем он был отозван на Родину и назначен наркомом юстиции РСФСР. Незадолго до гибели Антонов-Овсеенко еще успел проконсультировать режиссера М. Ромма, снимавшего фильм «Ленин в Октябре». Однако после выхода ленты на экран в сцене ареста Временного правительства фигурировал уже не Владимир Александрович, а некий рабочий в исполнении П. Ванина. Причина этого заключалась вовсе не в фантазии авторов. К тому времени Антонов-Овсеенко уже был арестован как враг народа. 8 февраля 1938 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к 10 годам лишения свободы без права переписки, что на языке сталинской юстиции означало смертную казнь.

В 1918—1919 гг., исходя из собственных политических интересов, противоборствующие силы — немцы, большевики, белогвардейцы — в разное время и с раз-

ным успехом разыгрывали «украинскую карту». Подлинными националисты (вроде Петлюры и Винниченко) оказывались в этой игре фигурами второстепенными. Что касается Скоропадского и Антонова-Овсеенко, то для них независимое Украинское государство никак не являлось желанной и заветной целью. И сколь бы ни были не похожи друг на друга «самостийный» гетман и большевистский главком, одно можно считать точно установленным: ни тот, ни другой не относились к числу «щирых украинцев».

Глава 8

ГЕНЕРАЛЫ И КОММУНАРЫ

После поражения Германии в Первой мировой войне Советская Россия поспешила денонсировать Брестский договор. Большевики двинулись на Запад устраивать мировую революцию. Однако для начала требовалось установить контроль хотя бы над территорией бывшей Российской империи. С этой целью Кремлем стали создаваться марионеточные правительства, обращавшиеся за помощью к Красной армии. Местные националисты, в свою очередь, были полны решимости отстаивать новоприобретенную независимость.

И хотя на Украине, в Белоруссии, Закавказье, Средней Азии планы большевиков увенчались успехом, в Финляндии, Польше и Прибалтике их постигла неудача. Одним из бастионов, который сумел устоять перед «угрозой с Востока», стала маленькая Эстония.

ЛАЙДОНЕР

Йохан Лайдонер родился 12 февраля 1884 г. в Вильяндском уезде Лифляндской губернии (ныне территория Эстонии). Отец его был батраком, а мать — дочерью хуторянина, на которого он работал. В шесть лет мальчик сам научился читать и писать, а в восемь поступил в местную волостную школу. Вскоре родители Йохана переехали в Вильянди, где он продолжил учебу сначала в немецкой начальной, а затем в русской городской школах. Хотя в се-

мье Лайдонеров было четверо детей, родители ухитрились оплачивать образование Йохана, возлагая большие надежды на его будущее. Однако университет оказался им не по карману, и семнадцатилетнему юноше добровольцем пришлось вступить в русскую армию.

Отслужив год в Каунасе (в 110-м Камском пехотном полку), крестьянский сын сумел-таки получить направление в Виленскую военную школу. В 1905 г. подпоручик Лайдонер закончил ее лучшим выпускником курса, получив в качестве поощрения не только золотые часы, но и право выбирать место будущей службы. Выбор его пал на квартировавший в грузинском городе Манглис 13-й лейб-гренадерский Ереванский полк, шефом которого был сам император. Следующей важной ступенью в карьере стала Николаевская Академия Генерального штаба. Во время учебы в столице Йохан женился на студентке консерватории Марии Крушевской — польской дворянке из старинного рода. Закончив академию в 1912 г., Лайдонер вернулся в свою часть штабс-капитаном. Через два года началась Первая мировая война, и уже в составе штаба 3-го Кавказского корпуса он отправился на австрийский фронт, в Галицию.

Корпус сразу же принял участие в осеннем наступлении, причем Лайдонер в этих боях дважды был ранен и один раз контужен. К маю 1915 г. вражеское командование посчитало «кавказцев» обескровленными и решило перебросить свой 14-й тирольский корпус в Италию. Однако при Сеняве «кавказцы» внезапно обрушились на грузившихся в эшелоны «тирольцев», захватив около 7 тыс. пленных и 15 орудий. Лайдонер отличился в этой операции и вскоре с повышением перешел в отдел разведки штаба Западного фронта.

Первую мировую войну он закончил в чине подполковника и в должности начальника штаба 62-й дивизии. К моменту возвращения на родину (осенью 1917 г.) на его груди красовались ордена Св. Станислава и Св. Владимира, а на боку висела Георгиевская сабля «За храбрость». Царские «побрякушки» в то время уже не ценились, однако

среди местных уроженцев Лайдонер оказался наиболее опытным и заслуженным военным. В результате именно ему пришедшие к власти большевики доверили командование 1-й Эстонской пехотной дивизией, насчитывавшей в своих рядах почти 50 тыс. солдат и офицеров.

Правда, уже в феврале 1918 г. комдива отправили в отставку, а оккупировавшие край немцы решили арестовать его как бывшего разведчика. Лайдонеру пришлось уехать в Петроград, однако места в формирующейся Красной армии он себе так и не нашел, либо не захотел найти.

В ноябре 1918 г., сразу же после разгрома Германии, на руинах Балтийского герцогства появились новые государства — Эстония, Латвия и Литва. Узнав, что в Ревеле (Таллине) создано Временное правительство во главе с К. Пятсом, Лайдонер тут же предложил ему свои услуги.

Угрозу для независимости эстонцев в это время представляли не только российские большевики, но и не желавшие убраться из Прибалтики остатки немецких войск. Пятс в этой ситуации решил опереться на помощь Англии, Франции и Америки. 12 декабря в Ревеле пришвартовалась британская эскадра, и Лайдонеру поручили наладить взаимодействие с союзниками. Затем он же в качестве главнокомандующего (с 23 декабря) занялся формированием эстонской армии, в которую кроме местных уроженцев вступали и многочисленные добровольцы из Финляндии и стран Скандинавии. Несмотря на отсутствие опыта, это войско смогло отразить наступление красных и уже к марту 1919 г. установить контроль не только над всей Эстонией, но и над прилегающими русскими территориями.

Лайдонер за эту кампанию получил звание генерал-майора. Благодаря полученному от союзников снаряжению он сумел довести свою армию почти до 70 тыс. штыков. Дело, правда, осложнялось отсутствием единства среди его подчиненных. Значительную часть войска составлял Северо-Западный корпус, состоявший из русских белогвардейцев, причем лишь один «атаман» С. Н. Булак-Балахович считался сторонником независимой Эстонии.

Все прочие командиры с большей или меньшей категоричностью выступали с позиций «единой и неделимой» Российской империи.

Тем не менее русские и эстонские белогвардейцы попытались наладить совместные действия. 2-я эстонская дивизия заняла Псков, передав город Булак-Балаховичу. На нарвском направлении части А. П. Родзянко и 1-я эстонская дивизия овладели Ямгородом. Одновременно высадившийся в Копорской губе Ингерманландский полк капитана А. Тюни повел наступление вдоль южного побережья Финского залива.

13 июня вспыхнул антибольшевистский мятеж на фортах Красная Горка и Серая Лошадь. Однако находившийся неподалеку Ингерманландский полк то ли не смог, то ли не захотел помочь восставшим. Красные оперативно отбили форты, а их гарнизонам пришлось отступить на соединение с войсками Родзянко. Узнав о подлинной или мнимой измене союзников, тот приказал разоружить Ингерманландский полк, что, в свою очередь, едва не привело к открытому столкновению с эстонцами.

У Лайдонера хватило выдержки не доводить дело до крайности. Он лишь ограничился снятием с себя полномочий командующего Северо-Западным корпусом и отказом от дальнейшего наступления против Петрограда. Впрочем, возможно, дело заключалось не в выдержке, а в том, что у эстонцев попросту уже не хватало сил ни на большевиков, ни на Родзянко...

В соседней Латвии главными противниками красных были остатки германского корпуса Р. фон дер Гольца. Местные националисты, в свою очередь, раскололись на сторонников просоюзнической и пронемецкой ориентации. Поскольку эстонцы ориентировались на Антанту, то они решили помочь своим латышским единомышленникам, что в конечном счете привело к полномасштабной войне с фон дер Гольцем. В битве у Цесиса немцы потерпели поражение, а спустя пару недель эстонцы и латышские части полковника Земитана вошли в Ригу. Так Лайдо-

нер не только выиграл войну с потомками крестоносцев, но и помог соседней прибалтийской республике.

Русские белогвардейцы, несмотря на все прошлые разногласия, также продолжали рассчитывать на его помощь. Правда, признавать эстонский суверенитет они не спешили, ссылаясь на отсутствие демократического правительства. В конце концов представитель союзников полковник Марш вызвал из Финляндии членов Комитета по делам русских беженцев и выдвинул ультиматум: либо вы за 40 минут создаете правительство и подписываете соглашение с независимой Эстонией, либо... «мы будем вас бросать».

Ультиматум подействовал. На свет появилось Северо-Западное правительство, наконец-то признавшее Эстонскую республику от имени «Белой России». К Н. Н. Юденичу, сменившему А. П. Родзянко, потоком хлынуло оружие и снаряжение, что дало белогвардейцам возможность к концу сентября развернуть новое наступление против Петрограда.

Войска Лайдонера приняли участие и в этой операции, однако и на сей раз дело закончилось поражением. 31 декабря Красная армия остановилась на границе с Эстонией, а советское правительство вступило в переговоры с Таллином. 2 февраля 1920 г. в Тарту был подписан мирный договор, по которому Россия признавала «безоговорочно независимость и самостоятельность Эстонского государства» и отказывалась «добровольно и на вечные времена от всяких суверенных прав, кои принадлежали России в отношении к Эстонскому народу и земле».

Война за независимость для Лайдонера закончилась. Эстонское правительство упразднило должность главнокомандующего, присвоив ему в качестве компенсации звание генерал-лейтенанта. Для многих соотечественников Лайдонер стал национальным героем, и в сущности ничто не мешало ему (подобно Маннергейму или Пилсудскому) со временем претендовать на пост главы государства. Удобный момент для этого сложился в декабре 1924 г., когда в связи с угрозой большевистского восстания отставному генералу пришлось вновь вернуться на

должность главнокомандующего. Возглавив Союз самозащиты (Кайтселийт), он быстро и решительно подавил выступление, после чего вторично вышел в отставку.

До 1929 г. Лайдонер продолжал быть депутатом эстонского парламента, затем работал в Лиге наций и одновременно выполнял массу общественных обязанностей (председатель Олимпийского комитета Эстонии, президент Ротари-клуба, почетный доктор Тартусского и Таллинского технического университетов, почетный член Академии наук). Эстонское правительство подарило ему поместье (где сейчас находится мемориальный музей) и наградило двумя Крестами Свободы (за военные и гражданские заслуги). Имелись у него и другие ордена: английские (Св. Михаила и Св. Георгия), французские (Почетного Легиона), финские (Большой Крест ордена Белой Розы), польские (Виртути Милитари, Белого Орла, Большой Крест ордена Польского Возрождения).

Однако, несмотря на весь авторитет Лайдонера в стране и на международной арене, ни президентом, ни тем более диктатором Эстонии он так и не стал. Возможно, интерес к карьере пропал у него после самоубийства в 1928 г. единственного сына Михаэля (супруги в том же году усыновили своего племянника Алексея Крушевского), а может быть, генерал просто считал, что лучше быть хорошим военным, чем посредственным политиком.

В феврале 1939 г. о полководческих способностях Лайдонера вспомнили и уже в третий раз назначили его главнокомандующим. Через полгода Москва вынудила Таллин подписать пакт о взаимопомощи, согласно которому на территории страны появились советские военные базы. Следующим этапом стала открытая оккупация Эстонии (летом 1940 г.).

Лайдонер так и не рискнул отдать приказ о вооруженном сопротивлении. Со времени войны за независимость прошло 20 лет, и с тех пор многое изменилось. 14-тысячная эстонская армия уже не могла противостоять полумиллионной советской группировке. Не приходилось рассчитывать и на помощь традиционных союзников, Анг-

лии и Франции, занятых в это время борьбой с фашистской Германией.

В новой Эстонии органы НКВД плотно занялись буржуазными политиками. Супругов Лайдонеров депортировали в Россию. В Пензе генерал был арестован (26 июля 1941 г.). Следствие длилось до марта 1942 г., но потом было приостановлено и возобновилось лишь в феврале 1952 г. На сей раз оно оказалось очень коротким, и уже 16 апреля Особое совещание «за активную контрреволюционную и антисоветскую деятельность» приговорило Лайдонера к 25 годам тюремного заключения с конфискацией имущества. Свой срок заключенный № 11 отбывал во Владимирской тюрьме, где и скончался 13 марта 1953 г. Тело его было погребено этой же ночью на городском кладбище в могиле, уже занятой другим узником, бывшим вице-премьером Польши Яном Янковским. Однако впоследствии захоронение затерялось среди тысяч безымянных могил других заключенных: русских, поляков, немцев, японцев.

КИНГИСЕПП

Виктор Эдуардович Кингисепп родился 24 марта 1888 г. на хуторе Мариенталь на острове Эзель (Сааремаа). Дед его владел хутором и кузнечно-механической мастерской, в которой трудились и сыновья прижимистого хозяина. Один из них — Эдуард — женился на бывшей гувернантке, проработавшей несколько лет в Тамбовской губернии. Именно эта пара и стала родителями нашего героя.

В 1889 г. отец Виктора вместе с семьей ушел на заработки в город Аренсбург (Куресааре). В качестве машиниста он работал в механической мастерской, в грязелечебницах, на кожевенном заводе и как всякий хороший специалист получал довольно приличную зарплату. Денег этих хватило на то, чтобы оплатить сыну учебу в гимназии.

Родители Виктора были далеки от политики, но почитали эстонских просветителей-демократов Ф.-Р. Крейцвальда и Лидию Койдула. С детства мальчик слышал рассказы о народных восстаниях на Сааремаа, выпитывая при

этом ненависть к немецким помещикам — потомкам завоевателей-крестоносцев.

В 15 лет Кингисепп увлекся марксизмом и в бурном 1905 г. уже занимался тем, что развозил по деревням и мызам отпечатанные на гектографе революционные прокламации. Один раз юноша даже побывал под арестом за то, что крикнул проходящему патрулю: «Долой самодержавие!». Впрочем, «хулигана» быстро отпустили, и эта шалость никак не отразилась на его гимназическом аттестате.

В 1906 г. Виктор уехал в Петербург, где стал студентом юридического факультета университета. К тому времени он уже был членом РСДРП и вместо лекций большую часть времени проводил на сходках и митингах. В качестве пропагандиста Кингисепп работал с проживавшими в столице земляками-эстонцами. Видимо, именно тогда он и сблизился с большевистским крылом партии. Во всяком случае, когда в марте 1907 г. в Териоках (Зеленогорске) прошла конференция эстонских организаций РСДРП, именно Кингисепп стал одним из инициаторов принятой на этом совещании проленинской резолюции об отношении социал-демократов к Государственной Думе.

Отправившись по партийному заданию в Ревель, Виктор Эдуардович занимался уже не столько борьбой с самодержавием, сколько разоблачением «оппортунистов» — меньшевиков, заседавших в городском комитете РСДРП. Правда, во время второго посещения Ревеля он сумел организовать типографию и буквально чудом избежать второго ареста. В 1909—1910 гг. Кингисепп курсировал между Москвой и Эзелем.

За это время «нерадивого студента» исключили из университета. Революция давно закончилась, и Виктор Эдуардович решил подумать о хлебе насущном. В университете он восстановился, но от своего главного увлечения так и не отказался. Его статьи о положении в Эстонии время от времени появлялись в «Правде», а затем он принял участие в создании еще одной большевистской газеты «Кийр» («Луч»), печатавшейся в Нарве.

В конце концов Кингисепп привлек внимание полиции. В январе 1914 г. ему пришлось перейти на нелегальное положение и укрыться в Финляндии. С началом Первой мировой войны «Правда» и «Киёр» были закрыты. Виктор Эдуардович поступил вольноопределяющимся в санитарный отряд Кавказского фронта. В Петроград он вернулся лишь в мае 1917 г., уже после свержения самодержавия.

Получив наконец-то диплом юриста, он возобновил контакты с большевиками и отправился по их поручению пропагандистом в Ревель и Нарву. Во время корниловского мятежа рабочие во главе с Кингисеппом заняли станцию, воспрепятствовав тем самым продвижению на Петроград эшелонов с военными. Затем Виктор Эдуардович в качестве делегата участвовал в Демократическом совещании, а вернувшись в Ревель, стал членом местного Военно-революционного комитета. Во многом именно благодаря его стараниям большевистский переворот в Ревеле прошел столь же гладко, как и в Петрограде. Вместе с красногвардейцами он занял дворец на Вышгороде, сместив губернского комиссара Временного правительства. Затем на паровозе Кингисепп выехал в расположение 49-го армейского корпуса и убедил солдат не выступать на защиту Керенского.

Через несколько дней, организовав демонстрацию трудящихся, Виктор Эдуардович разогнал губернский земский совет, став при этом заместителем председателя нового органа власти — краевого исполкома. В качестве комиссара по военным и продовольственным делам он активно проводил мероприятия по национализации банков, земли и промышленных предприятий. Местные националисты попытались ответить на это восстанием в Юрьеве (Тарту), но их выступление было оперативно подавлено все тем же вездесущим Кингисеппом.

Его бурная деятельность прервалась в марте 1918 г. после оккупации края германцами. На одном из кораблей Балтийского флота Виктор Эдуардович эвакуировался в Петроград, а оттуда напрямик уехал в Москву в качестве делегата IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов. Именно на этом съезде был ратифицирован Бре-

стский мир, отдававший немцам в числе многих других территорий и родину Кингисеппа — Эстонию.

В Москве «проверенному товарищу» быстро нашли дружную работу. Как юриста его направили на работу в карательные органы. В качестве члена всевозможных комиссий и трибуналов Виктор Эдуардович занимался многими громкими делами. Именно при его участии и зачастую по вздорным обвинениям были осуждены спаситель Балтийского флота А. Щастный, английский дипломат Локкарт, шпион Коломатиано, провокатор Р. Малиновский и многие другие. О степени доверия, которым пользовался Кингисепп, свидетельствует тот факт, что именно ему поручили дело о покушении на Ленина. Главной преступницей была названа Фанни Каплан, и хотя сегодня некоторые исследователи считают, что эта полуслепая женщина не могла попасть даже в слона (не то что в маленького и юркого вождя мирового пролетариата), именно предложенная Кингисеппом версия стала официальной.

В сущности, всегда и везде Виктор Эдуардович приходил к тем выводам, которые от него требовались партийными руководителями. Однако в Кремле никогда не забывали о его национальности, и вполне естественно, что именно Кингисеппу поручили организовать подпольную сеть в Эстонии.

В ноябре 1918 г., практически одновременно с созданием буржуазного правительства К. Пякса, в Петрограде был образован Временный ревком края, возглавляемый соратником Кингисеппа Яном Анвельтом. 29 ноября Красная армия вошла в Нарву, причем главная роль во взятии города отводилась эстонским Таллинскому, Тартускому и Вильяндискому коммунистическим полкам.

В первом же «освобожденном городе» провозгласили создание новой республики — Эстляндской трудовой коммуны. Главой этого «государства» стал Анвельт, Кингисеппу же достался второй по значимости пост — наркома внутренних дел. Хотя Петроград в это дни вымирал от голода, ленинский Совнарком выделил эстонским товарищам субсидию в 10 млн рублей.

Однако просуществовала «трудовая коммуна» недолго. Захватив почти половину территории Эстонии, Красная армия откатилась обратно, и уже в январе 1919 г. правительству Анвельта—Кингисеппа пришлось ретироваться сначала в Выру, а затем во Псков. Разгромом завершилось восстание на острове Эзель, а по всей Эстонии прокатилась волна белого террора: несколько сотен человек были казнены либо сосланы в своеобразные концлагеря (в Пяэскула и на острове Найсаар).

Очередная полоса неудач началась в мае 1919 г. Возглавляемая Риттом 1-я эстонская дивизия красных в полном составе перешла к соотечественникам. В результате части Лайдонера овладели Изборском и Псковом, что же касается эстонских большевиков, то они после этого фактически лишились собственной армии.

В июне 1919 г. Совет трудовой коммуны был распущен, однако отказываться от борьбы Виктор Эдуардович еще не собирался. В самой Эстонии и эстонских частях Кингисепп и его агенты развернули антивоенную агитацию. Главный упор делался на то, что, в отличие от русских белогвардейцев, большевики ничего не имеют против суверенной Прибалтики, а со стороны Эстонии война превратилась из оборонительной в откровенно захватническую.

Подобная тактика оправдала себя довольно быстро. Сам Кингисепп несколько раз нелегально ездил на родину, сумев установить контакты с лидерами профсоюзного движения. 30—31 августа он даже выступил на I съезде профсоюзов Эстонии, участники которого высказались за немедленный мир с Советской Россией.

Резкий антиправительственный настрой съезда, а также информация о присутствии на нем ненавистного Кингисеппа заставили К. Пятса перейти к решительным действиям. Правда, самого Виктора Эдуардовича поймать не удалось, но зато все 102 делегата были арестованы и отправлены в армию — на Псковский участок. В первом же бою 75 из них перешли к красным. Оставшиеся 26 человек сделать этого не успели и были расстреляны в древнем Изборске (один человек сумел спастись).

Событие это вошло в историю под названием Изборской трагедии и послужило толчком для серьезного внутриполитического кризиса. В прессе и обществе разгорелись дебаты по поводу правомерности и демократичности подобных действий. На фронте целые полки отказывались воевать, и их приходилось отводить в тыл на переформирование. Бросив своих русских союзников, из Пскова эстонские солдаты уходили под пение революционных песен и с красными гвоздиками в петлицах. Многие из них чувствовали себя почти большевиками...

Базируясь на собственном удачном и неудачном опыте, Кингисепп написал книгу «Под игом независимости», содержание которой сводилось к перечислению преимуществ Советской Социалистической Эстонии перед Эстонией буржуазной. Труд вышел из печати в январе 1920 г. и стал своеобразной «библией» эстонских коммунистов. Однако заключенный через месяц Тартуский мирный договор, а также принятая через полгода конституция Эстонской республики, казалось, поставили крест на мечтах Кингисеппа. Его родина встала на путь буржуазного развития, и Кремль вроде бы смирился с этой печальной истиной.

Работая после Гражданской войны в Коминтерне, Виктор Эдуардович по-прежнему занимался главным образом эстонскими делами. По тайным каналам он пересылал огромные деньги на тамошнюю прокоммунистическую печать и на профсоюзное движение. Время от времени Кингисепп нелегально навещал родину, и во время одной из таких поездок (в марте 1922 г.) поселился на конспиративной квартире в самом центре Таллина.

Итогом его деятельности стала 20-тысячная первомайская демонстрация в эстонской столице. Как обычно, не обошлось без стычек, причем в результате одной из них в руки полиции попал активист по кличке Чугун (настоящая фамилия Линкхорст). Именно он под пытками и выдал убежище Кингисеппа. Любопытно, что с самого Линкхорста обвинение в предательстве впоследствии было снято. Причиной оправдания послужили не только приме-

ненные к нему жестокие методы, но и тот факт, что о его аресте Виктора Эдуардовича оповестили, и, согласно законам конспирации, он должен был немедленно покинуть квартиру, о которой было известно арестованному. Но Кингисепп этого почему-то не сделал. И в результате тоже был схвачен 3 мая 1922 г.

Советское посольство предложило обменять его на двух арестованных контрреволюционеров. Эстонцы ответили отказом, и буквально в тот же день Кингисепп предстал перед военно-полевым, судом приговорившим его к смертной казни. Расстрел произошел через несколько часов на пустынном побережье. Последние слова осужденного прозвучали именно так, как и следовало ожидать от человека с его биографией: «Да здравствует Советская Эстония!»...

Узнав о казни, Москва попросила передать его тело для захоронения на Красной площади. И вновь эстонцы ответили отказом. Могила большевика не должна была стать объектом почитания, и потому ее местонахождение так и осталось неизвестным.

В советские времена эстонцы шутили, что восточная граница их республики простирается «от Кингисеппа до Кингисеппа». Сегодня находящийся на Сааремаа бывший Кингисепп называется Куресааре, и лишь расположенный на российской территории бывший Ямгород по-прежнему носит имя революционера из соседнего государства. В Эстонии сейчас нет города имени Лайдонера, но имя генерала пользуется в стране большим уважением.

Любопытно, что и Лайдонер, и Кингисепп происходили примерно из одних социальных слоев и, погибнув при сходных обстоятельствах, оставили после себя лишь безымянные могилы. Оба они в конце жизни потерпели поражение, но, как можно предположить, умерли, так и не потеряв веры в свои идеалы. В сущности «дуэль» Лайдонера и Кингисеппа продолжалась даже после их смерти. И шел этот поединок уже не на политической арене, а в памяти потомков.

Глава 9

НА СЕВЕРЕ И НА ЮГЕ, В НЕБЕ И НА ЗЕМЛЕ

В период Первой мировой войны российские ВВС считались своеобразной элитой российской императорской армии. Тем не менее отношения внутри самого летного корпуса отнюдь не были идиллическими. Давали знать о себе сословные перегородки между авиаторами-офицерами (преимущественно дворянами) и пилотами, носящими звание рядовых и унтер-офицеров (выходцами из крестьянской и рабочей среды).

Разница между «белой» и «черной» костью чувствовалась как на материальном, так и на бытовом уровне. Летчики из нижних чинов получали жалованье 90 рублей в месяц, офицеры за аналогичную «боевую работу» — в 4-6 раз больше. В некоторых частях авиаторы-солдаты жили в общих казармах и не допускались в Офицерские собрания. Вероятно, в годы Гражданской войны все эти казавшиеся второстепенными вещи сыграли свою роль.

Примером того, как бывшие боевые соратники расходились по классовому признаку, могут служить судьбы двух «русских соколов». В 1917 г. они вместе (хотя и в разных чинах) сражались против немцев, а спустя всего несколько месяцев оказались по разные стороны фронта.

КАЗАКОВ

Александр Александрович Казаков родился 27 января 1889 г. в Херсонской губернии, в дворянской семье. В 1908 г. окончил Воронежский кадетский корпус и Елисаветградское военное училище. Службу начал в звании корнета в 12-м Белгородском уланском полку.

Вскоре молодой кавалерист подал рапорт о переводе в авиационный отдел Офицерской воздухоплавательной школы (будущая Гатчинская авиашкола). Через два года он получил диплом пилота и назначение в 4-й корпусной авиаотряд. 28 декабря 1914 г. вместе со своим новым самолетом «Моран-Г» Казаков прибыл на фронт. Первый его боевой вылет состоялся через десять дней и закончился неудачно: двигатель машины загорелся, и пилот с трудом сумел посадить свой аэроплан. Последующие вылеты были более успешными, и в ходе военных действий на территории Польши зимой-весной 1915 г. Казаков на своем «Моране» несколько раз проводил удачные бомбардировки тыловых баз противника.

С момента памятного тарана Нестерова на русско-германском фронте уже полгода как не было воздушных боев, заканчивавшихся гибелью хотя бы одного из противников. Встретившись в небе, авиаторы воюющих держав предпочитали не трогать друг друга и мирно разлетались по своим делам. Казаков решил покончить с этой традицией и уничтожить первого же германца, который встретится ему на пути. 20 января, наткнувшись во время очередного вылета на самолет противника, он отважно устремился в атаку. Вражеский летчик, вероятно, ошалев от столь неожиданной агрессивности, предпочел поспешно ретироваться.

Готовясь к новой встрече с врагом, Казаков изобрел так называемую «кошку с лапками», рассчитывая зацепить при ее помощи аэроплан неприятеля, что, в свою очередь, должно было привести к взрыву капсулы и детонированию пироксилиновой шашки, прикрепленных к «кошке». 22 марта 1915 г. у села Гузов российский авиатор попы-

тался осуществить свой план, но зацепить германский двухместный «Альбатрос С.1.» не удалось. «Что было делать? — вспоминал впоследствии Казаков. — Два фронта, сорок тысяч глаз русских и немецких смотрели на нас из окопов, уйти, не сделав ничего, находясь в нескольких метрах от противника, — позор перед этими двадцатью тысячами русских глаз». От досады на свое неудачное изобретение русский авиатор протаранил противника. Это был второй воздушный таран в истории, окончившийся, в отличие от тарана Нестерова, гораздо благополучней для нападавшего. Германца удалось уничтожить, и хотя самолет Казакова из-за сломавшихся шасси перевернулся при посадке, сам пилот отделался легкими травмами.

Этот бой принес Казакову Георгиевское оружие и широкую известность. В сентябре 1915 г. он возглавил 19-й корпусной авиаотряд. 27 июня 1916 г. во время брусиловского прорыва летчик одержал свою вторую победу, и с этого момента его боевой счет нарастал с завидной регулярностью. В течение следующего месяца он сбил еще пятерых противников, став тем самым первым русским авиатором, имевшим право на звание аса (это звание получали летчики, уничтожившие не менее 5 вражеских машин).

В августе 1916 г. прославленный летчик стал командиром только что сформированной 1-й истребительной авиагруппы (созданной на базе 2-го, 4-го и 19-го корпусных авиаотрядов). Первоначально авиагруппа действовала на Юго-Западном фронте, а в мае 1917 г. была переброшена в Румынию.

Под руководством Казакова это соединение достигло высокой степени эффективности, уничтожив только в течение сентября около десятка вражеских аэропланов и потеряв всего одну свою машину. Вероятно, под вдохновляющим влиянием этих успехов на фюзеляжах машин авиагруппы стала появляться воинственная и устрашающая эмблема, позаимствованная с пиратского флага «Веселый Роджер» — череп со скрещенными костями. Сам Казаков к концу войны стал бесспорным рекордсменом среди рус-

ских истребителей, имея на счету 19 достоверных побед и 3 вероятно сбитых противников.

В отличие от пехотных частей, летчики 1-й истребительной авиагруппы отважно сражались с противником вплоть до ноябрьского приказа Военно-революционного комитета о прекращении боевых полетов. Тем не менее революционная и антивоенная агитация сделали свое дело. В среде авиаторов, причем не столько среди летчиков, сколько среди технического и обслуживающего персонала, стало ощущаться падение дисциплины. Будучи сторонником дисциплины и войны до победного конца, лучший истребитель России получил клеймо реакционера и после выборов нового командира был заменен своим бывшим подчиненным и начинающим большевиком И. У. Павловым. Сам Казаков, однако, по-прежнему пользовался значительным авторитетом и был избран командиром 19-го авиотряда (того самого, которым командовал в 1916 г.).

Взяв отпуск, Александр Александрович отбыл «для лечения» сначала в Киев, а затем в Петроград. Некоторое время он даже пытался сработаться с Советской властью, с группой авиаторов посещал Троцкого и некоторое время состоял членом комиссии по выработке новых положений и штатов истребительных авиаотрядов и авиагрупп. Однако увиденное в столице укрепило его в убеждении, что «большевики губят Россию».

В июне 1918 г. прославленный летчик появился в Мурманске в компании бывшего командира 2-й истребительной авиагруппы капитана Модраха. К этому времени русский Север был оккупирован войсками Антанты. Для борьбы с большевиками английское командование приступило к созданию так называемого Славяно-британского авиакорпуса. Всего за три-четыре недели из русских летчиков-добровольцев удалось сформировать 1-ю эскадрилью, командиром которой стал Казаков. В русской армии Александр Александрович дослужился до чина полковника, союзники присвоили ему звание капитана.

19 августа новое соединение прибыло на Двинский (или речной) фронт и сразу же приняло участие в боевых дей-

ствиях. Через три недели здесь же появилась и 2-я эскадрилья, возглавляемая штабс-капитаном Н. И. Белоусовичем. Местом базирования Славяно-британского авиакорпуса стал аэродром в местечке Березняки.

Поначалу превосходство белых летчиков над противником было подавляющим. Сказывалось как количественное превосходство в самолетах, так и боевые качества самих авиаторов. Большинство «красных соколов» в прошлом также имели звания офицеров и фактически насильно оказались мобилизованы в РККА. Не удивительно, что многие из них при первом удобном случае перелетали на своих машинах к союзникам. Однако по мере того как большевистское командование направляло на Северный фронт все новые авиачасти, баланс сил постепенно менялся.

Уже в конце октября красные предприняли контрнаступление на железнодорожном фронте (вдоль железной дороги Архангельск—Вологда). На опасный участок спешно перебросили отряд Казакова, который тут же угодил в окружение. Отправив за линию фронта уцелевшие самолеты, Александр Александрович вооружил оставшийся личный состав ручным оружием и пулеметами со сломанных машин. Начался многокилометровый пеший поход через таежные дебри. На заключительном этапе этого героического рейда отряд был блокирован красными в Сийском монастыре, однако здесь на помощь пришли английские пехотные батальоны полковника Хаггелтона (также выбравшиеся из окружения). В 40 верстах от Березняков наступление красных было остановлено.

11 ноября авиаотряд понес свои первые потери. При групповом налете на Котласский укрепленный район артиллерийским огнем с земли был сбит «Сопвич» с капитаном Коссовским и наблюдателем лейтенантом Абрамовичем. Вспыхнувшая машина рухнула в реку, при этом Абрамович был убит или утонул, а Коссовский попал в плен (впоследствии за отказ подписать агитационную листовку он был расстрелян чекистами).

Во время вылета 24 декабря загорелся мотор на «Сопвиче», пилотируемом еще одним знаменитым асом Пер-

вой мировой Свешниковым. Самолет упал посреди леса. Наблюдатель-англичанин не смог вытащить Свешникова из-под обломков и отправился за помощью в ближайшую деревню, которая находилась в 8 верстах. С группой крестьян он вернулся только на следующий день, когда Свешников был уже мертв.

В конце января 1919 г. началось наступление красных в районе Шенкурска, где был оборудован запасной аэродром 1-й эскадрильи. 24 января Казаков и его наблюдатель Норман Шрайв отправились оттуда на авиаразведку. Не успевший набрать высоту самолет был обстрелян из красных окопов. Казаков получил пулю в грудь, но сумел благополучно посадить машину. Тем не менее вплоть до начала марта ему пришлось отказаться от полетов.

Во главе авиаотряда его сменил англичанин Вандерспай, сразу же ухитрившийся рассориться со своими русскими подчиненными. В первый же день своего командования, несмотря на сильный ветер и низкую облачность, он решительно потребовал осуществить авиаразведку. Первая же поднявшаяся машина на высоте 40 метров вошла в штопор и разбилась. Начались долгие и скандальные пререкания, в результате которых Вандерспаю пришлось отменить свой приказ. 24 апреля, к тайной радости подчиненных, упрямый британец «избавил их от своего общества»: на пилотируемой им машине заглох мотор, и Вандерспаю пришлось сесть в расположении красных (после пребывания в большевистских тюрьмах он вернулся на свою родину, в ЮАР, где и умер в весьма преклонном возрасте).

В мае в Березняки прибыли новые машины, и английское командование решило сформировать 3 дивизиона по 2 авиаотряда в каждом. Русский дивизион возглавил Казаков, а командирами отрядов стали капитан Модрах и штабс-капитан Белоусович. Двумя английскими дивизионами командовали майоры Карр и Боуман.

5 мая разведка обнаружила аэродром в местечке Сельце, на котором базировался 18-й авиаотряд красных во главе с бывшим георгиевским кавалером поручиком Сле-

пияном. На двух других большевистских аэродромах расположился 2-й морской истребительный авиаотряд. Между красными и белыми летчиками начались бои, которые, как правило, заканчивались без определенных результатов.

Пытаясь добиться перелома, Казаков предложил сделать налет на авиабазу в Пучеге. Предполагалось сначала обстрелять аэродром с бреющего полета, а затем высадить десант, который при помощи факелов и канистр с бензином должен был поджечь машины красных. Накануне налета две машины сломались, так что пришлось ограничиться бомбами и пулеметным огнем. Тем не менее из-за понесенного урона аэродром в Пучеге вышел из строя.

К тому времени (конец июля) союзники уже приняли решение об эвакуации своих войск из Мурманска и Архангельска. Чтобы прикрыть эвакуацию, они развернули последнее наступление против красных. В этих боях Казаков на бреющем полете расстреливал красных из пулеметов, вызывая восхищение своих английских коллег. Однако в той ситуации мужество отдельных летчиков уже ничего не решало...

Русским летчикам пришлось задуматься о своей дальнейшей судьбе. Некоторые решили пробираться к Колчаку вместе с полярной экспедицией Вильницкого. Самому Александру Александровичу англичане присвоили звание майора и предложили продолжить службу в королевских ВВС. Казаков не торопился с ответом: успехи красных, бегство союзников, гибель боевых товарищей — все эти обстоятельства вогнали его в состояние тяжелой депрессии...

1 августа его самолет вылетел из Березняков, чтобы проводить судно, на котором уплывали к Колчаку его друзья Модрах и Белоусович. Пролетев несколько километров, летчик развернул свою машину и взял курс обратно на Березняки. При заходе на посадку самолет Казакова врезался в один из ангаров. Раздался оглушительный взрыв. Большинство свидетелей происшествия остались

при убеждении, что легендарный русский ас совершил самоубийство...

Похоронили Казакова в Березняках. На его могиле установили памятник с двумя перекрещенными пропеллерами и надписью «Мир праху твоему, герой России».

ПАВЛОВ

Иван Ульянович Павлов родился 26 ноября 1893 г. в селе Андреевка Херсонской губернии, в крестьянской семье. Впоследствии он не раз апеллировал к своему трудовому происхождению, однако семья, судя по всему, была довольно состоятельной. Во всяком случае крестьянский мальчик сумел не только получить начальное образование, но и поступить в сельскохозяйственную школу, чтобы учиться на агронома.

Однажды в 7 часов утра 23 мая 1913 г. (эту дату он запомнил на всю жизнь) Павлов делал утреннюю зарядку и неожиданно увидел летящий в небе аэроплан. С этих пор и на всю оставшуюся жизнь юноша заболел авиацией...

В сентябре 1914 г. Павлова призвали в армию. Благодаря своей настойчивости крестьянский паренек сумел добиться зачисления в класс мотористов Гатчинской авиашколы. Здесь он засыпал начальство новыми ходатайствами и в результате получил право на обучение полетам. 3 апреля 1915 г. Иван Ульянович впервые поднялся в воздух. Для дальнейшего обучения Павлов отправился во Францию, где благополучно прошел целых три летных курса — в Шартрской авиашколе, высшей школе воздушного боя в По и в специальной школе воздушной стрельбы в Казо. В феврале 1917 г. он возвратился в Россию и еще в дороге узнал о февральских событиях в Петрограде.

Отправившись на Юго-Западный фронт, Иван Ульянович получил назначение в 1-ю истребительную авиагруппу А. А. Казакова. Павлов впоследствии писал: «Казаков в моем представлении был самым крупным героем десятиmillionной царской армии. Человек с громадной силой воли, необычайно храбрый, способный в воздушном бою

подходить в упор к противнику и драться до тех пор, пока тот не свалится на землю, он вызывал восхищение в летной среде. За эти качества я уважал его, у него учился...».

1 октября 1917 г. в районе Гусятина Павлов одерживает свою первую воздушную победу. Неожиданным маневром ему удалось отрезать вражеский истребитель от трех других немецких машин. Дважды ухитрившись зайти противнику с хвоста, он буквально изрешетил неприятельский «Роланд», который рухнул в расположении русских войск...

Приземлившись, победитель обнаружил разбитый самолет и труп немецкого летчика — лейтенанта Шольца. Свои впечатления Иван Ульянович изложил следующим образом: «Когда я взглянул на эту картину, у меня впервые, как никогда до этого, мучительно сжалось сердце. То же самое могло быть и со мною, промелькнуло в голове... И, глубоко взволнованный, я тут же спрашиваю у собравшихся вокруг солдат: “Товарищи, кому нужно все это? Кому нужно, чтобы мы с вами так зверски убивали друг друга? Кто в этом заинтересован?”». (Стоит отметить, что в годы столь же кровопролитной Гражданской войны подобные сентиментальные мысли его уже не посещали.)

Прибывший к месту боя Казаков воскликнул: «Если бы я имел право, я бы только за один этот бой произвел вас в офицеры!». Павлов ответил довольно резко: «Нет, благодарю вас, господин полковник, офицеры сейчас становятся не в моде...». И здесь он был прав, осенью 1917 г. офицеры действительно уже были «не в моде»...

В декабре 1917 г. новое большевистское правительство отменило воинские звания и ввело выборность командования. По результатам этих выборов Павлов стал новым командиром авиагруппы. В ходе последующих дискуссий о прекращении боевых действий и роспуске воинской части военнослужащие украинцы предложили пропорционально разделить имевшиеся самолеты между русскими, украинцами и грузинами (личный состав авиагруппы состоял в основном из представителей этих трех национальностей) и разлететься по домам. Не встретив одобрения, простодушные хохлы предложили попросту сжечь маши-

ны, «шоб никому ни було обидно». Тем не менее и в обстановке всеобщего хаоса ценой больших усилий Павлову удалось сохранить костяк соединения. В ряде случаев для спасения машин приходилось прибегать к оружию.

Так, однажды имуществом авиагруппы попытался поживиться возвращавшийся на Родину отряд польских кавалеристов (около 700—800 сабель). Противника встретили жестоким артиллерийским и пулеметным огнем. В результате многие поляки погибли, оставшихся разоружили и распустили по домам. В эти дни Павлов как человек, продемонстрировавший свою преданность новой власти, был принят в ряды РКП(б).

В феврале 1918 г. германские части перешли в решительное наступление, закончившееся подписанием «похабного» (по выражению Ленина) Брестского мира. Часть имущества авиагруппы досталась немцам в качестве трофеев, часть растащили украинцы, однако большинство машин удалось перебросить в Центральную Россию.

Некоторое время Иван Ульянович со своим «Ньюпором» был прикреплен к «Железной» дивизии Киквидзе. Затем (в апреле 1918 г.) он был отозван в Москву, где приступил к формированию 1-й советской истребительной авиагруппы.

15 августа 1918 г. первое авиасоединение РККА появилось на Восточном фронте и приняло участие в сражениях под Свяжском и Казанью (любопытно, что в этот же самый день на Двинский фронт отправилась эскадрилья Казакова). Поскольку белые имели на этом участке лишь отдельные старенькие машины, превосходство большевистских летчиков было почти бесспорным.

До воздушных боев дело не доходило, так что Ивану Ульяновичу и его подчиненным приходилось ограничиваться авиаразведкой и бомбометанием. Пытаясь лишний раз досадить противнику, красные авиаторы частенько на бреющем полете атаковали вражескую пехоту и обстреливали ее из пулеметов. Впоследствии подобные действия получили название штурмовых, широко вошли в практику и даже привели к появлению особого типа самолетов —

штурмовиков. Однажды Павлов и его приятель Ингаунис узнали что у единственной белогвардейской зенитки осталось всего полтораста снарядов. Друзья решили заставить противника расстрелять весь боезапас и с этой целью принялись кружиться вокруг пушки. Рискованная затея кончилась тем, что одним из последних снарядов зенитка подбила свой собственный самолет, который неосторожно поспешил к месту боя.

Бои под Казанью закончились победой большевиков и стали своеобразным дебютом красной авиации. Здесь же Павлов нашел и свое семейное счастье, женившись на юной татарке с экзотическим именем Биби-Сара. С дисциплинированностью, присущей восточным женщинам, она сопровождала своего мужа по всем фронтам Гражданской войны.

Правда, после отбытия из-под Казани светлая полоса в жизни Ивана Ульяновича сменилась темной. Сначала во время очередного полета он попал в аварию; сильно разбил голову, повредил левое бедро и плечо. Затем летом 1919 г. на аэродром 1-й советской авиагруппы налетела прорвавшаяся через красный фронт конница Шкуро. Едва оправившийся от недавней аварии Павлов вместе с товарищами поднял часть машин в воздух, обстрелял противника и забросал его бомбами. Тем не менее «шкурята» успели сжечь оставшиеся на земле самолеты, горючее и почти всю материальную часть. Как боевая единица 1-я советская авиагруппа прекратила свое существование...

Несмотря на столь жестокий разгром, красное командование не забыло о Павлове и осенью 1920 г. поставило его во главе всех авиасоединений, действовавших на Южном фронте. Во время боев в северной Таврии Ивану Ульяновичу пришлось столкнуться с другим замечательным летчиком, В. М. Ткачевым (в 1917 г. он занимал должность авиадарма — командующего всеми российскими ВВС, затем занимал аналогичные посты в армиях Краснова и Врангеля).

Как тактики воздушной войны Павлов и Ткачев стоили друг друга, но численное превосходство большевиков

сыграло свою роль. Сформировав мощное соединение из 32 самолетов, красные предпринимали массированные налеты на пехотные и кавалерийские части противника. В результате авиагруппе Павлова удалось сорвать наступление корпусов Кутепова и Секретева. Несмотря на свою высокую должность, сам Иван Ульянович лично участвовал в боевых вылетах и дважды чуть не поплатился за это жизнью.

Первый раз на его машине заглох мотор, так что пришлось совершить вынужденную посадку на поле гречихи. Пока Павлов подкачивал давление ручной помпой, к его самолету устремились стрелявшие на бегу спешенные казаки. Несколько пуль пробили крылья и фюзеляж, и все же буквально в последнюю минуту аэроплан все-таки поднялся в воздух...

Через несколько дней Иван Ульянович неудачно атаковал вражеский бронепоезд. Самолет был подбит и вновь приземлился в расположении белых. Бронепоезд ушел, однако на машину наткнулся разъезд казаков, весьма нелюбезно поинтересовавшихся: «Ты кто такой, подлюка красный или кто?». Признаваться в принадлежности к «подлюкам красным» Павлов счел рискованным и принялся разыгрывать из себя белогвардейца-аристократа. Спасло его то обстоятельство, что самолет был французский, и на его фюзеляже кроме звезды красовалась совершенно небольшевицкая надпись «Vieux ami» («Старый друг»). Обратившись к офицеру, Иван Ульянович рассказал о том, как этот аэроплан недавно отбили у красных и между делом упомянул о своей недавней поездке в Париж. Доверчивые казаки помогли ему завести мотор, после чего, поднявшись в воздух, Павлов обстрелял своих спасителей из пулемета...

Гражданскую войну Иван Ульянович закончил с двумя орденами Красного Знамени — за Казань и за операции против Врангеля. Третий орден он получил позже, после того как изучение документов военного времени подтвердило многие совершенные им подвиги. В последующие годы Павлов последовательно командовал авиацией Ки-

евского, Северо-Кавказского и Московского военных округов. Затем, по окончании Высших академических курсов, он пошел на повышение и занял должности сначала заместителя инспектора, а затем и главного инспектора Военно-воздушных сил РККА.

При этом Павлов активно летал и лично осваивал новые типы истребителей. Несмотря на то, что модели машин постоянно менялись, самолет главного инспектора всегда выглядел одинаково — он был выкрашен в серебряный цвет, а на фюзеляже на фоне советского знамени красовалась надпись «За ВКП(б)».

Между тем старые раны и, прежде всего, последствия давней авиакатастрофы давали о себе знать. Здоровье «красного авиадарма» постоянно ухудшалось и в конце концов закончилось тяжелой болезнью со смертельным исходом. Скончался Иван Ульянович Павлов 11 апреля 1936 г., оставив по себе репутацию верного сына большевистской партии и одного из создателей советской военной авиации.

Рассматривая судьбы двух выдающихся летчиков, нельзя ограничиваться лишь линией противостояния «белые — красные». Скорей здесь можно говорить об учителе и ученике, основоположнике и продолжателе. Стараниями Казакова было создано первое в российской императорской армии истребительное соединение, стараниями Павлова возникло первое аналогичное соединение в другой армии — советской.

Личные взаимоотношения двух авиаторов не до конца ясны историкам, однако с уверенностью можно утверждать, что при всей драматичности происшедших событий эти отношения никак не были враждебными. В годы Первой мировой оба летчика отважно сражались с врагами России, в годы Гражданской прославленные истребители оказались в противоположных лагерях, но никогда не воевали друг против друга. А воевали они отважно и на Севере, и на Юге, и на земле, и в своей «родной» стихии — в воздухе.

Глава 10

СЧАСТЬЕ РОССИИ КАЖДЫЙ ПОНИМАЛ ПО-СВОЕМУ

Весной 1919 г. на огромном пространстве от Северного Ледовитого океана до оренбургских степей разыгралось одно из решающих сражений Гражданской войны. Так получилось, что в этот драматичный момент во главе противоборствующих сторон стояли люди, которых никак нельзя назвать профессионалами в деле сухопутной войны. Белыми армиями командовал знаменитый полярный исследователь и талантливый флотоводец адмирал А. В. Колчак, красными — бывший революционер-подпольщик М. В. Фрунзе...

С тех пор прошло более восьми десятков лет, и бывшее противостояние Гражданской войны вновь повторилось в миниатюрно-фарсовых формах. В постперестроечное время попытка установить на стенах военно-морского училища им. Фрунзе (бывшего Морского кадетского корпуса) мемориальную доску в память о Колчаке привела к сильному сопротивлению со стороны преподавателей этого учебного заведения. Парадокс истории заключается в том, что Колчак является одним из наиболее известных выпускников Морского корпуса, Фрунзе же к истории училища имел весьма отдаленное отношение. Тем не менее вновь, как и в 1919 г., победа осталась за «красным маршалом». Однако со временем имя Фрунзе с наименования военно-морского вуза убрали, а память о Колчаке восстановили.

КОЛЧАК

Родоначальник Колчаков (фамилию можно перевести с турецкого как «рукавица») был уроженцем Боснии, не то сербом, не то хорватом по национальности. Приняв мусульманство, он со временем дослужился до должности наместника Хотинской крепости и даже до высшего в Османской империи звания визиря. В 1739 г. войска фельдмаршала Б. Х. Миниха овладели Хотином, и Колчак-паша в качестве пленника был отправлен в Петербург. После заключения мира он получил свободу, но, справедливо решив, что в Турции ничего кроме удавки его не ожидает, предпочел осесть во владениях своего друга и союзника польского гетмана Потоцкого.

Со временем земли эти вошли в состав России, и в 1803 г. правнук экс-визиря Лукьян Колчак был зачислен сотником в Бугское казачье войско. Внук его — Василий Иванович — избрал флотскую карьеру, принимал участие в обороне Севастополя и даже побывал во французском плену. В 1873 г., будучи уже одним из начальников Обуховского сталелитейного завода, он женился на 18-летней Ольге Ильиничне Посоховой, происходившей из донских казаков и херсонских дворян. 4 ноября 1874 г. в Петербурге от этого брака родился сын — Александр.

Будущий верховный правитель России в 1894 г. окончил Морской кадетский корпус в звании мичмана и вскоре на броненосном крейсере «Рюрик» отправился в свое первое плавание, на Дальний Восток. Молодой офицер с увлечением занимался гидрологией и океанографией, благодаря чему добился назначения в полярную экспедицию барона Э. В. Толля, которой предстояло на шхуне «Заря» пройти по Северному морскому пути.

Весной 1902 г. барон Э. В. Толль с тремя спутниками предпринял отчаянную попытку пешком достигнуть мифической «земли Санникова». По приказу начальника Колчак довел потрепанную «Зарю» до устья Тикси, а через год возглавил спасательную экспедицию, которая,

пройдя по следам Толля, добыла бесспорные доказательства гибели его группы.

Вернувшегося на материк Колчака уже ждала его невеста — Софья Федоровна Омирова. 5 марта 1904 г. в Иркутске состоялась их свадьба. Правда, медового месяца у молодоженов не получилось. В связи с начавшейся войной против Японии Александр Васильевич отбыл в район боевых действий. В течение последующих девяти месяцев он находился в осажденном Порт-Артуре: командовал минным заградителем «Амур», миноносцем «Сердитый», затем сражался на суше в качестве артиллерийского офицера. После падения крепости оказался в плену, однако не чуждый джентльменства противник позволил всем больным и раненым офицерам вернуться домой.

В начале 1906 г. новоиспеченный капитан-лейтенант Колчак сделал в Географическом обществе доклад о своей полярной экспедиции, через три года вышла в свет написанная им монография «Лед Карского и Сибирского морей». Александр Васильевич стал заметной фигурой в мире науки, а на карте Таймыра появились мыс и остров его имени (в конце 30-х гг. спохватившиеся власти переименовали мыс в Случевский, в честь популярного писателя, а остров — в Расторгуев, по фамилии одного из матросов «Зари»). В 1909—1910 гг. Колчак руководил еще одной полярной экспедицией — на транспортах «Таймыр» и «Вайгач», но это был уже своеобразный эпилог его арктической деятельности.

Во время Первой мировой войны капитан 1 ранга Колчак фактически стал правой рукой командующих Балтийским флотом Н. О. Эссена и его преемника В. А. Канина. В апреле 1916 г. он был произведен в контр- , а уже через месяц в вице-адмиралы и назначен на должность командующего Черноморским флотом. В короткое время ему удалось значительно уменьшить активность турецко-германских судов на южном театре военных действий и подготовить операцию по захвату Босфора. В случае успеха это предприятие могло радикально изменить весь ход войны, но Февральская революция спутала все карты.

6 июня 1917 г. собрание моряков-черноморцев вынесло решение об аресте своего командующего. Впрочем, до самого ареста дело не дошло, но для Колчака стала очевидной бесполезность каких-либо попыток спасти флот от разложения. Александр Васильевич отбыл в Петроград, а затем во главе специальной морской миссии — в Лондон.

Будучи ярким сторонником войны до победного конца, Колчак не принял ни Октябрьскую революцию, ни мир с немцами. Ища применения своей нерастроченной энергии, он за сравнительно небольшой промежуток времени посетил Англию, Соединенные Штаты, Китай и Японию. В Стране восходящего солнца увлекся буддизмом и самурайской философией. При этом за время своих заграничных скитаний Александр Васильевич обзавелся неплохими связями в дипломатических и военных кругах союзных держав, что сыграло огромную роль в его дальнейшей судьбе.

В сентябре 1918 г. Колчак прибыл во Владивосток. В это же время в Уфе при поддержке восставших против Советов чешских частей было сформировано эсэро-кадетское правительство Директории. Новая власть переехала в Омск и вскоре была признана на большей части освобожденных от большевиков территорий Сибири и Дальнего Востока. Однако в реальности это правительство не пользовалось авторитетом у союзников, а у казаков и монархически настроенного офицерства вызывало настоящее раздражение.

17 ноября при поддержке союзников в Омске произошел «правый» переворот. Директория была свергнута, а министры-социалисты арестованы или ушли в подполье. Вплоть до созыва Всероссийского Учредительного собрания Колчак получал звание верховного правителя России и наделялся диктаторскими полномочиями. Кроме того, он был произведен в очередное воинское звание — адмирала.

Среди всех находившихся в Сибири военных деятелей Колчак являлся наиболее популярной и авторитетной фигурой. В течение последующего года другие вожди белогвардейщины (Деникин, Миллер, Юденич) также признали его в качестве верховного правителя, что способ-

ствовало укреплению антибольшевистского фронта. За короткое время ему удалось наладить на подконтрольной территории систему собственных административных органов, создать мощную регулярную армию и более или менее восстановить разрушенное войной хозяйство. Поставившие на Колчака союзники помогали войсками, оружием и припасами.

Тем не менее все эти плюсы перевешивались гораздо более внушительными минусами. Не имея опыта командования полевыми армиями, Колчак был вынужден передоверить ведение боевых действий своим генералам, среди которых имелись талантливые самородки, но не было ни одного, кто имел бы за спиной опыт командования крупными соединениями в Первой мировой войне (цвет русского офицерства и генералитета находился на Юге, у Деникина). Проводимые массовые мобилизации и реквизиции вели к недовольству населения и появлению красных партизанских отрядов. Жестокие репрессии против восставших лишь усугубляли ситуацию и впоследствии легли темным пятном на безупречную репутацию верховного. Что касается помощи союзников, то она носила отнюдь не альтруистический характер и объяснялась надеждами на будущие концессии и торговые привилегии. Наконец, сами союзники вели между собой борьбу за сферы влияния. При этом Колчак имел репутацию ставленника англичан и американцев. Не удивительно, что их оппоненты, японцы, предпочитали поддерживать свою креатуру — атамана Семенова, который хотя и признавал власть верховного, но «де-факто» основал собственное сибирское царство со столицей в Чите. Наконец все войска союзников в Сибири (в том числе многочисленные белочешские части) имели собственного командующего в лице французского генерала Жанена, чьи отношения с Колчаком можно охарактеризовать как весьма прохладные.

Сложность и трагизм положения верховного лучше всего оценил один из его сподвижников: «Едва ли есть еще на Руси другой человек, который так бескорыстно, убежденно, проникновенно и рыцарски служит идее восстановления единой и неделимой России. Истинный ры-

царь подвига, ничего себе не ищущий и готовый всем пожертвовать, безвольный, бессистемный и беспамятливый, детски и благородно доверчивый, вечно мятущийся в поисках верных решений и спасительных средств, вечно обманывающийся и обманываемый, обуреваемый жадной личного труда, примера и самопожертвования, не понимающий совершенно обстановки и неспособный в ней разобраться, далекий от того, что вокруг и именем его совершается...».

Едва заступив на пост верховного, Колчак был объявлен «злейшим и опаснейшим врагом» Советской власти. Уже в ходе зимы 1918—1919 гг. его войска обменялись ощутимыми контрударами с армиями красного Восточного фронта. В декабре белогвардейский корпус А. Н. Пепеляева овладел Пермью. В ответ красные предприняли наступление на юге и под новый год взяли Уфу. Решающий поединок был отложен до весны. К этому времени войска Колчака насчитывали 137 тыс. штыков, силы красных — 125 тыс.

В ходе нового наступления белых в марте-апреле 1919 г. действовавшая на Севере, Сибирская армия чешского генерала Р. Гайды заняла Сарапул и Ижевск, на юге Западная армия Ханжина отбила Уфу, взяла Бугульму и Белебей, но уже 1 мая (в день пролетарского праздника) Южная группа красных под командованием Фрунзе нанесла мощный контрудар по войскам Ханжина. Этот удар решил судьбу кампании...

В течение лета и осени 1919 г. колчаковские войска с боями отходили на восток. 12 ноября эшелон с верховным правителем выехал из Омска в Иркутск. Из-за хаоса на Транссибирской магистрали лишь 27 декабря он добрался до Нижнеудинска (в 500 км от Иркутска), и в тот же день красные подняли здесь восстание. Вступив в переговоры с большевиками, белочехи объявили станцию нейтральной территорией. Отцепив от поезда Колчака паровоз, бывшие союзники фактически взяли адмирала под арест. Подоплека дальнейших событий не совсем ясна, но, судя по всему, в обмен на Колчака чехам был обещан бес-

препятственный выезд из страны со всем награбленным в России добром.

5 января 1920 г. адмирал подписал указ о передаче своих полномочий верховного правителя генералу Деникину. Вагон с Колчаком был прицеплен к эшелону 6-го чешского полка и доставлен в Иркутск, власть над которым уже находилась в руках весьма пестрой компании из большевиков, меньшевиков и эсеров. Несмотря на огромную разницу во взглядах, все они имели причины посчитаться с бывшим верховным. Для расследования его деятельности была создана специальная следственная комиссия, работавшая в течение трех недель.

Между тем на выручку плененному Колчаку бросились отряды генерала Войцеховского. 30 января его 5-тысячное войско начало наступление на Иркутск. Угроза возможного освобождения адмирала стала вполне реальной и заставила следователей поторопиться. В ночь на 7 февраля А. В. Колчак и глава сибирского правительства В. Н. Пепеляев (брат белогвардейского генерала А. Н. Пепеляева) были расстреляны на берегу Ангары. Тела казненных палачи спустили под лед.

Спутница последних дней Колчака и его любовница Анна Васильевна Тимирева избежала столь трагической участи. За большую близость к верховному она много лет мыкалась по лагерям, но в конце концов была реабилитирована и скончалась в 1975 г. в возрасте 82 лет. Жена адмирала Софья Федоровна и его сын Ростислав еще в 1919 г. были вывезены союзниками из Севастополя и впоследствии осели во Франции. В настоящее время в Париже живет внук верховного правителя Александр Ростиславович Колчак.

ФРУНЗЕ

Отец будущего красного маршала Василий Михайлович Фрунзе по национальности был молдаванином и происходил из крестьян Тираспольского уезда Херсонской губернии. После окончания фельдшерской школы в Москве он был призван в армию и направлен служить в Тур-

кестан. По окончании службы остался в Пишпеке (впоследствии — г. Фрунзе, ныне — столица Киргизии Бишкек), где устроился фельдшером и женился на дочери крестьян-переселенцев из Воронежской губернии. 21 января 1885 г. в его семье родился сын Михаил.

Мальчик оказался на редкость способным. В 1895 г. из-за смерти кормильца семья оказалась в тяжелом материальном положении, но маленького Михаила удалось определить на государственную стипендию в гимназию города Верный (ныне — Алма-Ата), которую он окончил с золотой медалью. В 1904 г. юный Фрунзе отправился в столицу, где поступил на экономический факультет Политехнического института и вскоре стал членом социал-демократической партии. Все, кто уже тогда соприкасался с Фрунзе, отмечали его пронизательный ум и удивительное обаяние, при помощи которых он с легкостью подчинял себе окружающих. Тем не менее можно предположить, что уже тогда за внешностью милого симпатяги скрывался очень честолюбивый и целеустремленный человек. Показательно, что, решив посвятить себя борьбе за счастье человечества, он выбрал себе в качестве образца для подражания отнюдь не какого-нибудь бунтаря или революционера, а одного из самых жестоких тиранов азиатского Средневековья — Тамерлана. Характеризуя последующую деятельность Фрунзе, историк В. Шамбаров не без удивления отмечает, что «в его действиях мы сможем найти примеры удивительного для большевиков гуманизма, идущего вразрез со всеми установками партии. А можем найти и примеры исключительной жестокости. Можем найти рыцарское благородство, а можем — черное коварство. Смотря что в данный момент было выгодно для достижения победы, остальное для него не играло роли».

Свои первые победы в качестве профессионального революционера Фрунзе (подпольная кличка — товарищ Арсений) одержал в 1905 г. в Шуе и Иваново-Вознесенске в качестве одного из руководителей местного Совета рабочих уполномоченных. В декабре того же года сколо-

ченный Фрунзе отряд боевиков отправился в Москву, где принимал участие в боях рабочих дружин с правительственными войсками на Красной Пресне. После подавления московского восстания этот отряд сумел благополучно выбраться из Первопрестольной и вернуться обратно в Иваново-Вознесенск. Показательно, что столь бурную революционную деятельность Фрунзе успешно совмещал с учебой, благополучно сдав экзамены за четыре курса института.

В 1907 г. в Шуе товарищ Арсений был арестован и приговорен к смертной казни по обвинению в покушении на урядника Перлова. Стараниями адвокатов смертный приговор удалось заменить шестью годами каторжных работ. После окончания срока каторги Фрунзе отправили на поселение в деревню Манзурка Верхоленского уезда Иркутской губернии. В 1915 г. за антиправительственную агитацию неукротимого большевика вновь арестовали, однако по дороге в тюрьму ему удалось бежать.

Фрунзе объявился в Чите, где по фальшивым документам сумел устроиться агентом при статистическом отделе переселенческого управления. Тем не менее личность его привлекла внимание местных жандармов. Арсению пришлось вновь сорваться с места и перебраться в Европейскую Россию. После Февральской революции он стал одним из руководителей Минского Совета рабочих депутатов, затем вновь направился в хорошо ему знакомые Шую и Иваново-Вознесенск. Во время захвата власти большевиками в Москве во главе отряда ивановских рабочих Фрунзе вновь сражался на улицах Первопрестольной. Назначение командующим 4-й армией Восточного фронта (январь 1919 г.) застало Михаила Васильевича, когда он находился на посту военного комиссара Ярославского военного округа.

Следует отметить, что в годы Гражданской войны красными войсками командовали либо бывшие офицеры царской армии (Каменев, Егоров, Тухачевский и др.), либо талантливые выдвиженцы из бывших нижних чинов (Буденный, Чапаев, Ковтюх и др.). Что касается многи-

сленной плеяды большевиков с дореволюционным стажем, то лишь один человек сумел продемонстрировать дарования полководца. Этим человеком был Фрунзе.

Удивительно, но весь его багаж военно-теоретических знаний ограничивался набором самостоятельно прочитанных книг, носивших преимущественно популярный характер. Тем не менее, едва заступив на новую должность, он потряс «военспецов» редким умением схватывать суть самых сложных тактических и стратегических проблем и тут же предлагать блестящие и оригинальные решения.

Быстро наведя порядок и дисциплину в вверенных ему частях, Фрунзе добился новых подкреплений и разрешения сформировать под своим началом еще одну армию. Таким образом, теперь он стал не просто командармом, а командующим Южной группой из двух армий.

Его звездный час наступил весной 1919 г., в момент, когда войска Колчака перешли в общее наступление по всему Восточному фронту. На южном участке армия генерала Ханжина одержала серию побед, но при этом настолько увлеклась, что подставила свой правый фланг под удар группировки красных. Фрунзе не замедлил этим воспользоваться...

В ходе трех последовательно проведенных операций — Бугурусланской, Белебейской и Уфимской — Михаил Васильевич нанес противнику крупное поражение. Особо драматичным оказалось сражение за Уфу (8 июня). Белая бригада из рабочих-ижевцев под звуки «Варшавянки» шла в «психическую» атаку на своих иваново-вознесенских собратьев по классу. Фрунзе получил контузию, а командир 25-й дивизии Чапаев пулеметной пулей с аэроплана был ранен в шею. Однако и в этом бою удача вновь сопутствовала красным.

Слава дальнейших побед над Колчаком досталась в основном 5-й армии М. Н. Тухачевского, Фрунзе же был переведен на должность командующего вновь образованным Туркестанским фронтом. До конца года ему удалось подавить сопротивление уральского казачества и вплотную заняться проблемами Средней Азии.

На своей родине — в Туркестане — Фрунзе успешно действовал против противника как военными, так и дипломатическими методами. Его образ жизни и манера поведения весьма слабо соответствовали облику «настоящего большевика». В Самарканде он посетил гробницу своего кумира Тамерлана, в Оше поклонился местной святыне — камню «Трон Соломона». На берегах Амударьи устраивал грандиозные кабаньи гоны, а при визитах в селения местные жители устраивали в его честь традиционную «байгу» — козлодрание.

Ему удалось переманить на сторону Советской власти двух влиятельных предводителей басмачей Мадамин-бека и Ахунджана, отряды которых превратились в Узбекский Маргиланский и Тюркский кавалерийские полки (чтобы ни одному из курбашей не было обидно, и тот и другой полк получили порядковый номер 1-й). В августе-сентябре 1920 г. под предлогом помощи восставшим народным массам Фрунзе провел успешную кампанию, завершившуюся ликвидацией Бухарского эмирата.

Несомненно, Михаил Васильевич весьма комфортно чувствовал себя в роли «азиатского проконсула», но вскоре он потребовался партии на более ответственном участке. 26 сентября Фрунзе принял командование Южным фронтом, действовавшим против Врангеля. Здесь «черный барон» предпринял очередную попытку вырваться из Крыма на просторы Украины. Подтянув резервы, «красный маршал» обескровил войска противника упорными оборонительными боями и затем перешел в контраступление. Неприятель откатился обратно в Крым. Не давая противнику закрепиться, в ночь на 8 ноября Фрунзе нанес комбинированный удар — в лоб по Турецкому валу и через Сиваш на Литовский полуостров. Непрístupная крепость Крым пала...

Ядро армии Врангеля и масса беженцев (в общей сложности более 140 тыс. человек) сумели эвакуироваться в Турцию. Тем не менее в расчете на обещанную Фрунзе амнистию многие белогвардейцы остались на Родине. Ленин из Москвы сурово одернул своего любимца за «уди-

вительную уступчивость», после чего по Крыму прокатилась волна репрессий. По разным данным, стараниями «чрезвычайек» с ноября 1920 по апрель 1921 г. было казнено от 30 до 80 тыс. врагов Советской власти. У Фрунзе эта волна кровавого террора вряд ли вызывала одобрение, но в данном случае он оказался в положении «Пилата, умывающего руки».

После битвы за Крым «красный маршал» руководил операциями против своего бывшего союзника Махно. В лице легендарного батьки он нашел достойного противника, сумевшего противопоставить действиям регулярной армии тактику летучих партизанских отрядов. Одна из стычек с махновцами даже едва не закончилась гибелью или пленением самого Фрунзе. В конце концов Михаил Васильевич принялся бить батьку его же оружием, создав специальный летучий корпус, постоянно висевший на хвосте Махно. Одновременно в зоне боев была увеличена численность и налажена координация между отдельными гарнизонами и частями особого назначения (ЧОН). В конце концов обложенный, как волк, батька предпочел прекратить борьбу и уйти в Румынию.

Эта кампания оказалась последней в военной биографии Фрунзе. Еще до окончательной ликвидации махновщины он возглавил Чрезвычайную дипломатическую миссию в Турцию. По возвращении Михаил Васильевич заметно повысил собственный статус как в партийной, так и в военной иерархии, став кандидатом в члены Политбюро и начальником штаба Красной армии. В январе 1925 г. Фрунзе достиг вершины своей карьеры, сменив Л. Д. Троцкого на постах народного комиссара по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета СССР.

Несомненно, для должности наркомвоенмора Фрунзе оказался идеальной кандидатурой. После побед над Колчаком и Врангелем бывшие царские офицеры без возражений признавали его авторитет и компетентность в военных вопросах. С другой стороны, подозрительно косившиеся на военспецов старые ленинцы видели в Михаиле Васильевиче заслуженного большевика с дореволюцион-

ным стажем, «плоть от плоти большевистской партии». Наконец, собственная героическая биография, демократизм и явно выраженные черты харизматического лидера обеспечивали ему популярность в войсках и широких массах населения.

Держась на расстоянии от партийных склоков, Фрунзе активно проводил реорганизацию Красной армии, расставляя на узловых постах людей, с которыми был связан совместной работой в годы Гражданской войны. Заметим, что тогда, в 1925 г., исход борьбы между сталинской генеральной линией и всевозможными правыми и левыми уклонами отнюдь не был предрешен, и вопрос о настроениях в армии носил отнюдь не праздный характер. Для большинства представлялось очевидным, что армия пойдет за своим наркомом, однако позиция самого наркома отнюдь не была очевидной. Многие наблюдатели даже видели во Фрунзе возможного претендента на роль военного диктатора — российского Бонапарта. С учетом всех этих факторов, нетрудно понять, почему внезапная смерть наркомвоенмора 31 октября 1925 г. породила множество загадочных слухов.

Согласно официальным сообщениям, Михаил Васильевич скончался после неудачной операции на язву. Поговаривали, что операция отнюдь не была необходимой и что на операционный стол Фрунзе лег едва ли не по прямому указанию Политбюро, после чего фактически был зарезан эскулапами. Хотя версия эта вполне может соответствовать действительности, говорить о ней как о чем-то очевидном вряд ли возможно. Тайна смерти Фрунзе навсегда так и останется тайной.

Жена наркомвоенмора Софья Алексеевна после смерти супруга покончила жизнь самоубийством. Сын Михаила Васильевича, Тимур, воспитывался в семье К. Е. Ворошилова, стал военным летчиком и погиб в воздушном бою 19 января 1942 г. Стараниями пропаганды его героическая смерть была описана едва ли не во всех школьных хрестоматиях, но по известности Тимур, конечно же, уступал отцу — лучшему из «красных маршалов».

Что же объединяет двух непримиримых врагов: Колчака и Фрунзе? Здесь и простые совпадения на бытовом уровне (у обоих отцов звали Василиями, а жен — Софьями), и общие черты характера (оба были людьми незаурядной воли и мужества), и неоднозначность репутации (в адрес обоих до сих пор звучат обвинения в честолюбии и излишней жестокости), и, наконец, своеобразная незавершенность судьбы (оба при определенном стечении обстоятельств могли бы стать военными диктаторами а-ля Бонапарт). Как полководец Фрунзе был на голову выше Колчака, но это вполне компенсируется достоинствами адмирала как ученого и флотоводца. В целом же все сходства и совпадения носят вторичный характер по сравнению с главным — и Фрунзе, и Колчак сражались за счастье России. Другое дело, что понимали они это счастье по-разному.

Глава 11

ВОДА ХОЛОДНЕЕ ШТЫКА

Одной из наиболее известных и хрестоматийных сцен советского кино считается эпизод «психической» атаки каппелевцев на позиции красных в фильме «Чапаев». Как это часто бывает, картина, воссозданная на экране, весьма мало соответствует подлинным историческим реалиям. Черно-белые мундиры атакующих не имеют ничего общего с обычной полевой формой каппелевцев, да и сам факт «психической» атаки многие исследователи подвергают серьезному сомнению. Тем не менее войска двух легендарных героев Гражданской войны — Каппеля и Чапаева — действительно сходились на поле сражения. Произошло это в июне 1919 г. во время боев на реке Белой. Вскоре судьба развела белого и красного военачальников, однако обстоятельства их смерти во многом оказались похожими: и тот, и другой имели возможность убедиться в справедливости слов одной из песен о Гражданской войне...

КАППЕЛЬ

Владимир Оскарович Каппель родился в 1883 г. в семье выходца из Швеции. Получив дома начальное образование, он поступил во 2-й кадетский корпус. Затем продолжил военную подготовку в Николаевском кавалерийском училище в Москве. Окончив училище по 1-му разряду, 20-летний корнет был назначен в 54-й драгунский (впоследствии — 17-й уланский Малоархангельский) полк.

В 1908 г. Капшель предпринял попытку поступить в Академию Генерального штаба, однако «срезался» на одном из экзаменов. Вероятно, желая утешиться, Владимир Оскарович начал усиленно посещать различные светские мероприятия и на одном из столичных балов встретил красавицу Ольгу Сергеевну Строльман. Отец девушки (действительный статский советник) пытался воспрепятствовать начавшемуся роману, так как считал молодого и не имеющего связей офицера отнюдь не самой выгодной партией для своей дочери. Тем не менее, вопреки родительской воле, влюбленные обвенчались в одной из сельских церквей. Семейство Строльман долго не признавало этот брак и отступило лишь после того, как в 1910 г. Капшель все-таки поступил в академию. Годом раньше у молодоженов родилась дочь Татьяна, а в 1915 г. на свет появился сын Кирилл.

Военную академию Капшель окончил в числе лучших выпускников, после чего был направлен на службу в Московский военный округ. С началом Первой мировой войны Владимир Оскарович оказался на Юго-Западном фронте, где последовательно занимал должности офицера для поручений, а также помощника начальника оперативного и разведывательного отделений. Успел покомандовать он и строевыми частями, причем за отличия в боях четыре раза был награжден орденами.

Октябрьскую революцию встретил в звании подполковника. По некоторым сведениям, Капшель поначалу не был ярким противником большевиков и даже служил в качестве военспеца в штабе Приволжского военного округа. Однако его сотрудничество с Советской властью оказалось очень недолговременным.

Весной 1918 г. действия большевистских продотрядов вызвали в Поволжье волну крестьянских выступлений. В мае на огромном пространстве от Пензы до Владивостока начался мятеж чехословацкого корпуса. Логика событий толкала отечественных и чехословацких контрреволюционеров к активному сотрудничеству. В ночь на 8 июня офицеры и студенты свергли Советскую власть

в Самаре. Находившиеся в городе депутаты разогнанного Учредительного собрания тут же сформировали комитет (Комуч), приступивший к формированию новых органов власти, а также собственной армии. В 1-ю добровольческую дружину этой армии вошли сводный батальон пехоты, рота чехов, эскадрон кавалерии, команда подрывников и артиллерийская батарея. Возглавил этот отряд Владимир Оскарович Каппель...

Отступившие из Самары большевистские части сосредоточились в Сызрани и готовились к контрудару. Тем не менее дружина Каппеля действовала гораздо стремительней и, взяв Сызрань в полукольцо, ринулась на штурм. Переодевшись в женскую одежду, чеки подобрались к батареям красных и захватили орудия. Одновременно стараниями подрывников взлетел на воздух эшелон с боеприпасами. В результате этого боя в руки каппелевцев попали несколько сот пленных и огромное количество трофейного оружия.

Двинувшись вдоль Волги на север, белые овладели Сенгилеем, Симбирском, Меликессом и Бугульмой. У Симбирска (родины Ленина) Владимир Оскарович посадил свой отряд на подводы и, преодолев за трое суток 140 верст, нанес удар по тылам 1-й Красной армии Тухачевского.

Однако наиболее значительным успехом Каппеля стало взятие Казани. 6 августа в ходе стремительного штурма его части овладели городом, причем в качестве трофея белым достался эвакуированный сюда золотой запас России — слитки, монеты и ювелирные изделия на сумму свыше 600 млн рублей. Кроме того, в Казани находились слушатели и преподаватели академии Генерального штаба, большинство из которых тут же вступили в Народную армию Комуча. Многим из них в дальнейшем довелось служить под началом своего коллеги-генштабиста Владимира Оскаровича Каппеля...

Под влиянием неудач большевистское командование перебросило на Восточный фронт едва ли не все имевшиеся в наличии резервы. Спасать положение прибыл сам председатель Реввоенсовета республики Л. Д. Троцкий.

Пустив в ход такую меру, как децимация (расстрел каждого десятого из бежавших частей), он добился перехода красных в контрнаступление. 28 августа войска Тухачевского овладели Симбирском, 9 сентября пала Казань.

Вину за эти поражения историки возлагают на деятелей Комуча, которые излишне увлеклись политической грызней и, как следствие, пустили на самотек вопросы формирования Народной армии. По сути, вся тяжесть боев легла на плечи чешских частей и дружины каппелевцев.

Осенью из Самары Комуч перебрался в Уфу, где преобразовался в правительство Директории. Отряд Каппеля решили превратить в корпус, однако новые пополнения упорно не прибывали. Отступления на фронте по-прежнему чередовались со склоками в тылу. Разброд в рядах белых прекратился лишь после того, как на пост верховного правителя России был выбран адмирал А. В. Колчак. К маю 1919 г., главным образом за счет мобилизованных и пленных красноармейцев, Владимир Оскарович сумел сформировать три дивизии (1-я Самарская, 3-я Симбирская и 13-я Казанская стрелковые), объединенные в 1-й Поволжский армейский корпус.

Около полугода части каппелевцев практически не участвовали в боевых действиях (если не считать короткой карательной экспедиции по подавлению крестьянского восстания в Кустанайском уезде). За это время Владимир Оскарович разыскал свою семью, которая сумела спастись от большевистского террора и благополучно перебралась из Самары в Челябинск.

В мае относительное затишье на Восточном фронте плавно переросло в одно из наиболее крупных сражений Гражданской войны. Мощный удар красных поставил под угрозу весь южный фланг Колчака. Наиболее сложная обстановка сложилась на рубеже реки Белой и на подступах к Уфе. Именно сюда в критический момент и был переброшен корпус Каппеля.

Поскольку формирование было еще не закончено, почти сразу же начались неудачи. Набранный из принудительно мобилизованных крестьян Бугульминский стрел-

ковый полк при первой возможности в полном составе перешел на сторону красных. В последующих боях подобные случаи не повторялись, однако сам по себе этот эпизод произвел на личный состав корпуса крайне удручающее впечатление.

Решающие события разыгрались в 17 км севернее Уфы, у Красного Яра. Со стороны неприятеля здесь действовала легендарная 25-я чапаевская дивизия. Переправившись через Белую, большевики захватили небольшой плацдарм на левом берегу. Пытаясь сбросить противника в реку, каппелевцы снова и снова бросались в штыковые атаки, но всякий раз откатывались обратно. Одна из таких атак (хотя и очень неточно) и была показана в фильме «Чапаев»...

В какой-то момент счастье, казалось, улыбнулось каппелевцам. Единственный «максим» красных внезапно замолк. Один из лежавших у пулемета бойцов был убит, другой ранен в правую руку. Положение спасла медсестра Мария Попова (в фильме она выведена под именем Анки-пулеметчицы). Закрыв от ужаса глаза, она открыла огонь из «максима», а раненый пулеметчик здоровой рукой направлял ствол в нужную сторону. В результате «психическая» атака белых вновь захлебнулась...

9 июня красные заняли Уфу. Корпус Каппеля начал отход к Уральским горам. Здесь войска Фрунзе едва не взяли его в окружение. Блестящим маневром Владимир Оскарович сумел выскользнуть из ловушки. В боях у рек Юрюзань и Ай, селений Киги, Нисибаш и Дуван он серьезно потрепал противника и тем самым задержал его наступление. Еще более удачно протекали оборонительные сражения на реке Тобол (против 5-й Красной армии). Однако эти частные успехи уже ничего не решали.

Попытка удержать Омск закончилась для белых новой катастрофой. По приказу Колчака командующий Восточным фронтом генерал Сахаров был арестован и заменен Каппелем. Владимир Оскарович здраво оценил обстановку, предложив отвести войска за Енисей для переформирования и последующего контрудара.

В один кулак он сумел сосредоточить все сохранившиеся боеспособность части — остатки 1-го Поволжского корпуса, ижевских и воткинских бригад, отдельные отряды оренбургских казаков. В январе 1920 г. все это разномастное войско гордо именовало себя каппелевцами и с боями пробивалось вдоль железной дороги на восток по старому Сибирскому тракту. По аналогии с походом Корнилова на Екатеринодар марш этот именовался «Ледяным Сибирским» походом. При этом на хвосте у Каппеля висела 5-я армия Тухачевского, с фронта и с флангов атаковали отряды сибирских партизан. Бойцы мерзли и умирали от тифа, а со всех сторон грозили предательство и измена.

С большим трудом добравшись до Красноярска, Владимир Оскарович узнал, что в городе началось восстание рабочих, к которому присоединилась бригада Зиневича. Вновь оказавшись в окружении, Каппель разрешил колеблющимся сдать. Лично для себя он по-прежнему видел только один выход — победить или умереть с оружием в руках. Однако судьба распорядилась иначе...

23 января во время 100-километрового перехода по замерзшей реке Кан сани, в которых ехал Каппель, провалились под лед. Вытащенный из воды на тридцатиградусном морозе генерал продолжил путь, даже не поменяв обувь. Обмороженные пальцы пришлось ампутировать, однако уже на следующий день после операции (проведенной без наркоза) Владимир Оскарович отдал свои сани раненым и продолжил путь верхом. Под Нижнеудинском произошел бой с партизанами и частями Восточно-Сибирской Красной армии. В очередной раз белые опрокинули противника, но к тому времени от полученного переохлаждения Каппель уже заболел тифом и воспалением легких. Выбравшись к железной дороге, бойцы погрузили своего командира в один из проходивших румынских эшелонов. Здесь, в теплушке поезда, Владимир Оскарович и скончался 26 января 1920 г. Перед смертью он передал командование войсками генералу Войцеховскому. Остатки каппелевцев сумели пробиться на Дальний

Восток и впоследствии приняли участие в последних сражениях с красными. Проиграв Гражданскую войну, они так и остались непобежденными и даже в эмиграции сохранили память о своем отважном командире Владимире Оскаровиче Каппеле.

ЧАПАЕВ

Василий Иванович Чапаев родился 9 февраля 1887 г. в деревне Будайки (Чувашия) в семье многодетного русского крестьянина-бедняка. Ребенок родился семимесячным и был настолько крохотным, что помешался в теплой отцовской рукавице. Первые недели родители частенько засовывали его в эту варежку и укладывали греться в остывшую после топки деревенскую печь. Никто тогда не мог и предположить, что из хиленького мальчонки со временем вырастит человек-легенда...

В 12 лет Васю Чапаева отдали в город для обучения коммерции. Некоторое время он поработал в купеческой лавке, затем половым в харчевне, однако подобная «карьера» явно не привлекала честного и прямодушного паренька. Вернувшись домой, мальчик освоил плотницкое ремесло и вместе с отцовской артелью начал работать по окрестным деревням. Как-то во время строительства сельской церкви он сорвался с 20-метровой высоты, но, ко всеобщему удивлению, отделался легким испугом. Задним числом очевидцы рассказывали: «Будто ангелы небесные подхватили его и мягко опустили на землю».

В 1907 г. Чапаев женился на 16-летней работнице кондитерской фабрики Пелагее Метлиной. Девушка была на редкость красива, и все же, несмотря на массу поклонников, остановила свой выбор на сыне плотника. Через год у молодоженов появился старший сын — Александр, затем еще двое детей — Клавдия и Аркадий. Вскоре грянула Первая мировая война, и Василий Иванович был призван в армию.

Сражался Чапаев храбро, получив за проявленный героизм все 4 степени солдатского Георгиевского креста.

Несколько раз его походы в разведку заканчивались пленением «языков», а во время боев под Перемышлем Василий Иванович, по сути, спас свой Белгорайский полк, сумев вывести его из окружения.

Одним из друзей Чапаева в это время был Петр Камешкирцев. В одном из боев он был смертельно ранен и, умирая на руках товарища, просил его позаботиться о своей семье. В 1917 г. вдова Петра — Пелагея Камешкирцева — станет гражданской женой Чапаева, но произойдет это уже после того, как Василий Иванович узнает об измене своей законной супруги.

Столь бурные потрясения в личной жизни совпали с потрясениями в жизни страны. После очередного ранения Чапаев получил назначение ротным фельдфебелем в размещенный в Николаевске 138-й запасной пехотный полк. Здесь, в глубоком тылу, его и застала Февральская революция.

Несмотря на свой статус Георгиевского кавалера, Василий Иванович не относился ни к ярым монархистам, ни к сторонникам войны до победного конца. Постоянно выступая на митингах, он довольно быстро начал сближаться с большевиками, а в сентябре 1917 г. даже вступил в РСДРП(б). После Октябрьского переворота Чапаева выбрали командиром полка, однако плоды антивоенной и антиармейской агитации (в которой сам Василий Иванович активно участвовал) уже принесли свои печальные плоды. Большинство солдат самовольно дезертировали, и в ближайшее время новому комполку грозила опасность остаться без подчиненных. В этой обстановке Чапаев предложил местному Совету распустить личный состав по домам и сформировать из добровольцев отряд Красной гвардии. Разумеется, командиром отряда стал ни кто иной, как сам Василий Иванович. Бурный 1917 год завершился в Николаевске противостоянием местного Совета и земской управы. Во главе своего отряда Чапаев разогнал земцев и спустя несколько дней подавил в городе попытку контрреволюционного мятежа.

Гражданская война еще только начиналась. По деревням Николаевского уезда прокатилась серия антибольшевистских восстаний. В ходе одного из них был зверски убит родной брат Василия Ивановича — Григорий. Чапаев со своими бойцами стремительно перемещался по уезду, жестко и решительно подавляя эти выступления. Однако весной против Советов выступило уральское казачество, затем начался мятеж чешского корпуса, а в Самаре стала формироваться Народная армия Комуча. Весь Урал и все Поволжье запылали в огне.

«Строили» свою регулярную армию и большевики. Из рабочих и крестьян Николаевского уезда сколотили Николаевскую дивизию под командой Сергея Захарова. Василий Иванович в этой дивизии стал командовать одной из двух бригад. В небольших, но жестоких сражениях с белыми (у Тавложанки, Орловки, Ливенки и др.) имя Чапаева все больше обрастало легендами. Со временем это имя оставит заметный, хотя и неоднозначный след в местном фольклоре. Здесь следует отметить, что если уральские рабочие и крестьяне славил «Чапая» как «героя» и «народного заступника», то в казачьих станицах его честили как «кровопийцу» и «душегубца».

При столь неоднозначной репутации не удивительно, что и отношения Василия Ивановича с собственным командованием также оставляли желать лучшего. Будучи человеком честолюбивым, Чапаев считал, что Захаров не справляется с командованием дивизии (свидетельством чему были два неудачных наступления на Уральск, а также временный захват чехами Николаевска). Раздоры между комбригом и комдивом в конце концов привели к отправке Василия Ивановича на учебу в Москву, в Академию Генерального штаба.

Однако в столице Чапаев не задержался. По одной версии, он рассорился с «реакционными» преподавателями, по другой — просто не мог усидеть в тылу «в столь опасный для Советской власти» момент. Столь же разноречивы данные об учебных успехах Василия Ивановича: одни говорят, что он был на редкость старательным и способ-

ным курсантом, другие свидетельствуют, что, напротив, всячески манкировал своими обязанностями и постоянно апеллировал к собственным заслугам. Так или иначе, в феврале 1919 г., самовольно оставив академию, Чапаев вновь объявился в родных местах.

Новый командующий Восточным фронтом М. В. Фрунзе уже был наслышан об амбициозном, но талантливом боевом командире. Как человек практичный он не стал делать проблемы из самоуправства Чапаева и сразу назначил его начальником Александрово-Гайской группы войск. Костяк этого соединения составлял отряд иваново-вознесенских рабочих во главе с Фурмановым, получившим при Василии Ивановиче должность комиссара. Известно, что первое время отношения Чапаева и Фурманова складывались довольно сложно, однако со временем они переросли в тесную боевую дружбу.

В мае 1919 г. части Александрово-Гайской группы были переформированы в 25-ю стрелковую дивизию и начали наступление против южного фланга противника. Чапаевцы удачно действовали под Бугульмой и Белебеем, причем на их сторону даже перешел один (по некоторым сведениям — сразу два) полк из корпуса Каппеля. На рубеже реки Белой успехи застопорились. Попытка переправиться южнее Уфы закончилась неудачей. Зато к северу от города Чапаев захватил 2 парохода, согнал сюда же массу лодок и принялся наводить переправу. Под прикрытием массированного артиллерийского огня оборона колчаковцев была прорвана. Прибытие на этот участок корпуса Каппеля так и не смогло переломить ситуацию. Правда, и красным победа далась дорогой ценой. Форсирование Белой едва не стоило жизни сразу двум большевистским военачальникам: Фрунзе отделался контузией, Чапаев — ранением в голову.

Последовавшее вскоре взятие Уфы в значительной степени решило исход борьбы с Колчаком. Однако на юге по-прежнему продолжало сопротивляться уральское казачество, и именно туда перебросили 25-ю дивизию. По мощи она теперь напоминала армию, включая в себя 11 пе-

хотных и 2 кавалерийских полка, 2 разведывательных кавдивизиона, 24 орудия, 4 броневика, 4 самолета, курсантскую школу и различные спецподразделения. Не удивительно, что эта армада успешно продвигалась вперед; сняла осаду с заблокированного Уральска, затем выбила белых из Лбищенска и Сахарной. Как результат части дивизии оказались разбросаны на пространстве в 200 км, при этом основные силы находились в Сахарной, а штаб во главе с самим Чапаевым разместился в Лбищенске...

К тому времени Фурманова уже перевели на другую должность. Расстались они с Василием Ивановичем отнюдь не по-хорошему. Причина, как это часто бывает, крылась в женщине. Уже находясь в Уфе, в одном из писем к Чапаеву Фурманов следующим образом оценивал его приставания к своей жене: «Я Вас считал за грязного и развратного человека... и Ваши прикосновения к ней оставили во мне чувство какой-то гадливости. Впечатление получалось такое, будто к белому голубю прикасалась жаба: становилось холодно и омерзительно».

Как видно, Василию Ивановичу явно не везло с женщинами. Даже гражданская жена Пелагея Камешкирцева изменила ему с одним из снабженцев, и тогда взбешенный Чапаев прогнал ее. Некоторые мемуаристы считают, что в отместку Пелагея навела белых на штаб в Лбищенске. Впрочем, кроме романтической версии гибели Василия Ивановича существует еще и политическая, согласно которой его «подставило» собственное командование, опасавшееся излишнего честолюбия и неуправляемости комдива.

Между тем дело, судя по всему, объяснялось гораздо проще. О местонахождении «Чапая» и находившихся при нем силах противник знал из перехваченных донесений. Оценив ситуацию, казаки разработали план уничтожения ненавистного большевика. Из различных соединений белые сформировали отборный отряд в 2 тыс. шашек под командой генерал-майора Н. Н. Бородина. В Лбищенске находилось как минимум столько же чапаевцев, однако на стороне неприятеля были дерзость и фактор внезапности.

Двигаясь исключительно по ночам, казаки за четверо суток пробрались в глубокий тыл красных и в ночь на 5 сентября 1919 г. обрушились на Лбищенск. Поначалу заспанные красноармейцы сдавались почти без сопротивления, однако затем выстрелы начали раздаваться то в одном, то в другом конце селения.

Наиболее жестокий бой разгорелся у самого штаба Чапаева. Его ординарец Петр Исаев отвлек белых на себя и дал командиру возможность выскочить из дома. Через несколько минут раненный в руку Василий Иванович сплотил вокруг себя бойцов и отбил штаб обратно. Во главе этой группы Чапаев даже попытался перейти в контратаку, но в этот момент вторая пуля поразила его в живот. Красные попытались прикрыть отход любимого начальника и сражались на редкость ожесточенно. Именно здесь на подступах к штабу пулей в голову был сражен командовавший белогвардейцами генерал-майор Бородин.

Тем не менее исход боя оказался предрешен. Остатки чапаевцев бросались в воду и плыли через Урал. Казаки с высокого обрыва лупили по ним из винтовок и пулеметов, так что доплыть удалось немногим. Согласно официальной версии, в числе утонувших был и Василий Иванович. Правда, впоследствии двое венгров-интернационалистов свидетельствовали, что они переправили смертельно раненного Чапаева через реку на деревянной створке ворот и скончался он у них на руках уже на противоположном берегу. Тем не менее место, где они якобы захоронили тело комдива, венгры указать так и не смогли. Другие рассказчики шли еще дальше и доказывали, что Василий Иванович вообще спасся, однако пока «должен скрываться» (зачем?) и «ждать своего часа» (какого?). Впрочем, по мере того как шло время, подобные слухи становились все тише и тише...

Порой кажется, что трагическая судьба Чапаева странным образом повлияла и на судьбы окружавших его людей. Первая жена Василия Ивановича рассорилась со своим новым супругом, в сильный мороз убежала из дома, после чего заболела и умерла. Пелагея Камешкирцева

сошла с ума, застав своего любовника с другой женщиной. Ординарец Петр Исаев сумел уцелеть во время Лбищенской трагедии, однако через месяц, убедившись в гибели Чапая, покончил с собой. Так же поступила вдова Петра Исаева, но уже через 20 лет после Гражданской войны. Знакомые считали, что причиной самоубийства стал показанный в фильме «Чапаев» и вымышленный от начала до конца роман ее мужа с Анкой-пулеметчицей.

Преемник Чапаева по командованию дивизией Кутяков был расстрелян во время сталинских чисток. Гораздо больше повезло Фурманову: умерев в молодом возрасте, он остался в советской литературе с репутацией классика. А вот его жена от скорби по любимому мужу также покончила самоубийством.

Конечно, не все было так мрачно. Довольно долгую и благополучную жизнь прожили Мария Попова (Анка-пулеметчица), Клавдия Чапаева (дочь комдива) и Александр Чапаев (его сын, дослужившийся до звания генерала). Кроме того, от самого Василия Ивановича осталась слава: книга Д. Фурманова, фильм Васильевых и, наконец, анекдоты, не имеющие, впрочем, к реальному Чапаеву никакого отношения.

Имена Каппеля и Чапаева стали легендами Восточного фронта, своеобразными «культовыми фигурами» Белого и Красного движения. И даже смерть обоих командиров не помешала их подчиненным по-прежнему с гордостью именовать себя каппелевцами и чапаевцами.

Глава 12

ЦЕНА СЛАВЫ В ВОЙНЕ БЕЗ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Революция 1917 г. выдвинула из армейской среды целую плеяду блестящих молодых дарований. К их числу относились белый генерал Пепеляев и красный маршал Тухачевский. На фронте судьбы этих полководцев мимоходом скрестились всего один раз — осенью 1919 г., когда колчаковские войска предприняли последнюю отчаянную попытку остановить большевистское наступление на реке Тобол...

ПЕПЕЛЯЕВ

Анатолий Николаевич Пепеляев родился в Томске 3 июля 1891 г. в семье генерал-лейтенанта русской армии. Пойдя по стопам отца, он закончил Омский кадетский корпус и Павловское военное училище в Петербурге. Службу начал в 42-м Сибирском стрелковом полку в должности младшего офицера пулеметной команды.

С началом Первой мировой войны подпоручик Пепеляев перевелся в конную разведку, где быстро выдвинулся благодаря своей отчаянной храбрости. К моменту выхода России из войны он имел звание подполковника, был награжден золотым Георгиевским оружием и восемью боевыми орденами (включая почетный орден Св. Георгия 4-й степени).

Анатолий Николаевич с одобрением встретил Февральскую революцию, надеясь, что падение самодержавия приведет к новому взрыву патриотических настроений. Дей-

ствительность оказалась иной: разложение армии и выход России из войны, по собственному признанию, вселили в его сердце «чувства тоски и безнадежности». Пепеляев вернулся в Томск. Здесь в феврале 1918 г. он вступил в ряды нелегальной офицерской организации и вскоре стал одним из ее руководителей.

Мятеж чехословацкого корпуса послужил толчком к выступлению всех антибольшевистских сил Сибири, Урала и Поволжья. 27 мая группа Пепеляева свергла Советскую власть в Томске, а после того как Временное сибирское правительство приступило к формированию собственной армии, Анатолий Николаевич получил назначение на должность командира 1-го Сибирского стрелкового корпуса. В короткое время отряд из нескольких сотен добровольцев и мобилизованных офицеров превратился в мощное войсковое соединение, которое сумело овладеть Красноярском, Иркутском, Верхнеудинском, Читой и соединиться с казаками атамана Семенова.

Однако осеннее контрнаступление большевиков заставило их противников оставить Поволжье. Пытаясь перекрыть проходы в Уральских горах, белые образовали несколько фронтов, один из которых — Лысьвенский — возглавил Пепеляев. Последующие события, связанные с провозглашением Колчака верховным правителем России, несколько не пошатнули служебное положение Анатолия Николаевича. Более того, вскоре он превратился в одного из кумиров колчаковских войск.

В декабре 1918 г. в 40-градусный мороз 15-тысячный корпус Пепеляева перевалил через Уральский хребет и, прорвав линию фронта, обрушился на Пермь. В городе располагались штаб 3-й армии красных, две дивизии (29-я и 30-я), артиллерийская бригада, а также многочисленные склады с боеприпасами и обмундированием. Белые стремительно атаковали с разных сторон и, овладев центральными улицами, повели наступление на вокзал. Лыжники полковника Зинкевича налетели на позиции артбригады, захватили около 30 орудий и, развернув их, открыли огонь по красным.

В течение одного дня Пепеляев захватил один из крупнейших городов Приуралья и затем еще в течение трех недель наносил удары по отступающим дивизиям противника. Учитывая, что численность 3-й армии красных за это время сократилась с 35 до 11 тыс. штыков и сабель, можно говорить о ее полном разгроме. Лишь прибытие из Москвы многочисленных подкреплений и грозной комиссии в составе Сталина и Дзержинского помогли стабилизировать линию фронта и остановить белых на подступах к Вятскому укрепрайону.

Пермская операция принесла Анатолию Николаевичу широкую известность и репутацию одного из лучших белых военачальников. Тем не менее исход борьбы на Восточном фронте решился не под Пермью и Вяткой, а гораздо южнее. В июне 1919 г. войска Фрунзе форсировали реку Белую и овладели Уфой. Колчаковский фронт зашатался, и хотя Пепеляев на севере, в свою очередь, захватил Глазов, этот локальный успех уже не мог спасти белых от катастрофы...

Увлекаемый общим потоком корпус Пепеляева отступал на восток, огрызаясь от наседающего противника. В этой критической ситуации Анатолий Николаевич действовал с таким мастерством, что верховный правитель рискнул именно на него сделать свою последнюю ставку. Пепеляев получил звание генерал-лейтенанта и стал командующим 1-й Сибирской армией, во главе которой предпринял попытку контрнаступления на реке Тобол. Поначалу операция развивалась успешно, однако вскоре захлебнулась из-за массового дезертирства насильно демобилизованных крестьян. Пепеляев получил приказ погрузить остатки войск в эшелоны и перебросить их в Барнаул, Томск и Красноярск для пополнения новобранцами и организации нового фронта.

Однако массовое дезертирство продолжалось. На хвосте висела 5-я армия Тухачевского, с флангов атаковали партизанские отряды, а союзники-чехи начали тайные переговоры с красными. К этому добавились внутренние неурядицы. С подачи старшего брата Виктора (назначенного новым главой сибирского правительства) Анатолий Николаевич арестовал командующего колчаковскими войсками

генерала Сахарова и потребовал от верховного правителя создать «кабинет общественного доверия». В обстановке победоносного наступления красных подобная склока выглядела, мягко говоря, неуместно и в конце концов закончилась примирением братьев Пепеляевых с Колчаком. Впрочем, это примирение уже ничего не решало...

Вскоре Пепеляев-старший попал в руки большевиков и вместе с Колчаком был расстрелян на берегу Ангары. Что касается Пепеляева-младшего, то он еще пытался безуспешно организовать оборону своего родного Томска. 20 декабря 1919 г. в город ворвалась 30-я дивизия красных под командованием Альберта Лапина. В свое время эта дивизия была жестоко поколочена Анатолием Николаевичем под Пермью, но теперь сполна рассчиталась за поражение. В Томске красные захватили свыше 30 тыс. пленных и богатые трофеи. Сам Пепеляев успел выбраться из города, но вскоре свалился в сыпном тифу и в крестьянской одежде был вывезен своими подчиненными в Китай. Началась эмиграция...

Обосновавшись в Харбине, Пепеляев женился на дочери железнодорожного мастера и устроился работать извозчиком. Однако, будучи по природе настоящим бойцом, он отнюдь не смирился с поражением и мечтал о реванше. После получения известий об антибольшевистских выступлениях в Якутии, Анатолий Николаевич согласился возглавить отряд, посланный на помощь повстанцам. Финансировал экспедицию эмигрантский Сибирский комитет, согласившийся выделить для этой цели 500 тыс. рублей золотом из колчаковских запасов, вывезенных в Японию.

В сентябре 1922 г. Сибирская добровольческая дружина Пепеляева (750 штыков при 2 пулеметах) высадилась в поселке Аян и двинулась вдоль побережья Охотского моря. Анатолий Николаевич рассчитывал пополнить свой отряд за счет местных повстанцев, овладеть Якутском, а затем двинуться на Иркутск. В перспективе этот план давал возможность заново начать Гражданскую войну в Сибири, в случае же неудачи оставался шанс прорваться обратно в Китай.

После взятия Охотска дружина повернула в глубь Сибири и, проделав 500-километровый марш через тайгу и болотные топи, подошла к поселку Нелькан. Здесь выяснилось, что якутское восстание фактически потерпело поражение, а большевики успели занять последние опорные пункты белых на Тихоокеанском побережье — Владивосток и Петропавловск-Камчатский. Однако после недолгих колебаний Пепеляев решил продолжать наступление.

5 февраля 1923 г. батальон полковника Рейнгардта захватил пригород Якутска, слободу Амгу, ставшую главным опорным пунктом дружины. Местные большевики объявили город на осадном положении и приготовились к обороне. Со всех сторон на помощь Якутску устремились разрозненные отряды красных.

Ночью 13 февраля дружинники генерала Вишневого напали на зимовье Сасыл-Сыса (Лисья Поляна), в котором расположился один из таких отрядов под командованием латыша Яна Строда (около 300 человек). Белые аккуратно сняли часовых и рассредоточились по зимовью, забирая оружие у спящих красноармейцев. Однако захваченный спросонья противник не проявил никакого желания сдаваться без сопротивления. В чумах и у костров разгорелись рукопашные схватки, в течение нескольких минут переросшие в настоящее ночное побоище. Каждый из бойцов Строда имел при себе по несколько ручных гранат, которые тут же пошли в ход. К рассвету усеянная трупами Лисья Поляна осталась за красными.

Подоспевший с основными силами Пепеляев предложил Строду сдаться, дав на размышление 5 часов. За это время красные успели соорудить вокруг зимовья своеобразный вал, используя в качестве прикрытия даже заледневшие тела убитых. Очередные попытки овладеть Сасыл-Сысой вновь натолкнулись на жестокий отпор и привели к большим потерям с обеих сторон.

Потеряв у залополучного зимовья драгоценное время, Пепеляев дал противнику возможность собраться с силами. На помощь Строду устремились отряды Курашева и Байкалова. Дружине пришлось сначала отступить от Са-

сыл-Сысы, а затем оставить Амгу и начать отступление к побережью Охотского моря. Вновь начался полный лишений марш через зимнюю тайгу, тяжесть которого усугублялась тем, что теперь это был марш побежденных.

17 июня 1923 г. разместившиеся в порту Аян остатки дружины были атакованы красным десантом под командованием Вострецова. Будучи блокирован в своем штабе и сознавая бессмысленность дальнейшего сопротивления, Анатолий Николаевич предпочел сдаться.

Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке завершилась, причем, с легкой руки писателя А. И. Алдан-Семенова, операция по уничтожению дружины Пепеляева получила в советской историографии название «похода за последним тигром».

Военный трибунал 5-й армии приговорил Анатолия Николаевича к расстрелу, замененному впоследствии 10-летним заключением в Ярославском политизоляторе. После двух лет одиночки бывшему генералу разрешили работать плотником, столяром и стекольщиком. Кроме того, он имел возможность получать письма из Харбина — от жены Нины Ивановны и сыновей Всеволода и Лавра. В 1936 г. (с опозданием на три года) Пепеляев вышел на свободу и устроился работать на Воронежскую мебельную фабрику. Впрочем, свободой ему довелось наслаждаться недолго.

20 августа 1937 г. Анатолий Николаевич был арестован по обвинению в «руководстве крупной разветвленной контрреволюционной кадетско-монархической организацией на территории Западно-Сибирского края». При полном отсутствии каких-либо вещественных доказательств Пепеляев был приговорен к смертной казни и 13 января 1938 г. расстрелян в подвале новосибирского Управления НКВД.

ТУХАЧЕВСКИЙ

Михаил Николаевич Тухачевский родился 4 февраля 1893 г. в селе Александровское Дорогобужского уезда Смоленской губернии в старинной, но обедневшей дворянской семье. Родитель его категорически отвергал все

формы религии, считался либералом и, демонстрируя презрение к предрассудкам, женился на собственной служанке. Не удивительно, что при отце, дворянине-атеисте, и матери, происходившей из крестьянского сословия, мировоззрение Миши Тухачевского весьма отличалось от взглядов, традиционных для аристократической среды. Такие понятия, как монархия и православие, отнюдь не внушали ему особого трепета, однако, поставив себе целью сделать военную карьеру, юноша научился довольно ловко скрывать свои истинные чувства.

В 1914 г. Тухачевский окончил Александровское военное училище в Москве и как лучший на курсе получил право свободного выбора места службы. В звании подпоручика Михаил Николаевич был зачислен в один из наиболее привилегированных полков русской армии — лейб-гвардии Семеновский. Начавшаяся Первая мировая война представила честолюбивому офицеру прекрасную возможность ускорить свое продвижение по службе.

2 сентября 1914 г. 7-я рота семеновцев под командованием капитана Веселаго и его заместителя Тухачевского с боем форсировала реку Сан по подожженному австрийцами мосту и благополучно вернулась на восточный берег с трофеями и пленными. Михаил Николаевич за этот подвиг получил орден Св. Владимира 4-й степени с мечами. В течение последующих месяцев имя отважного и энергичного подпоручика Тухачевского стало довольно известным в полку. В ближайшей перспективе уже маячило внеочередное повышение в чине, однако внезапно эта надежда рухнула. 19 февраля 1915 г. 7-я рота была окружена германцами и почти полностью уничтожена в ходе ночного рукопашного боя. В момент, когда противник начал атаку, Тухачевский спал в небольшом окопчике. Выскочив из укрытия, он успел сделать несколько выстрелов из револьвера, однако быстро был сбит с ног и оглушен.

Пять раз Михаил Николаевич пытался вырваться из плена и в конце концов попал в баварскую крепость Ингольштадт — место заключения самых неисправимых бег-

лецов. Здесь он содержался вместе с русскими, английскими, бельгийскими и французскими офицерами (в числе последних находился и будущий президент Франции Шарль де Голль), но столь приятная компания отнюдь не заставила нашего подпоручика отказаться от своего замысла. Заключенные получили право на прогулку за пределами крепости при условии, что они дадут письменное обязательство не предпринимать попыток к бегству. Дав требуемое обещание, Тухачевский при первой же прогулке улизнул от сопровождавшего его пожилого полицейского. Беглец сумел добраться до нейтральной Швейцарии, а затем через Францию и Англию прибыл в Петроград.

В ноябре 1917 г. (уже после большевистского переворота) Тухачевский объявился в родном Семеновском полку, где был избран командиром роты. Приняв сторону нового режима, бывший офицер царской гвардии вступил в РКП(б), успел поработать в Военном отделе ВЦИК и военным комиссаром Московского района, а в июне 1918 г. стал командующим 1-й армией Восточного фронта.

Почти сразу после вступления в должность Тухачевский получил возможность продемонстрировать свою преданность Советской власти. 11 июля командующий фронтом М. А. Муравьев поднял антибольшевистский мятеж. Михаил Николаевич отказался поддержать выступление, за что был арестован и едва не поплатился жизнью. К счастью для него, вечером того же дня Муравьев погиб во время перестрелки в здании Симбирского губисполкома, а освобожденный Тухачевский вернулся к исполнению свои обязанностей.

8 сентября 1-я армия выбила войска Комитета Учредительного собрания (Комуча) из Симбирска. Михаил Николаевич тут же отправил Ленину (на которого незадолго до этого было произведено покушение) верноподданническую телеграмму: «Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую — будет Самара!». Самара действительно была взята ровно через месяц, телеграмма же вошла в учебники истории.

Зимой 1918—1919 г. боевые действия на Восточном фронте затихли, и молодого перспективного военачальника отправили на Юг — командующим 8-й армии. Впрочем, здесь он пробыл недолго. Еще до того как белые перешли в наступление, а в большевистском тылу запылали казацкие восстания, Михаила Николаевича вновь отозвали на Восток и поставили во главе 5-й армии.

Летом 1919 г. войска Тухачевского перевалили через Урал и начали активно теснить отступавших колчаковцев. В качестве последней надежды штаб верховного правителя разработал план разгрома 5-й армии под Челябинском. По отзыву в дневнике военного министра Колчака, барона А. П. Будберга, план этот предполагал «повторить Мамаево побоище с заманиванием красных в ловушку при помощи добровольного очищения Челябинского узла; считается, что красные бросятся на эту приманку, после чего их там захлопнут при помощи очень сложного маневра...». Шансы на успех Будберг оценивал весьма скептически, считая, что они заключаются лишь «в надежде на авось и заступничестве Николая Чудотворца».

Скепсис министра оказался вполне оправданным, поскольку в результате чересчур «хитроумной» операции белые не только потеряли Челябинск, но и понесли одно из жесточайших поражений в истории Гражданской войны. Тухачевскому же эта победа принесла орден Красного Знамени и репутацию освободителя Сибири (с точки зрения красных, разумеется).

Михаил Николаевич пошел на повышение и с января 1920 г. возглавил Кавказский фронт, на котором благополучно сумел добить остатки вооруженных сил Юга России. В апреле он уже подписал директиву о начале вторжения в Азербайджан, однако лично возглавить операцию не успел. Способности Тухачевского потребовались на другом, и на тот момент главном фронте Гражданской войны, — Западном.

Война с Польшей стала величайшим триумфом полководца и одновременно самым жестоким его поражением. Огромную роль в печальном исходе кампании сыграли

как политические (расчет на помощь польских рабочих и крестьян), так и военные (разбросанность сил, отставание резервов) просчеты большевиков. Велика была и вина конкретных командующих фронтами и армиями.

В момент наивысших успехов Красной армии Западный фронт Тухачевского и Юго-Западный фронт Егорова образовывали по отношению друг к другу практически прямой угол. При этом Тухачевский готовился штурмовать Варшаву, Егоров — Львов. Справедливо полагая, что в момент, когда все поставлено на карту, поляки обязательно предпримут последнюю отчаянную попытку контрнаступления, Михаил Николаевич добился переброски на свой фронт 1-й Конной и 12-й армий. Однако, увлекшись боями за Львов, Егоров на несколько дней задержал отправку этих войск. С другой стороны, Тухачевский ошибочно полагал, что контрудар поляков последует на севере, в районе так называемого Данцигского коридора, через который противник получал оружие и припасы из Европы. В действительности неприятель сосредоточил свои силы на юго-западе, благодаря чему его натиск оказался не только всесокрушающим, но и внезапным.

Произошло «чудо на Висле»: Красная армия проиграла польскую кампанию, и старушка-Европа вздохнула свободнее. Тем не менее жестокое поражение в войне с Польшей отнюдь не привело к опале Тухачевского. В 1921 г. Михаил Николаевич еще дважды доказывал свою преданность Советской власти, успешно и с крайней суровостью подавляя Кронштадтское и Тамбовское восстания. Проводимая им при этом практика тотальных репрессий мрачной тенью легла на его репутацию военачальника.

Послевоенная карьера Тухачевского, хотя и без резких взлетов, но довольно равномерно шла по нарастающей. Вплоть до 1924 г. он командовал Западным фронтом, прикрывавшим границу с недавним противником, Польшей. Здесь Михаилу Николаевичу удалось разгромить белопартизанские отряды Булак-Балаховича и отеснить их на польскую территорию.

Правда, как и в годы Гражданской войны, его отношения с комиссарским составом складывались далеко не идиллически. В 1924 г. в наркомат по военным и морским делам поступил донос от секретаря парткома Западного фронта, который обвинял Тухачевского в «неправильном отношении к коммунистам» и аморальном поведении. М. В. Фрунзе наложил на эту бумагу резолюцию: «Партия верила Тухачевскому, верит и будет верить». Более того, он добился назначения Михаила Николаевича на должность помощника начальника Штаба РККА.

Некоторые историки полагают, что в это время Фрунзе планировал военный переворот и целенаправленно расставлял своих людей на важнейшие посты в Красной армии. Следует отметить, что, при всей сомнительности подобных предположений, назначение Михаила Николаевича вполне соответствует данной схеме. Фрунзе и Тухачевский были старыми соратниками по Восточному фронту и вполне мирно делили между собой лавры победителей Колчака.

В 1925 г. Фрунзе умер при весьма сомнительных обстоятельствах, и с его смертью Тухачевский лишился влиятельного покровителя в партийном руководстве. Тем не менее Михаил Николаевич продолжал продвигаться по служебной лестнице и в 1925—1928 гг. занимал должность начальника Штаба РККА. Однако все его усилия по перевооружению армии и реорганизации органов управления натолкнулись на сопротивление наркома Ворошилова. В какой-то момент конфликт обострился настолько, что Тухачевский подал рапорт об освобождении от занимаемой должности, после чего был переведен на пост командующего Ленинградским военным округом.

Если это и считать опалой, то она оказалась весьма относительной и недолгой. В 1933 г. Михаил Николаевич получил орден Ленина и принимал праздничный парад на Красной площади, в 1934-м стал кандидатом в члены ЦК ВКП(б), а 20 ноября 1935 г. вместе с Ворошиловым, Буденным, Егоровым и Блюхером был удостоен высшего воинского звания — маршала Советского Союза. Наконец 9 апреля 1936 г.

Тухачевский достиг пика своей военной карьеры — должности 1-го заместителя наркома обороны и начальника Управления боевой подготовки РККА.

Фактически Михаил Николаевич занял второе (после наркома Ворошилова) место в армейской иерархии. При этом его популярность выходила далеко за пределы страны Советов. Эффектная, хотя и неудачная, польская кампания принесла Тухачевскому известность на Западе, а многочисленные труды по стратегии и тактике укрепили за ним репутацию выдающегося военного теоретика.

Между тем даже после смерти Фрунзе и за границей, и в самом СССР с большей или меньшей степенью интенсивности муссировались слухи о возможном военном перевороте. Разница заключалась в том, что теперь в качестве претендента на роль «красного Бонапарта» чаще всего упоминали именно Тухачевского. Независимо от того, насколько эти слухи были обоснованы, они не могли не встревожить Сталина.

Сам Михаил Николаевич превратился в своеобразного неформального лидера тех военных, которые выступали за модернизацию Красной армии. Им противостояли военачальники, предпочитавшие ориентироваться на опыт Гражданской войны (Ворошилов, Буденный, Щаденко и др.).

В начале 1937 г. через президента Чехословакии Бенеша советская разведка получила документы, подтверждавшие существование в Красной армии обширного и разветвленного военного заговора. На основании этих документов были арестованы Тухачевский, а также его ближайшие соратники — Уборевич, Якир, Кок, Примаков, Эйдеман, Путна и Фельдман. В ходе скоротечного и закрытого процесса все они признали свою вину, после чего Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР приговорило их к смертной казни. Буквально через несколько часов (в ночь с 11 на 12 июня 1937 г.) приговор привели в исполнение. Кто-то из палачей рассказывал, что перед смертью осужденные кричали: «Да здравствует Сталин! Да здравствует коммунизм!».

Под молот репрессий угодили большинство родных и близких маршала — мать, братья, сестры и даже любовница (красавец Тухачевский всегда пользовался огромным успехом у женщин). В 1941 г. вместе с женами Уборевича и Гамарника расстреляли его супругу Нину Евгеньевну Гриневич. К счастью, уцелели две дочери — обе Светланы.

Согласно широко распространенной версии, все компрометирующие Тухачевского документы были изготовлены агентами гестапо с единственной целью — устранить руками Сталина наиболее талантливых советских военачальников. Существует еще одна версия: Сталин прекрасно знал истинную цену полученным документам, однако сознательно воспользовался ими для того, чтобы расправиться с потенциальной военной оппозицией. Наконец есть и третья версия: заговор существовал, Михаил Николаевич был его вдохновителем, и, следовательно, вынесенный ему приговор является абсолютно справедливым. Каждая из версий имеет своих сторонников и противников, но при этом подавляющее большинство историков сходятся на том, что останься Тухачевский в живых, он наверняка проявил бы себя как один из лучших военачальников Великой Отечественной войны. Впрочем, история не любит сослагательного наклонения, и подобный взгляд вряд ли можно признать бесспорным. Слабые места Красной армии — низкий уровень сержантского и офицерского состава, слабая тактическая подготовка, слабое взаимодействие между родами войск и т. д. — все это было очевидным и до чистки 1937 г., сигналом к которой послужило дело Тухачевского. Кроме того, основываясь на опыте Гражданской войны, Михаил Николаевич продолжал возлагать большие надежды на помощь европейского пролетариата. Надежды эти, как известно, стоили нам большой крови.

Как бы то ни было, но и до сего дня фигура Тухачевского вызывает пристальный интерес и противоречивые отзывы историков, что, как ни парадоксально, отнюдь не способствует прояснению истинного облика легендарного маршала.

Находясь по разные стороны фронта, Пепеляев и Тухачевский были людьми одного круга. И тот, и другой происходили из дворян, затем стали кадровыми офицерами, а Первую мировую войну встретили в одном и том же звании — подпоручика. Гражданская война дала им возможность выдвинуться из среды сверстников и в полном блеске продемонстрировать собственные полководческие дарования. Пепеляева называли сибирским Суворовым, Тухачевского — освободителем Сибири. Возможно, окажется победа на стороне белогвардейцев, и они вполне могли поменяться местами, с той разницей, что Пепеляев именовался бы не маршалом Советского Союза, а фельдмаршалом Российской империи (или все-таки республики?). Победа выбрала красных, и с этого момента звезда Тухачевского круто пошла ввысь, а жизнь Пепеляева покатила под откос. Тем не менее финал этих двух столь похожих и столь разных судеб оказался одинаковым. Красный маршал и белый генерал заплатили страшную цену за собственную славу, заработанную в Гражданской войне, — войне, в которой не бывает победителей.

Глава 13

ПРОТИВОСТОЯНИЕ СУДЕБ: БОЕВАЯ НИЧЬЯ?

3 июля 1919 г. командующий Вооруженными Силами Юга России А. И. Деникин издал так называемую «московскую директиву». Освобождение Первопрестольной провозглашалось конечной целью нового белогвардейского наступления, и надо сказать, что цель эта была как никогда близка.

Советская республика оказалась на краю гибели. На южное направление перебрасывались отряды с Урала и Сибири, а также все наличные резервы. Туда же отправлялись и лучшие красные военачальники. Во главе специально сформированного Южного фронта был поставлен бывший полковник царской армии и недавний герой обороны Царицына А. И. Егоров.

ДЕНИКИН

Отец будущего вождя Белого движения родился в разгар наполеоновских войн, в 1807 г., в семье крепостных крестьян Саратовской губернии. В армии Иван Ефимович Деникин более 20 лет прослужил в нижних чинах и лишь в 1856 г. был допущен к экзамену на офицерское звание. Принимал участие в подавлении польского восстания 1863—1864 гг., что не помешало ему вторым браком жениться на полячке — 26-летней швее Елизавете Вржесинской. Вскоре Деникин-старший вышел в отстав-

ку и поселился в городе Влоцлавске (Варшавская губерния). В 1872 г. у супругов родился сын Антон.

Через 13 лет отец умер, и с тех пор семья жила на грани бедности — на пенсию в 20 рублей в месяц. Тем не менее, подрабатывая репетиторством, Антон сумел закончить реальное училище и поступить на двухлетние юнкерские курсы в Киеве. Отличником он не был (в реальном училище даже попал в число второгодников), но имел репутацию упорного и способного юноши.

В 1892 г. в звании подпоручика Деникин прибыл к своему первому месту службы — во 2-ю полевую артиллерийскую бригаду Варшавского военного округа. Через три года, пройдя суровый отборочный конкурс, поступил в Николаевскую Академию Генерального штаба. По отзыву однокашника, «Антон Иванович учился плохо». Мешало разнообразие интересов и нежелание сосредоточиваться на одной учебе. Деникин постоянно вращался в обществе, был в курсе политических дискуссий, а однажды даже выручил двух курсисток, спрятав в своей квартире чемодан с нелегальной литературой. Прочитав некоторые из этих брошюр, он пришел к выводу, что не согласен с высказываемыми в них радикальными воззрениями, и в дальнейшем предпочитал относить себя к «либералам».

В 1899 г. Деникин не без сложностей, но все-таки окончил академию, однако, будучи не согласен с результатами распределения, подал государю жалобу на военного министра А. Н. Куропаткина. Дело приобрело огромный и скандальный резонанс в военных и придворных сферах. В результате только через 4 года капитан Деникин был причислен к Генштабу.

Вскоре ему довелось поучаствовать в войне с Японией. Здесь он участвовал в казачьих рейдах по тылам противника, а после Цинчехенского сражения за одной из сопок, защищаемой его отрядом, закрепилось название Деникинской.

Поражение в войне и революция 1905 г. поставили монархию на грань катастрофы. В это время Антон Иванович был отозван в столицу. В городах, расположенных

вдоль Транссибирской магистрали возникали всевозможные «советы», бастовали рабочие и железнодорожники, причем частенько дело доходило до вооруженных выступлений. Сколотив отряд из офицеров, Деникин захватил эшелон и, периодически пуская в ход оружие, прорвался через бунтующую Сибирь. Впоследствии журналисты назвали этот вояж майн-ридовским.

Первую мировую войну Деникин встретил в звании генерал-майора. В сентябре 1914 г. он получил должность начальника так называемой «Железной бригады» (4-й стрелковой), впоследствии развернутой в дивизию. Под его командованием часть эта стала поистине легендарной. На одном из фронтов она скрестила оружие с не менее известной германской «Стальной» дивизией. После упорных боев немцы вывесили над своим окопом транспарант: «Ваше русское железо не хуже нашей германской стали, но все равно мы вас разобьем». Русские вывесили ответный плакат с одним словом: «Попробуйте». Поединок двух дивизий так и закончился вничью.

Будучи либералом, Деникин с одобрением встретил Февральскую революцию, однако процесс демократизации армии вызвал у него чувство решительного протеста. 29 июля во время совещания в Ставке командующий Западным фронтом генерал-лейтенант Деникин бросил в лицо главе Временного правительства тяжкие обвинения: «Те, которые сваливают вину в развале армии на большевиков, лгут! Прежде всего виноваты те, которые углубляли революцию. Вы, господин Керенский! Большевики — только черви, какие завелись в ране, нанесенной армии другими...».

После мятежа Корнилова Деникин также был объявлен врагом революции и посажен сначала в Бердичевскую, затем в Быховскую тюрьму. После большевистского переворота быховские узники — Корнилов, Деникин, Марков, Романовский, Эрдели и др. — бежали на Дон, где генерал М. В. Алексеев приступил к формированию Добровольческой армии. Командующим армией стал Корнилов, Алексеев взял на себя вопросы снабжения, а также внутренней и внешней политики.

1 апреля 1918 г. при штурме Екатеринодара Корнилов погиб от взрыва артиллерийского снаряда, а сам штурм закончился поражением. Место командующего занял Деникин. В почти безнадежной ситуации Антон Иванович сумел благополучно вывести потрепанные части на Дон и Ставрополье, где приступил к реформированию армии.

Летние бои 1918 г. закончились разгромом 11-й Красной армии и занятием Екатеринодара «добровольцами». Для управления «освобожденными районами» Деникин сформировал правительство из бывших думских деятелей, поставив во главе его генерала А. М. Драгомирова (сына известного военного теоретика).

Борьбу против большевиков Добровольческая армия вела в союзе с Всевеликим Войском Донским. Союз этот был весьма своеобразным: казаки имели собственное командование и собственное правительство во главе с атаманом П. Н. Красновым, который придерживался прогерманской ориентации. Деникин, в свою очередь, всячески подчеркивал свою верность союзническим обязательствам и опирался на поддержку Англии и Франции. Разгром Германии, высадка союзников в Крыму и Одессе, очередное наступление красных на Дону — все это заставило казаков отказаться от сепаратистских замыслов. Сначала была достигнута договоренность о признании Деникина главнокомандующим вооруженными силами Юга России (ВСЮР), а затем на должность атамана вместо Краснова был избран старый соратник Антона Ивановича А. П. Богаевский. Сам Деникин, в свою очередь, признал адмирала Колчака верховным правителем России. Тем не менее для подчиненных он по-прежнему оставался бесспорным кумиром — полушутя, полулюбовно они называли его царем Антоном.

В мае 1919 г. вооруженные силы Юга России были преобразованы в три армии — Добровольческую (Май-Маевский), Донскую (Сидорин) и Кавказскую (Врангель). Достигнутое единство всех белых сил привело к целому ряду побед. После падения «красного Вердена», Царицы-

на, в соответствии с «московской директивой», деникинские армии начали наступление по всем направлениям. Врангелевские разъезды переправились на левый берег Волги и вступили в соприкосновение с уральскими казаками. 1 сентября белые взяли Курск, 1 октября овладели Воронежем. Большевицкое руководство уже готовилось к эвакуации из Москвы, однако в середине октября войска красного Южного фронта нанесли удар в стык Добровольческой и Донской армий. В это же время партизанские отряды Махно «огнем и мечом» прошли по тылам белых. Успешное наступление на Москву захлебнулось и превратилось в поражение...

Причиной неудачи стали не столько военные, сколько политические ошибки Деникина. Находившиеся под контролем большевиков территории центральной России ранее были зоной помещичьего земледелия, и приход белых в большинстве случаев служил для крестьян верным признаком скорого возвращения «барина». Официальная позиция деникинского правительства, стоявшего на позициях «непредрешения будущего политического и экономического устройства страны», вряд ли могла избавить новоявленных собственников от тревоги. Большевицкая пропаганда делала все, чтобы обратить эту смутную тревогу в твердую уверенность. В результате белым так и не удалось привлечь на свою сторону основную массу населения и добиться численного превосходства над противником.

Что касается полководческих дарований Деникина, то даже противники считали его стратегию и тактику безукоризненными. Историк В. Черкасов-Георгиевский следующим образом оценивает вклад, который внес Антон Иванович в военное искусство: «Учтя особенности Гражданской войны, генерал основал формирование типа «колонна» — ядро из нескольких офицерских полков, автономно действующее в оперативно-тактической глубине и обрастающее местными партизанами. Деникинский военный гений также проявил себя в широте обманных маневров, рейдировании по тылам врага, скоординированности по времени атак с разных на-

правлений, мастерском умении выбирать цели для главных ударов»...

5 января 1920 г. находившийся под арестом адмирал Колчак передал полномочия верховного правителя генералу Деникину, однако в это время красные уже отбили Царицын, овладели Донбассом и вышли к берегам Азовского моря. Неудачи подорвали до этого бесспорный авторитет главнокомандующего. 4 апреля 1920 г. передав свои полномочия барону П. Н. Врангелю, Антон Иванович отбыл в Константинополь...

Еще в январе 1918 г. в Новочеркасске, в самый разгар формирования Добровольческой армии, Деникин женился на женщине, моложе его на 20 лет, — выпускнице Варшавского института благородных девиц Ксении Ивановне Чиж. Через год у них родилась дочь Марина. Перипетии Гражданской войны и эмиграции еще больше сплотили супругов. После отъезда из Крыма Деникины жили в Бельгии, Венгрии, Франции. Написанные Антоном Ивановичем мемуары «Очерки русской смуты» пользовались успехом у публики и приносили неплохой доход.

После оккупации Франции и нападения Германии на Советский Союз экс-генерал отказывался от всякого сотрудничества с немецким командованием. Ненависть к коммунистам не мешала ему радоваться успехам Красной армии. В доме Деникиных в Мимизане тайно собирались бойцы из расположенной по соседству власовской части, перед которыми Антон Иванович выступал с пламенными антифашистскими и антисоветскими речами. Тем не менее его надежды на то, что после разгрома Германии Красная армия повернет штыки против своих правителей, так и не стали реальностью.

Более того, с 1945 г. значительная часть российской эмиграции во Франции заняла просоветскую позицию. Для стойкого антикоммуниста Деникина видеть это было невыносимо, и он предпочел переехать в США. Скончался Антон Иванович в Детройте 7 августа 1947 г. Перед смертью бывший вождь Белого движения с горечью прошептал: «Вот, не увижу, как Россия спасется!».

ЕГОРОВ

Александр Ильич Егоров появился на свет в городе Бузулуке Самарской губернии. В официальной литературе датой его рождения указывается 22 октября 1883 г., в собственной автобиографии в качестве года рождения Егоров указывает 1885-й. Впоследствии в Красной армии ходили слухи, будто Александр Ильич происходил из дворян и был потомственным офицером. Егоров всячески отрекся от подобного классово чуждого происхождения и в той же автобиографии писал следующее: «Отец мой, происходя из крестьян, в первую половину моей жизни был рабочим, грузчиком на станции железной дороги и на речной пристани... Чрезвычайно тяжелые материальные условия жизни усиливались многочисленной семьей, в которой только отец был, в сущности, работоспособным, при этом заработок отца не был постоянным, а от случая к случаю, что даст текущий день, и колебался, насколько я помню, от 50 коп. до 75 коп. и редко до 1 рубля в день. Кроме того, отец страдал алкоголизмом, что приносило огронейшие страдания семье...

Мальчиком 11 лет я вынужден был пойти на работу и поступить в кузнечную мастерскую, где сначала раздувал мехами горн, убирал кузницу и т. п., а затем постепенно был переведен на молотобойца и подмастерье. В период, когда отец запивал, я и старший брат заменяли его на работе в артели грузчиков. В общей сложности я занимался этой работой 6 лет.

Не знаю, в силу каких условий, но я с раннего детства начал читать, и это дало мне возможность легко пройти начальную грамоту церковно-приходской школы, а затем и сдать экстерном экзамен за курс средней школы.

Отбывая воинскую повинность на правах вольноопределяющегося, я был откомандирован в Казанскую военную школу, которую и окончил в апреле 1905 г. Во время пребывания в училище я в 1904 г. вступил в тайный социалистический кружок и примкнул к программе социал-революционеров...».

Возможно, кое-где в этой автобиографии Александр Ильич сгустил краски; здесь и чрезмерный акцент на бедственном положении своей семьи (что тем не менее не помешало ему экстерном окончить среднюю школу), и довольно неопределенное упоминание о «тайном социалистическом кружке» (не имеющее достаточных подтверждений). Тем не менее пока еще не существует сколь-нибудь подробной и научно проверенной биографии Егорова, а потому нам лишь остается поверить Александру Ильичу на слово и продолжить рассказ...

По окончании Казанского пехотно-юнкерского училища подпоручик Егоров служил в армии, однако завоеванная им у начальства репутация «политически неблагонадежного лица» и, как можно предположить, денежные трудности вынудили его подать в отставку. Обладая прекрасным баритоном, Александр Ильич избрал карьеру певца. После стажировки в Италии он в 1909 г. вернулся в Россию и стал выступать на оперной сцене. Начавшаяся Первая мировая война заставила офицера запаса вновь надеть военную форму.

Судя по всему, на фронте он воевал храбро и умело, успев последовательно покомандовать ротой, батальоном, полком. Незадолго до Февральской революции Егоров получил звание полковника. Падение самодержавия заставило Александра Ильича с увлечением погрузиться в политическую деятельность. По своим взглядам он примыкал к партии эсеров и благодаря красивому баритону пользовался большим успехом в качестве оратора. Солдаты любили командира, чего не скажешь об офицерах. После первомайского митинга они даже попытались арестовать своего полковника, однако вмешательство нижних чинов сорвало это предприятие.

В дни Октябрьского переворота Егоров присутствовал на II Всероссийском съезде Советов в качестве делегата от 1-й армии. Здесь он примкнул к союзникам большевиков — левым эсерам и в качестве их представителя работал в военном отделе ВЦИК, занимавшемся демобилизацией старой и созданием новой Красной армии. В де-

кабре 1917 г. с не совсем ясными целями совершил поездку на Украину. В Киеве был арестован и заключен в тюрьму, а на III съезде Советов даже выбыл из списков кандидатов в члены ВЦИК как погибший. Тем не менее смерть на этот раз обошла стороной, и после занятия Киева красными частями Муравьева Александр Ильич благополучно отбыл в Россию...

6 июля 1918 г. неудачей закончился левоэсеровский мятеж в Москве. Многие члены партии, не принимавшие участия в выступлении, поспешили откреститься от «авантюристических действий своего руководства». В их числе оказался и Егоров, поспешивший подать заявление о приеме в ряды большевиков. Трудно сказать, насколько этот шаг был искренним, однако дальнейшая деятельность Александра Ильича не дает оснований сомневаться в его преданности Советской власти...

В декабре 1918 г. Егоров был поставлен во главе 10-й армии, защищавшей Царицын от казачьих войск генерала Краснова. 1 января 1919 г. противнику удалось ворваться в город, однако новый командующий нанес мощный контрудар, бросив в тыл врага сводную кавалерийскую дивизию Думенко. «Красный Верден» вновь устоял, а основные силы 10-й армии, развив наступление, сумели отгеснить неприятеля за реку Маныч.

Во время боев за Царицын Егоров успешно сдал экзамен на звание полководца и здесь же он познакомился со Сталиным — человеком, в значительной степени определившим его дальнейшую судьбу...

В мае 1919 г. большевистское командование задумало комбинированным ударом уничтожить вооруженные силы Юга России. 10-й армии предстояло наступать с востока — от Маныча на Ростов. Сражение началось успешно для красных, однако, когда соединения Егорова втянулись во фронтальные бои, добровольческая кавалерия совершила обходное движение и появилась в большевистском тылу. В результате 10-я армия угодила в расставленную Деникиным ловушку и лишь ценой больших потерь сумела вырваться из окружения. Тем не менее поражение ока-

залось настолько сокрушительным, что пришлось оставить даже такую твердыню, как Царицын. Свой первый поединок с Деникиным Егоров проиграл вчистую. Тем не менее вскоре красному военачальнику представилась возможность реванша.

В июле деникинские войска начали полномасштабное наступление на московском направлении, и почти одновременно в самой Москве собрался специальный пленум ЦК, рассмотревший ситуацию на Южном фронте. В массы бросили клич: «Все на борьбу с Деникиным», а в красном командовании была произведена серия кадровых перестановок. Егоров получил должность командующего 14-й армией, а уже в сентябре возглавил войска всего Южного фронта. Чуть раньше членом Реввоенсовета этого же фронта был назначен И. В. Сталин.

В мае на Маныче войска Егорова обладали численным перевесом, но проиграли. Теперь численное превосходство было у противника, но красным требовалась победа, и они ее получили...

В ходе октябрьского контрнаступления Южного фронта армия Егорова заняла Воронеж, Орел, Курск. Затем совместно с Юго-Восточным фронтом овладели Харьковом, Киевом, Донбассом и вышли к границам казачьих областей. Кампания 1919 г. окончилась триумфальными успехами Красной армии.

1920 г. оказался для Александра Ильича не столь удачным. В войне с Польшей он командовал Юго-Западным фронтом и безуспешно пытался овладеть Львовом. Более того, сражение за Львов отрицательно сказалось на всем ходе войны, поскольку помешало своевременной переброске 1-й Конной армии на помощь соседнему Западному фронту Тухачевского. Результатом стало «чудо на Висле» и крах мечты о Советской Польше.

По окончании советско-польской войны Егоров командовал соединениями бывшего Западного фронта, во главе которых успешно осуществлял «зачистку» Украины и Белоруссии от банд Петлюры, Тютюнника и Булак-Балаховича. Сходные задачи выполнял он и на Кавказе в каче-

стве командующего Отдельной Кавказской армией (в 1922—1924 гг.).

Некоторое время Александр Ильич работал в Китае военным советником при правительстве Гоминдана. Затем в качестве заместителя председателя Военно-промышленного управления и члена Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ) занимался вопросами военной промышленности и технического перевооружения Красной армии. С 1927 г. командовал войсками Белорусского военного округа. С 1931 г. занимал пост начальника штаба РККА, с 1935 г. — Генерального штаба. Тогда же вместе с Тухачевским, Блюхером, Ворошиловым и Буденным был удостоен высшего воинского звания маршала Советского Союза.

Между тем отношения внутри пятерки маршалов, да и вообще внутри командования РККА, отнюдь не были идиллическими. Бывшие руководители 1-й Конной — Буденный и Ворошилов — противостояли сторонникам модернизации армии, знаменем которых стал Тухачевский.

По совместной деятельности в годы Гражданской войны Егоров был близок со Сталиным, Ворошиловым и Буденным. В то же время как военачальник Александр Ильич был на голову выше «лихих конноармейцев», и уже поэтому в целом ряде вопросов был склонен поддерживать их противников. Военные историки отмечают, что под его руководством советский Генеральный штаб намного обогнал генеральные штабы других стран, в том числе немецкий, разработав теорию современной глубокой операции в условиях применения новых родов войск. Именно в соответствии с этой теорией велись боевые действия во всех крупнейших сражениях Второй мировой войны.

Показательно, что, сменив казненного Тухачевского на посту первого заместителя наркома обороны, Егоров продолжил курс своего предшественника на модернизацию армии. Тем самым он продолжил дело «врагов народа» и навлек на себя обвинения в ошибках и вредительстве. Тем не менее сами по себе эти обвинения немного стоили, не будь прямого указания Сталина на раскручивание

«дела Егорова». Что же заставило Иосифа Виссарионовича расправиться со своим старым соратником?

Дело в том, что репутация Сталина как выдающегося полководца Гражданской войны покоилась на его участии в обороне Царицына и разгроме Деникина. В обоих случаях он выступал скорее в роли комиссара, а не военачальника, и действовал в тени Егорова. Со временем, ссылаясь на одно из своих писем в ЦК, Сталин приписал себе авторство плана разгрома Деникина — плана, подлинным автором которого был именно Егоров. В кулуарных разговорах Александр Ильич позволил себе высказать недовольство подобным искажением фактов. «Доброжелатели» тут же поспешили доложить об этом Сталину.

Вскоре после этого Егорова перевели на должность командующего Закавказским военным округом. 4 февраля 1938 г. он прибыл к новому месту службы, а уже 21-го по срочному вызову вылетел обратно в Москву. Сразу же по приезде маршал был арестован и отправлен на Лубянку...

Александра Ильича обвинили во вредительстве, шпионаже и антисоветской деятельности. Не обошлось и без теней прошлого: среди прочего Егорову инкриминировалась попытка «срыва сталинского плана разгрома Деникина» и подготовка в 1920 г. террористического акта против самого товарища Сталина. В особом комментарии нуждается стандартное для тех времен обвинение в шпионаже. Жена маршала, Галина Антоновна (урожденная Цешковская), была известной киноактрисой (снималась в фильмах «Зори Парижа», «Соловей-соловушка») и редкой красавицей. В «высшем свете» она пользовалась огромным успехом, но при этом, в отличие от многих других кремлевских семейств, супруги жили душа в душу более двадцати лет. По происхождению она была полячкой, и, разумеется, следователи НКВД не могли пройти мимо «столь важного» факта, обвинив и ее, и самого Александра Ильича в работе на польскую разведку...

В отличие от многих других жертв сталинских репрессий, виновным Егоров себя так до конца и не признал. Во всяком случае, в отличие от «банды Тухачевского», от-

крытого судебного процесса над ним и его «сообщника» устроить не удалось. 22 февраля 1939 г. военной коллегией Верховного суда СССР Александр Ильич Егоров был приговорен к расстрелу. По одним вполне официальным данным, приговор привели в исполнение, по другим (столь же официальным) — осужденный маршал умер, отбывая наказание, 10 марта 1941 г. Вероятно, теперь вряд ли уже когда-нибудь удастся установить, которая из этих дат является подлинной.

В истории Гражданской войны и Деникин, и Егоров предстают фигурами равновеликого масштаба. Показательно, что оба достигли значительных чинов еще в старой царской армии. Правда, к октябрю 1917 г. Деникин был уже генерал-лейтенантом и имел за спиной солидный теоретический багаж, полученный в Академии Генерального штаба. Егоров к этому времени имел всего лишь звание армейского полковника, однако в «нетрадиционных условиях» Гражданской войны подобные факторы не играли определяющего значения. Надо сказать, что и Деникин, и Егоров достаточно быстро освоились в этих «нетрадиционных условиях». Руководимые ими операции 1919—1920 гг. внесли немало нового в теорию и практику военного искусства. Что же касается личного единоборства двух полководцев, то, с учетом всех факторов политического и экономического характера, можно признать его закончившимся вничью — будучи разбит на Маныче, Егоров сумел взять свой реванш у Деникина во время «битвы за Москву»..

После Гражданской войны Деникину до конца пришлось испытать горькую чашу поражения и эмиграции, на долю же Егорова достались лавры победителя. Однако кто знает, не завидовал ли перед смертью красный маршал своему бывшему противнику?

Глава 14

УСЫ, КРЕСТЫ И ВИСЕЛИЦА

Начало XX столетия характеризуется «грандиозным усовершенствованием средств уничтожения людей». Большую роль играли новые виды оружия — газы, танки, авиация. Однако Гражданская война в России вновь заставила обратить внимание на такой, считавшийся несколько устаревшим, род войск, как конница.

Противоборствующие стороны выдвинули целую плеяду блестящих кавалерийских военачальников, каждый из которых вполне может быть поставлен в один ряд с персонажами XVIII—XIX вв. — пруссаком Зейдлицем, австрийцем Лаудоном, французом Мюратом. Чаще же всего при подобных сравнениях возникало имя атамана Платова. И это не удивительно, ведь почти все прославленные кавалерийские предводители Гражданской войны либо происходили из казачьей среды, либо были уроженцами казачьих областей.

ШКУРО

Андрей Григорьевич Шкура родился 19 февраля 1886 г. в Екатеринодаре, в семье отставного полковника Кубанского казачьего войска. Впоследствии он предпочел сменить свою фамилию на Шкуро, что, впрочем, не избавило его от туповатых, но довольно злых издевок со стороны большевиков.

Во времена самодержавия будущий «ярый контрреволюционер» обладал репутацией «политически неблагонадежного элемента» и в бурном 1905 г. даже принял участие в так называемом бунте, приключившемся в 3-м Московском кадетском корпусе. Сам Шкуро не без юмора вспоминал об этом эпизоде своей биографии: «Общее беспредметное недовольство в обществе, несомненно, бессознательно проникло и в кадетские умы, и мы перешли в оппозицию к начальству, постепенно усиливавшуюся на почве бестактности некоторых педагогов; дело обострилось вопросом о неудовлетворительном качестве подаваемых котлет; началось брожение умов. Я написал обличительные, против начальства, стихи, которые с большим подъемом читал перед однокашниками. 3 октября произошел кадетский бунт. Мы поломали парты и скамейки, побили лампы, прогнали педагогов, разгромили квартиру директора корпуса и бушевали целую ночь... К утру наш дух протеста иссяк за отсутствием дальнейших объектов разрушения. Начались репрессии...», ограничившиеся тем, что после месячного изгнания Шкуро восстановили в корпусе. Искушая вину, он превратился в одного из самых старательных учеников и даже сумел благополучно пройти по конкурсу в Николаевское кавалерийское училище.

В 1907 г. Андрей Григорьевич был выпущен в 1-й Уманский казачий полк, после чего в качестве «охотника» отправился в Персию. Здесь он отличился в стычках с местными контрабандистами и получил свою первую награду — орден Св. Станислава 3-й степени.

Вернувшись через год на родину, молодой офицер поначалу предавался кутежам и амурным приключениям, но затем остепенился и женился на Т. С. Протасовой — дочери директора народных училищ Ставропольской губернии. В качестве свадебного путешествия супруги совершили вояж по Бельгии и Германии.

Первую мировую войну Шкуро встретил в должности младшего офицера 3-го Хоперского казачьего полка. Дебют его на поле сражения прошел вполне успешно. В на-

чале августа 1914 г. у Тарновы хоперцы верхом на лошадях выпрыгнули из вагонов в чистое поле и с ходу атаковали наступающие цепи неприятеля. Враг обратился в бегство. Вплавь переправившись через реку Сан, взвод Шкуро продолжил преследование противника и разгромил эскадрон немецких гусар. Отважный командир получил заветную «клюкву» — Св. Анну 4-й степени на шашку с красным темляком.

За бой при Таржимехи (в июле 1915 г.) Шкуро удостоился звания есаула. В решающий момент он появился перед немцами во главе команды пулеметчиков и встретил противника шквалом огня. Одна из вражеских пуль не миновала лихого казака и, ударившись в рукоятку висевшего на поясе кинжала, пробила живот. Если бы не этот самый кинжал, рана оказалась бы смертельной.

Во время очередного затишья на фронте Андрею Григорьевичу пришла в голову мысль развернуть партизанские действия на оккупированной немцами территории Минской губернии. Идея командованию понравилась, и вскоре он стал командиром Кубанского конного отряда особого назначения из 600 казаков и добровольцев. Правда, нового Дениса Давыдова из Шкуро не вышло: развернуть полномасштабную партизанскую войну не удалось «вследствие пассивности и запуганности населения». Тем не менее отряд получил большую известность; соотечественники называли его бойцов то почтительно — «волчьей сотней» (по черному знамени с оскаленной волчьей мордой), то слегка иронично — «шкурятами».

Летом 1916 г. «волчью сотню» перебросили в Галицию. Здесь Шкуро особо отличился, совершив 70-верстный рейд по тылам австро-венгерской армии. В Первую мировую войну подобные рейды были редкостью, в Гражданскую же они стали обычной практикой.

После Февральской революции «шкурят» решили перевести в Персию, в состав 1-го Кавказского кавалерийского корпуса (со штаб-квартирой в Хамадане). В отличие от других частей, «волчья сотня» практически не поддавалась большевистской пропаганде. Так, например, в пер-

сидском порту Энзели в ходе очередной политической дискуссии казаки поколотили группу матросов, заставили их встать на колени и пропеть «Боже, Царя храни». Далее, по дороге в Хамадан, «шкурята» внимательно выслушивали всех агитаторов, после чего также подвергли их порке.

Не удивительно, что по всему Кавказскому фронту за Андреем Григорьевичем и его подчиненными закрепилась репутация врагов революции. После Октябрьского переворота подобная известность грозила смертельной опасностью. Ночью 26 декабря в Хамадане проходившего по двору Шкуро обстреляли с крыши соседнего дома. Одна из пуль должна была попасть прямо в сердце, однако на сей раз жизнь атаману спасли костяные газыри черкески...

К тому времени русские войска уже оставляли Персию. Наиболее надежные «шкурята» были демобилизованы, и самому Андрею Григорьевичу пришлось добираться домой без надежного эскорта. Боясь стать жертвой расправы, он переоделся в простого солдата и кое-как добрался до Энзели. Здесь Шкуро взяли под защиту его бывшие сослуживцы из 3-го Хоперского полка.

Весной 1918 г. в Кисловодске Андрей Григорьевич присоединился к своей семье. Тогдашний главком красных войск Северного Кавказа Автономов пытался привлечь его к реализации оригинального замысла: примирить Советскую власть с казаками и офицерами, создать из них новую русскую армию и начать борьбу против немцев. Во что мог бы вылиться этот план, сказать трудно, но вскоре Автономов лишился своего поста, а Шкуро пришлось перейти на нелегальное положение.

На глухой «волчьей поляне» Андрей Григорьевич устроил сходку своих соратников, где объявил о начале открытой борьбы против красных и создании Южной Кубанской армии. В тот момент армия вместе с самим командующим насчитывала всего 14 человек, однако довольно быстро численность ее выросла в сотни раз.

Шкуро сумел овладеть Кисловодском и даже выпустил собственную валюту — «шкуринки» (использував для этой

цели этикетки из-под лимонада). Красные стянули против него огромные силы, но лихой партизан вырвался из ловушки, сумев вывести из района Минеральных Вод огромные толпы курортников-«буржуев», которых в противном случае, вероятнее всего, ожидала бы жестокая расправа. Утащил с собой Андрей Григорьевич и огромные суммы из кисловодского казначейства, на которые впоследствии гулял еще несколько месяцев. Здесь следует отметить, что на протяжении всей своей карьеры «кубанский Платов» проявлял самый живой интерес к захвату военных трофеев.

В июле на Кубани появилась Добровольческая армия Деникина. Шкуро решил «преподнести» ей Ставрополь. Разгромив крупный красный отряд, он повесил комиссара Петрова и на повозке отправил его труп в город с запиской о том, что в ближайшее время весь местный Совнарком ждет подобная участь. Чуть позже по телеграфу Андрей Григорьевич передал большевикам ультиматум с требованием в 48 часов оставить Ставрополь, грозя, в противном случае, артиллерийским обстрелом. Заявление было не более чем блефом, однако красные действительно начали эвакуацию.

22 июля Шкуро въехал в город на автомобиле и с грустью обнаружил, что казначейство и банки уже находятся под контролем добровольцев. Тем не менее он тут же признал свое подчинение Деникину и вскоре был произведен в генерал-майоры (с мая 1919 г. — генерал-лейтенант). Авторитет Андрея Григорьевича был настолько велик, что в обход других, старших чинами военачальников, он получил под команду сначала кавалерийскую дивизию, а затем и корпус. При этом в великие полководцы Шкуро не метил и весьма скромно оценивал собственные способности: «Я в вашей стратегии, господа, ни черта не понимаю. Вот хороший набег сделать — это я умею».

Однако по части набегов Шкуро оказался обойденным своим «коллегой», донским казаком Мамонтовым, корпус которого в августе-сентябре 1919 г. прошелся по тылам красных до Воронежа и благополучно вернулся обратно. Части Мамонтова и Шкуро соединились у Коро-

тояка, причем Андрей Григорьевич явно терзался от зависти, подсчитывая огромные обозы с трофейным имуществом. В какой-то момент он даже собрался бросить фронт и устремиться напрямик на Москву, однако один из приятелей-штабистов предупредил, что «...в этом случае ты будешь немедленно объявлен государственным изменником и предан, даже в случае полного успеха, полевому суду». Тактическая и стратегическая необходимость подобного набега действительно казалось сомнительной. Наступление белых на Первопрестольную развивалось вполне успешно, и падение столицы казалось делом ближайших недель.

1 октября корпус Шкуро овладел Воронежем, захватив 13 тыс. пленных, 35 орудий, «бесчисленные обозы и громадные склады», однако к городу уже спешила красная конница Буденного.

Не имея привычки воевать вдали от родных «куреней», да еще и отягощенные громадной добычей, казаки начали разбегаться по домам. Те, кто еще продолжал сражаться, гибли в упорных и затяжных боях с буденновцами. Шкуро предпринял последнюю попытку отбросить противника от Воронежа, но потерпел неудачу. В ночь на 24 октября казаки оставили город.

Новый командующий Добровольческой армией генерал Врангель направил Деникину телеграмму: «Армия разваливается от пьянства и грабежей. Взыскивать с младших не могу, когда старшие начальники подают пример, оставаясь безнаказанными. Прошу отчисления от командования корпусом генерала Шкуро, вконец развратившего свои войска». 15 декабря 1919 г. Андрею Григорьевичу предложили «подлечиться». Правда, по поручению Деникина, он тут же приступил к формированию новой армии — Кубанской, однако победоносно наступавшие красные войска уже не оставили шанса довести это дело до конца...

В мае 1920 г., так и не сумев наладить отношения с Врангелем, Андрей Григорьевич эмигрировал в Европу. Большую часть времени он жил в Париже, работал антрепренером и простым наездником в цирковой труппе. В ходе

Второй мировой войны принял участие в создании гитлеровцами специальных казачьих формирований из эмигрантов и советских военнопленных. Во главе резерва казачьих войск сражался против частей Красной армии, итальянских и югославских партизан. После капитуляции Германии отряды Шкуро с боями пробивались на контролируемую англичанами австрийскую территорию. Однако в планы британцев вовсе не входила ссора с союзниками. В течение июня-июля 1945 г. они разоружили и передали советскому командованию около 35 тыс. казаков. В числе переданных вместе со Шкуро оказались и другие участники Гражданской войны — бывший атаман Войска Донского П. Н. Краснов, его племянник Семен, адыгейский князь Султан-Гирей Клыч. На суде к ним добавили атамана Казачьего Стана Т. Доманова и начальника эсэсовской казачьей дивизии фон Панвица. 17 января 1947 г. все они были повешены по приговору Верховного суда СССР.

БУДЕННЫЙ

Семен Михайлович Буденный родился 25 апреля 1883 г. на хуторе Козюрин (неподалеку от станицы Платовской), в области Войска Донского. Происходил он из семьи так называемых «иногородних» — крестьян, переселившихся на казачьи земли Дона и Кубани после реформы 1861 г. Большинство переселенцев либо вообще не имели собственных наделов, либо арендовали небольшие участки и, естественно, испытывали далеко не лучшие чувства к коренным обитателям этих мест — казакам, чьи обширные земельные владения зачастую оставались необработанными. Между тем сами казаки отнюдь не желали делиться излишками земли, ссылаясь на то, что в гораздо больших масштабах несут тяготы воинской повинности.

Действительно, в отличие от казаков, служивших фактически до 38-летнего возраста, «иногородние» отбывали воинскую повинность на общих основаниях (4—5 лет). Между тем среди них довольно часто встречались лихие наездники, вследствие чего «иногородние» призывники,

как правило, попадали в регулярные кавалерийские части — драгунские, гусарские, уланские. Одним из таких наездников оказался и Семен Буденный, успевший поучаствовать в Русско-японской войне и до 1907 г. проходивший службу в Приморском драгунском полку. Отличный мастер джигитовки и великолепный фехтовальщик, он был командирован в Петербург в школу наездников при Высшей офицерской кавалерийской школе. Не раз Буденный брал призы на конных соревнованиях, однако остаться в столице ему не удалось. Командование полка отозвало столь ценного специалиста обратно на Дальний Восток. После окончания срока службы Семен Михайлович остался на сверхсрочную и к началу Первой мировой войны имел звание старшего унтер-офицера (на должности вахмистра).

Сначала в рядах 18-го Северского драгунского полка он сражался на Западном фронте, затем попал на Кавказский. За проявленный героизм получил четыре Георгиевских креста и четыре медали, однако в офицеры так и не выбился. Уже после Февральской революции драгунскую дивизию перебросили в Белоруссию, где она довольно быстро стала разлагаться. К моменту Октябрьского переворота часть фактически полностью «самораспустилась».

Буденный последовал примеру однополчан и уже в конце ноября 1917 г. (за три месяца до официальной демобилизации русской армии) вернулся на родину — в Платовскую, прихватив из части казенные седло и оружие.

В феврале 1918 г. «иногородние» провозгласили в Платовской Советскую власть. В окружной станице Великокняжеской состоялся съезд Советов, на котором Буденного избрали заведующим местным земельным отделом. Однако вскоре из Сальских степей начал наступление белоказачий отряд генерала Попова. Пали и Платовская, и Великокняжеская. Семен Михайлович со своим братом Денисом и еще пятью товарищами укрылись на хуторе Козюрин. Вскоре к ним присоединились еще 17 человек. Во главе этого небольшого отряда Буденный лихим налетом отбил родную станицу и освободил арестованных.

Тем не менее дни Советской власти на Дону были сочтены. Отдельные группы красных начали стягиваться к станции Куберле под защиту бронепоездов, построенных рабочими Донбасса. Здесь все разрозненные группы объединились в сводный отряд под командованием Шевкоплясова. Кавалерию отряда возглавил бывший вахмистр Думенко, а его заместителем стал Буденный. На совещании в Дубровском некоторые бойцы предложили создать еще и отрядный комитет, однако Семен Михайлович, видимо, понимал, что время митингов уже прошло, и выдвинул контрпредложение — инициаторов создания комитета арестовать и отправить в Царицын. Присутствовавший на совещании уполномоченный ЦК И. В. Сталин положительно оценил такую сознательность: «Выступление товарища Буденного в основном правильное...».

Впоследствии конница Думенко отважно сражалась под Царицыном. Сначала она именовалась 1-м Социалистическим кавалерийским полком, затем бригадой, еще позже дивизией. В ходе всех этих метаморфоз Семен Михайлович продолжал оставаться при Думенко вторым номером. За разгром Астраханской дивизии генерала Виноградова под Гнилоаксайской его наградили орденом Красного Знамени. В феврале 1919 г., проведя удачный рейд по тылам противника, Буденный вернулся к своим и сменил заболевшего тифом Думенко на посту начальника Отдельной кавалерийской дивизии. 24 марта Буденного утвердили на этой должности, а дивизию переименовали в 4-ю.

Подобно своему «оппоненту» Шкуро, Семен Михайлович обладал изрядной долей самокритики и в случаях, когда штабные спрашивали его мнение по поводу очередной операции, обычно отвечал: «А это вы как знаете. Мое дело — рубать». Вопросами идеологии он также не интересовался и, следовательно, никогда не был замечен ни в каких оппозициях. Секретарь Сталина Б. Бажанов следующим образом рассказывает о том, как в «незабываемом 1919-м» лихой «рубача» стал членом партии. «В какой-то момент Буденный в знак внимания получил из

Москвы подарки: автомобиль и партийный билет. Несколько встревоженный Буденный созвал главарей своей банды. “Вот, братва, — доложил он, — прислали мне из Москвы автомобиль и вот это”. Тут бережно, как хрупкую китайскую вазочку, положил он на стол партийный билет. Братва призадумалась, но по зрелом размышлении решила: “Автомобиль, Семен, бери; автомобиль — это хорошо. А “это” (партбилет), знаешь, хай лежит: он хлеба не просит”».

Бажанов неспроста называет буденновцев бандой. В условиях Гражданской войны убийства пленных, погоня за трофеями и грабежи мирного населения были обычной практикой как для красных, так и для белых, однако даже на этом фоне подчиненные Семена Михайловича отличались особой разнузданностью...

Весной 1919 г. части Буденного вместе с 6-й кавалерийской дивизией Апанасенко прикрывали отступление 10-й Красной армии от Маньча. В Царицыне обе дивизии объединили в Конный корпус Буденного. После падения «красного Вердена» Семен Михайлович предложил форсировать со своим корпусом Дон, разгромить железнодорожную станцию Миллерово (где находилось командование Донской армии), пройти по тылам белых и выйти к своим в районе Воронежа. Однако кавалерия противника оказалась более резвой. С зеркальной точностью скопировав этот замысел, генерал Мамонтов разгромил тылы красных и благополучно соединился с корпусом Шкуро. Красный фронт начал откатываться назад, и вскоре белоказачки уже во второй раз за месяц взяли Воронеж. Реввоенсовет республики приказал корпусу Буденного отбить город.

В ходе боев местного значения красным удалось существенно ослабить противника. Шкуро засел в Воронеже и, кажется, не проявлял готовности к активным действиям. Желая выманить его из города, Семен Михайлович решил сыграть на горячности белого генерала. Вместе со своими сподвижниками он написал ему письмо с ругательствами и неприличными выражениями. Переодевшись

в форму белого офицера, лихой разведчик Олеко Дундич передал письмо через дежурного, затем объехал оборонительные укрепления и, вернувшись к штабному вагону, швырнул в окна пару гранат.

Разумеется, такой наглости Шкуро вынести не мог. Его части вышли из города и атаковали Буденного. Силы противников были примерно равными, так что исход сражения зависел от воинского мастерства, отваги и упорства. В конце концов «шкурята» не выдержали и стали отходить к железной дороге, под прикрытие бронепоездов. Семен Михайлович поскакал на станцию и то ли уговорил, то ли заставил одного из машинистов направить свой паровоз на вражеский бронепоезд. Второй бронепоезд был захвачен красными после того, как группа рабочих взорвала пролет железнодорожного моста. На следующее утро Буденный телеграфировал в штаб фронта: «После ожесточенного боя доблестными частями Конкорпуса в 6 часов 24 октября занят город Воронеж. Противник отброшен за р. Дон. Преследование продолжается».

19 ноября вышел приказ о создании 1-й Конной армии. Семен Михайлович назначался ее командующим, членами реввоенсовета стали К. Е. Ворошилов и Е. А. Щаденко. 9 февраля 1920 г. на гребне успехов конармейцы заняли Ростов-на-Дону. Здесь буденновцы вволю пограбили. Корреспондент газеты «Красный кавалерист» И. Бабель пометил в своем дневнике: «У всех есть золото, все набрали в Ростове, перекидывали через седло мешок с деньгами — и пошел».

Однако борьба вовсе не была кончена. Деникин готовил контрудар, и с наступлением весны оторвавшиеся от своих баз красные части вполне могли стать его добычей. На фронте появился новый Конно-сводный корпус Думенко, расположившийся восточнее 1-й Конной. Семен Михайлович был непрочь покомандовать своим бывшим начальником, однако тот предпочитал действовать самостоятельно. В результате Думенко и Буденный действовали несогласованно, и противник имел возможность громить их поодиночке.

В середине февраля и белые и красные почти одновременно перешли в наступление. У станицы Егорлыкской между соединениями Буденного и генерала Павлова произошло крупнейшее кавалерийское сражение Гражданской войны. С обеих сторон бились профессионалы, прошедшие школу царской армии: корпус Павлова состоял из казаков, костяк 1-й Конной — из бывших драгун и гусаров. Очевидцы вспоминали, что противники выстраивали свои боевые порядки в полном соответствии со старорежимными уставами. То красные, то белые попеременно брали верх, но затем попадали под артиллерийский и пулеметный огонь неприятеля и вновь откатывались обратно. Каждый остался при своем, но в конце дня на поле битвы подошла красная дивизия Майстраха и потихоньку заняла оспариваемые пункты. Отступление белых армий продолжилось и в конце концов завершилось новороссийской катастрофой (март 1920 г.).

Польская кампания продемонстрировала как сильные, так и слабые стороны 1-й Конной. Прорвав фронт противника под Уманью, Семен Михайлович в очередной раз блеснул умением успешно проводить глубокие кавалерийские рейды. Однако присущая буденновцам страсть к грабежам привела к тому, что армия долгое время протопталась у Львова, не желая отказываться от столь ценного «приза». Следствием этой задержки стало поражение Тухачевского под Варшавой и общее отступление советского фронта к так называемой «линии Керзона». Вдобавок слухи об учиненных на Украине и в Польше еврейских погромах дошли до Москвы. 387 человек «убийц, громил, провокаторов и их сообщников» (преимущественно из 6-й дивизии Апанасенко) были приговорены к расстрелу и различным срокам тюремного заключения. Впрочем, благодаря влиянию, которым Ворошилов пользовался в ЦК, все они получили частичную или полную амнистию по случаю трехлетней годовщины Октябрьской революции.

В октябре 1920 г. 1-ю Конную двинули на Врангеля. Семену Михайловичу поручили захватить Перекоп и отрезать белые войска в Северной Таврии от Крыма. Одна-

ко часть врангелевцев сумела вырваться из «мешка» и разметать буденновцев. Потрепанные отряды конноармейцев пришлось отвести на переформирование, так что в окончательном завоевании Крыма они не участвовали.

Между тем пламя Гражданской войны постепенно затухало. Отдельные соединения буденновцев еще гонялись за бандами махновцев и «зеленых», однако их окончательная ликвидация считалась делом времени. По обвинению в контрреволюции в 1920—1921 гг. были казнены Думенко и Миронов, и с гибелью конкурентов Семен Михайлович стал именоваться первой шашкой республики. В 1935 г. вместе с четырьмя другими военачальниками он получил звание маршала Советского Союза.

Слава 1-й Конной пропагандировалась в книгах и кинофильмах, а все попытки «бросить пятно на ее героические дела» энергично пресекались (Бабелю, выпустившему сборник «Конармия», такая попытка стоила больших неприятностей, а возможно, даже и жизни).

Военно-теоретическими вопросами Семен Михайлович не интересовался, однако твердо стоял на том, что в грядущей войне «кавалерия себя еще покажет». Это еще больше сближало его со старым другом и соратником по 1-й Конной Климом Ворошиловым, выступавшим против сторонников ускоренной модернизации Красной армии (Тухачевского, Егорова, Уборевича и др.). Ошибочность подобной позиции стала очевидной уже во время Советско-финляндской войны 1939—1940 гг. и стоила Ворошилову должности наркома обороны. Высокий пост занял другой конноармеец — С. К. Тимошенко, а сам Буденный оказался при нем в роли первого заместителя.

В Великую Отечественную войну бывший «командарм-1» возглавил Юго-Западное направление, прикрывавшее Украину. В сентябре 1941 г. под Киевом немцы нанесли, вероятно, самое жестокое поражение советским войскам, в результате которого только в плен попало около 600—650 тыс. человек. Буденного перебросили под Москву и передали ему Резервный фронт, однако и здесь, в районе Вязьмы, последовала новая, столь же страшная катастрофа.

В конце концов Семена Михайловича назначили генерал-инспектором кавалерии: должность почетная, но почти ничего не значившая, учитывая, что роль конницы в новых условиях оказалась минимальной.

Имея поистине выдающиеся заслуги в Гражданской войне, Буденный получил лишь один орден Красного Знамени. Однако по мере того, как подлинная история 1-й Конной все больше обрастала легендами, награды сыпались на него с завидной регулярностью; впоследствии этот орден он получал еще трижды и столько же раз (в 1958, 1963, 1968 гг.) был Героем Советского Союза. На закате дней Семен Михайлович опубликовал три тома своих мемуаров «Пройденный путь», вызвавших бурю негодования со стороны бывших «думенковцев» и «мироновцев». Вероятно, эти нападки несколько омрачили старость легендарного маршала. Скончался он 26 октября 1973 г. и был торжественно похоронен на Красной площади у Кремлевской стены.

Шкуро и Буденный представляют собой тип лихого атамана, чьи «шайки-банды» лишь в условиях Гражданской войны могли разрастись до размеров корпусов и армий. Оба они были весьма далеки от вопросов политики, сражаясь за более понятные и очевидные вещи — землю, славу, трофеи. Окажись Шкуро «иногородним», и его легко представить на стороне красных, родись Буденный казаком, и скорей всего он воевал бы на стороне белых. Оба исповедывали принцип «Либо грудь в крестах, либо голова в кустах», и почти в полном соответствии с этим принципом сложились судьбы двух «рубак». Проиграв жестокую сабельную сечу под Воронежом, Шкуро в конечном счете сложил свою голову (правда, не в кустах, а на виселице). Его победитель Буденный получил свои «кресты» на грудь и вряд ли испытывал какие-нибудь терзания по поводу их происхождения.

Глава 15

ОБРАЗЦОВЫЕ ВОЯКИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В октябре 1919 г. наступил, по выражению В. И. Ленина, «самый критический момент социалистической революции». Победоносно наступавшим белогвардейским армиям оставалось сделать решающий рывок к Москве. Последними преградами на пути к Первопрестольной оставались Брянск, Орел и Воронеж.

Судьбу Воронежа решила «дуэль» красной и белой кавалерии. Что касается Орла и Брянска, то здесь с обеих сторон сражались элитные пехотные дивизии. 1-й армейский пехотный корпус генерала Кутепова составляли так называемые «именные» части — легендарные корниловцы, марковцы, дроздовцы, алексеевцы. Им противостояли отборные войска Уборевича — «красные латыши», «красные эстонцы», «червонные казаки»...

КУТЕПОВ

Александр Павлович Кутепов родился в 1882 г. в городе Череповце. Происходил он из рода потомственных дворян Новгородской губернии. Род этот, правда, не относился к числу богатых и знатных, отец же будущего генерала служил простым лесничим.

Юноша окончил Архангельскую классическую гимназию, после чего избрал военную службу. Не имея влия-

тельной протекции, он поступил в «обычное» юнкерское училище (в Санкт-Петербурге), по окончании которого был выпущен подпоручиком в 85-й Выборгский пехотный полк. Почти сразу же после выпуска молодому офицеру довелось поучаствовать в войне с Японией. Здесь Кутепов настолько хорошо проявил себя, что вскоре удостоился редкой чести: его перевели в звании поручика в старейший и наиболее известный полк русской армии — лейб-гвардии Преображенский (ноябрь 1907 г.).

Первую мировую войну Кутепов встретил в звании штабс-капитана. В боях он был трижды ранен, получил несколько боевых орденов, в том числе орден Св. Георгия 4-й степени. К началу 1917 г. Александр Павлович успел дослужиться до чина полковника и должности командира 2-го батальона Преображенского полка.

В бурные дни Февральской революции находившийся в Петрограде Кутепов оказался едва ли не единственным, кто действительно пытался навести порядок в «разбушевавшемся» городе. Возглавив сводный отряд из гвардейцев-«запасников» (от 500 до 1 тыс. человек), он «прошелся» по запруженным митингующими толпами Невскому и Литейному проспектам. Поначалу ему удалось навести некоторый порядок, однако к вечеру 27 февраля отряд оказался блокирован восставшими в особняке Мусина-Пушкина. В темноте «последние защитники монархии» потихоньку стали разбегаться. Оставшемуся практически без подчиненных Кутепову ничего не осталось, как последовать их примеру.

Несмотря на «явную контрреволюционность», Временное правительство назначило его командиром Преображенского полка. К тому времени процессы разложения армии зашли уже слишком далеко. 2 декабря 1917 г., не желая служить новой большевистской власти, Александр Павлович поставил последнюю трагическую точку в славной истории преображенцев, издав приказ о расформировании полка.

В самом конце 1917 г. Кутепов появляется на Дону и включается в работу по созданию будущей Доброволь-

ческой армии. Будучи командиром гарнизона Таганрога, он нанес поражение красногвардейскому отряду Сиверса, захватив в качестве трофеев орудие, броневик и 24 пулемета. Однако в тылу на Русско-Балтийском заводе рабочие подняли восстание, и город пришлось оставить.

1-й Кубанский («Ледяной») поход Кутепов закончил во главе Корниловского ударного полка. В Добровольческой армии корниловцы были примерно тем же, что и преобразенцы в армии царской, так что Александр Павлович в данном случае вновь сумел занять должность командира самой прославленной и элитной части.

2-й Кубанский поход вписал новые героические страницы в историю корниловцев. 14 июня 1918 г. войска Деникина атаковали красных на укрепленной позиции у Тихорецкой. После ожесточенного сопротивления большевики отошли на вторую линию обороны и, считая бой законченным, на некоторое время утратили бдительность. Воспользовавшись этим, Кутепов обошел их с тыла и без боя занял Тихорецкую. Сражение возобновилось и превратилось в настоящее побоище. Командовавший красными латыш Калнин с трудом спасся, его начальник штаба Зверев застрелил себя и жену. Белым достались 3 бронепоезда, 50 орудий, броневики, аэроплан, множество вагонов с оружием и боеприпасами. Всего этого с лихвой хватило для того, чтобы восполнить все материальные запасы Добровольческой армии.

Имя Кутепова приобретало все больший авторитет среди соратников по оружию. Он стал командиром бригады, а после взятия Новороссийска — черноморским военным губернатором. В мае 1919 г. Александр Павлович (уже произведенный к тому времени в генерал-майоры) возглавил 1-й Добровольческий корпус. В это соединение были сведены все «именные» полки, названные в честь умерших и погибших героев Белой гвардии — Корнилова, Алексева, Дроздовского, Маркова. Каждая из частей имела свою форму и свои традиции. У корниловцев (уже служивших под началом Кутепова) — черно-красные погоны и петлицы, белый кант на кителях, брюках и фуражках, череп вме-

сто кокарды. В бой они шли с гримасой «презрительного разочарования на лице». У дроздовцев цвета погон, петлиц, канта на униформе были малиновый с белым. Для их лиц была типична другая гримаса — иронично-презрительная. Многие в память о своем командире носили пенсне. Части алексеевцев формировались из юнкеров и студентов, а потому форма у них была бело-голубая, по цвету университетского значка. Марковцы носили черные гимнастерки, брюки и погоны с белыми кантами и просветами. И опять-таки, подражая погибшему генералу Маркову, его «подшефные» носили потрепанные шинели и шокировали публику многоэтажным матом. Именно под началом Кутепова Добровольческий корпус сначала одержал свои самые блестящие победы, а затем пережил самые тяжелые испытания.

Едва вступив в командование корпусом, Кутепов нанес удар в стык махновцев и 13-й Красной армии. Пятишестикратное превосходство противника частично компенсировалось тем, что как раз в это время между Махно и большевиками началось очередное «выяснение отношений». Развивая успех, Кутепов ввел в бой английские танки, и тогда красный фронт рухнул. После ожесточенных уличных боев добровольцы заняли Харьков. К большому удовольствию победителей, в их руки попал приказ Троцкого, из которого следовало, что 13-я армия «...находится в состоянии полного упадка. Боеспособность частей пала до последней степени. Случаи бессмысленной паники наблюдаются на каждом шагу. Шкурничество процветает...». За успешное проведение Харьковской операции Александр Павлович был произведен в генерал-лейтенанты. Теперь на очереди была Москва...

Разгромив Ударную группу Селивачева, 1-й корпус овладел Курском, Кромами, Орлом, Ливнами. Разведывательные разезды белых появились в окрестностях Тулы. Советское правительство спешно начало перебрасывать на Южный фронт отборные резервы. Командующим 14-й армией, а затем и Ударной группой стал Уборевич, в лице которого Кутепов встретил хладнокровного и решительного противника.

Красные сумели отбить Орел и Кромы, отбросив добровольцев на 40-50 км. В начале ноября Кутепов нанес контрудар и сильно потрепал Латышскую дивизию Калнина (с которым заочно познакомился еще под Тихорецкой), однако на другом участке Уборевич прорвал фронт и бросил в тыл белых дивизию «червонных казаков». В это же время под Воронежом Буденный нанес поражения соседям Кутепова — Мамонтову и Шкуро. Белое наступление на Москву провалилось, и теперь Добровольческому корпусу пришлось нести на себе всю тяжесть арьергардных боев.

Именно частям Кутепова пришлось прикрывать эвакуацию ВСЮР (вооруженных сил Юга России) из Новороссийска в Крым (март 1920 г.). Преемник Деникина, Врангель, покровительствовал Александру Павловичу и сделал его командующим одной из двух своих армий (2-й командовал генерал Абрамов). Однако судьба Белого движения к тому времени уже была решена. В ноябре войска Фрунзе прорвались на территорию Крыма. Кутепову вместе со своими подчиненными пришлось эвакуироваться в Турцию.

Десятки тысяч русских беженцев расположились на полуострове Галлиполи. Военские части еще долгое время сохраняли свою организационную структуру, причем Врангель даже произвел Кутепова в очередное звание — генерала от инфантерии. Тем не менее в конце 1921 г. по требованию союзников началось расформирование русской армии. Личный состав 1-го армейского корпуса перебросили в Болгарию. Находившееся в этой стране у власти левое правительство А. Стамболийского заявило, что прибывшие части «не являются боевыми войсками и должны разоружиться». Местная полиция совершила обыск в помещении кутеповской контрразведки и обнаружила ряд документов, содержащих секретные сведения о состоянии болгарской армии. Грянул громкий скандал, и в мае 1922 г. Александру Павловичу пришлось переехать сначала в Сербию, затем в Париж.

В сентябре 1924 г. П. Н. Врангель объявил о создании РОВС (Российского общевоинского союза), ставившего своей целью продолжение борьбы против Советской вла-

сти. Кутепов взял на себя всю контрразведывательную работу, а после смерти Врангеля возглавил эту организацию в качестве председателя (29 апреля 1928 г.).

Радикальные круги белой эмиграции выступали за начало террора против ведущих деятелей большевистского режима. Исполнителями терактов должны были стать боевики (из числа бывших офицеров), заброшенные в Россию из-за границы. Стремясь упредить подобное развитие событий, ОГПУ создало мнимо «подпольную, контрреволюционную и монархическую организацию» под названием «Трест».

Некоторое время чекистским агентам удавалось оттягивать на себя потоки денег, идущих от западных разведок, на антисоветскую деятельность. Более того, глава «Треста» Якушев сумел уговорить Кутепова отказаться от идеи террора. При этом он ссылался на то, что убийства большевистских деятелей вызовут ответные репрессии и рикошетом ударят по его организации.

Тем не менее в апреле 1927 г. «Трест» был разоблачен как «грандиозная чекистская провокация». Боевики Кутепова потянулись в Россию: грохнули взрывы — в Ленинграде в помещении партклуба и в Москве в здании самого ОГПУ...

После этого было принято решение о ликвидации Кутепова. 26 января 1930 г. чекисты Пузицкий, Янович и Гельфанд среди бела дня похитили Кутепова на одной из парижских улиц. Действовали они с редким нахальством: генерала затолкали в машину, затем после борьбы в несущемся на всей скорости автомобиле его усыпили платком с хлороформом и в таком виде доставили в Марсель. На борт парохода «Спартак» Кутепова не то пронесли в ящике (под видом багажа), не то провели под руки (под видом напившегося члена экипажа).

О дальнейшей судьбе Александра Павловича нельзя говорить с полной уверенностью. Согласно данным, представленным КГБ, он скончался на борту «Спартака» при подходе корабля к Новороссийску. Причиной смерти стал сердечный приступ, вероятно, спровоцированный воздействием хлороформа.

УБОРЕВИЧ

24 декабря 1896 г. в деревне Антандриус (Ковенская губерния, Литва) в семье крестьянина Пятраса Уборявичуса родился пятый по счету ребенок. В честь святого — покровителя бедняков — глава семьи решил назвать сына Иеронимом.

Мальчик оказался на редкость способным. Он успешно закончил два класса начальной школы и затем перевелся в Двинское реальное училище. Семье все это время пришлось жить «подтянув пояс», однако Иероним вполне оправдал надежды и вышел в люди. Из Двинска юноша переехал в Петербург и поступил в Политехнический институт. Судя по всему, именно в столице будущий большевик приобщился к марксизму.

В 1915 г. студент-третьекурсник Уборевич (так звучала его фамилия в русифицированном варианте) был призван в армию и направлен в Константиновское артиллерийское училище. После шестимесячной учебы новоиспеченный поручик был назначен командиром батареи Сибирского дивизиона, сражавшегося против германских войск на Немане и Висле. В 1916 г. подразделение перебросили на Румынский фронт, где его и застала Февральская революция.

В отличие от многих своих собратьев-офицеров, Уборевич довольно быстро сориентировался в новой ситуации. На многочисленных митингах он частенько блистал весьма радикальными речами и в скором времени завоевал широкую популярность у солдатской массы. Впрочем, вряд ли Иероним Петрович руководствовался в данном случае одними лишь корыстными интересами: являясь выходцем из беднейшего крестьянства, он, вероятно, вполне искренне одобрял происходившие перемены.

Сразу же после Февральской революции и задолго до того, как большевики стали внушительной силой, Уборевич вступил в РСДРП(б). Зимой 1918 г., в критический момент, когда австро-германские войска успешно продвигались по Бессарабии и Украине, он возглавил собранный

с бору по сосенке красногвардейский полк и попытался организовать сопротивление противнику. Полк наголову разбили под Одессой, а его командир угодил в тюрьму для военнопленных. Подпилив решетку, Уборевич вырвался на волю и сумел добраться до Литвы.

Некоторое время он отлеживался в родной деревне, затем нелегально перешел линию фронта и объявился в Петрограде.

На мобилизационном пункте рассказ Уборевича о своей «одиссее», судя по всему, не вызвал особого доверия, и вместо самостоятельного командования ему предложили должность инструктора артиллерии Котласского боевого района.

На Северном фронте боевые действия сосредоточились вдоль рек и дорог, перекрытых хорошо укрепленными опорными пунктами. 6-й и 7-й Красным армиям здесь противостояли около 10 тыс. иностранных войск и около 8 тыс. белогвардейцев. Английский генерал Айронсайд предпринял попытку овладеть Котласом и через Пермь прорваться на соединение с Колчаком. Во время этих боев и начала всходить звезда Уборевича. Руководимая им батарея 120-миллиметровых орудий неоднократно топила вражеские суда и сравнивала с землей вражеские укрепления. Большое беспокойство доставляли налеты вражеской авиации, и тогда Иероним Петрович выдвинул рацпредложение: он предложил установить обычные 37-миллиметровые орудия на колеса и тем самым превратить их в зенитки. После этого налеты неприятельских самолетов практически прекратились.

Англичане хорошо знали фамилию Уборевича. В августе 1918 г. газета «Таймс» отмечала, что противостоящие интервентам силы красных значительно улучшили качество своего артиллерийского огня. «Говорят, что командующим здесь назначен Уборевич, бывший поручик царской армии. Мало найдется английских офицеров, которые будут отрицать, что он знает свое дело».

После того как на железнодорожном направлении возникла критическая ситуация, Иеронима Петровича пере-

бросили туда начальником новой 18-й дивизии. В короткое время он сумел выправить положение и даже перейти в контрнаступление. Летом 1919 г. дела на Севере складывались все более благоприятно для красных, но в этот момент способности Уборевича потребовались в другом месте...

На Южный фронт он прибыл с повышением. Вверенная ему 14-я армия прикрывала Брянское направление, соседняя, 13-я, — Орловское. Обе армии были сильно потрепаны в предыдущих боях, и теперь для их поддержки формировалась Ударная группа в составе Латышской дивизии, бригады «червонных казаков» и бригады «пластунов» Павлова. Впрочем, и эти войска поначалу не смогли остановить победоносное наступление белых. 13 октября Кутепов взял Орел и повел наступление на Тулу. В этот критический момент Ударная группа была передана в подчинение Уборевича.

Собрав все наличные силы в кулак, «командарм-14» нанес сильный удар по дроздовской дивизии, овладел Кромами и вышел в тылы Кутепова. Белым пришлось прервать свой марш на Москву и срочно развернуться на 180 градусов. Подобный маневр отнял значительное время, которое большевики использовали для того, чтобы отбить еще и Орел (20 октября). Тем не менее ситуация продолжала оставаться весьма шаткой. Корпус Кутепова напоминал льва, пытающегося напасть на стадо (Москву), но вынужденного при этом отбиваться от трех пастухов (13-й армии Геккера, 14-й армии Уборевича и подчиненной ему же Ударной группировки), тычущих в него копытами...

Участники тех событий использовали еще один образ и говорили о «слоеном пироге», образовавшемся на рубеже Орел—Кромы. Войска противников перемешались, и даже их командиры с трудом ориентировались в постоянно меняющейся обстановке. С обеих сторон в бой шли последние резервы. Ценой огромного напряжения бессиленный корпус Кутепова вновь овладел Кромами, однако начальник Латышской дивизии Калнин, собрав всех больных, перешел в контрнаступление и вернул город

обратно. Сам Уборевич в этой свистопляске с удивительной виртуозностью маневрировал частями и ухитрился ни разу не подставить их под удар неприятеля.

В конечном счете преимущество осталось за красными. Добровольческая армия решила отойти на несколько километров и перегруппировать свои силы. Однако спокойной перегруппировки не получилось. Уборевич взломал фронт между селами Чернь и Чернодье, после чего кавалерия Примакова огнем и мечом прошла по коммуникациям противника...

В начале декабря 14-я армия успешно овладела Харьковом, а еще через два месяца ее части уже входили в Одессу. Репутация Уборевича выросла настолько, что он уже считался своеобразным специалистом по кризисным ситуациям. Оперативная обстановка менялась стремительно, и теперь Иероним Петрович принял командование над 9-й (Кубанской) армией, в задачу которой входило не дать Деникину отсидеться на рубежах Дона и Маныча. Вместе с другими частями Южного фронта войска Уборевича форсировали эти водные преграды и ворвались в считающиеся контрреволюционными казачьи районы Юга России. После упорных боев его части овладели Екатеринодаром и двинулись далее — к Новороссийску. Здесь скопились остатки деникинских армий, многочисленные тыловые учреждения и толпы гражданских беженцев. Все эти массы людей переправлялись в Крым, причем прикрывали эвакуацию войска Кутепова — недавнего противника Уборевича по Орловско-Кромскому сражению. Иероним Петрович сделал все от него зависящее, чтобы превратить эвакуацию в настоящий разгром вооруженных сил Юга России, и не его вина, что добиться этого не удалось. Скорее в этом «вина» Кутепова, до последнего отстаивавшего подступы к городу. Тем не менее в Новороссийске красным остались огромные трофеи, в том числе штабные вагоны с изображенными на них портретами генералов Деникина, Улагая, Шкуро. По приказу Уборевича к этим портретам пририсовали кандалы и в таком виде состав отправили в Москву.

Следующим этапом в полководческой биографии Уборевича стала война с «панской» Польшей. Здесь он вторично принял командование 14-й армией, прикрывавшей на сей раз Одесское направление. Состав частей практически не изменился, а наличие «червонных казаков» вдохновило его на идею нового кавалерийского рейда по тылам противника. Вечером 3 июля 1920 г. стрелковая дивизия и два бронепоезда прорвали оборону 6-й польской армии, после чего по отработанной схеме в тыл неприятеля пошла конница Примакова. Через три дня Примаков телеграфировал Уборевичу: «Проскуров взят, штаб 6-й армии разгромлен, взяты пленные... большие трофеи... Враг в панике бежит на запад. Генерал Роммер стремится отвести перепутавшиеся части армии за р. Збруч».

Не только полководческое мастерство, но и какое-то везение спасало Уборевича от поражений. Так, например, ему не пришлось участвовать в «освободительном походе» на Варшаву, закончившемся неожиданным и сокрушительным поражением красных армий. К тому времени Иероним Петрович вновь сражался против русских белогвардейцев, теперь уже во главе 13-й армии. В финале Крымской операции войска Уборевича практически не участвовали, зато именно они провели начальную стадию и, овладев Мелитополем, вышли на берега Сиваша...

Наконец, под занавес триумфального для Уборевича 1920 г., ему довелось в третий и последний раз возглавить хорошо ему знакомую 14-ю армию. На сей раз Иероним Петрович нанес смертельный удар лидеру украинских националистов Симону Петлюре. Против его полупартизанских соединений красный командарм выпустил отборную и испытанную в боях конницу Котовского и Примакова, которая менее чем за две недели уничтожила созданную на Правобережной Украине «самостийную» петлюровскую республику. Небольшие отряды «черношлычников» и «черных запорожцев» укрылись на территории Польши и Румынии...

Очередная победа была омрачена для Уборевича личной драмой. 4 ноября 1920 г., родив первого ребенка,

в Брянске умерла его жена. Дочь назвали в честь матери — Надеждой, причем супруга Ленина Н. И. Крупская изъявила желание взять ее на воспитание. Однако бабушка новорожденной С. А. Дубинина, «поблагодарив за сердечную заботу», как ни трудно ей было, оставила внучку у себя.

Следующий, 1921 г., Уборевич провел, гоняясь за отрядами Антонова на Тамбовщине и Булак-Балаховича в Белоруссии. Для военачальника такого калибра это было слишком мелко, и в 1922 г. он получил назначение на пост военного министра и командующего войсками Дальневосточной республики. К тому времени Приморье оставалось последним оплотом Белого движения. При помощи японцев здесь еще держались части Дитерихса и Молчанова. В качестве буфера между Советской Россией и Японией и была создана Дальневосточная республика. Блюхер (предшественник Уборевича на посту военного министра ДВР) разбил белогвардейцев под Волочаевкой, однако развитие этого успеха могло привести к конфликту со Страной восходящего солнца. Военные действия на некоторое время приостановились. Время работало на большевиков: под давлением США (опасавшихся усиления Японии на Дальнем Востоке) самураи начали эвакуировать свои войска из Приморья. Уборевич тут же перешел в наступление и после кровопролитного штурма выбил «земскую рать» воеводы Молчанова из хорошо укрепленного города Спасска. Развивая наступление, войска ДВР 25 октября 1922 г. заняли Владивосток. Именно это событие большинство историков склонны считать датой окончания Гражданской войны в России...

В последующие годы Иероним Петрович командовал Северо-Кавказским и Московским военными округами, занимал должности заместителя наркома по военным и морским делам и заместителя председателя Реввоенсовета. В 1935 г. вместе с четырьмя другими военачальниками он получил звание командарма 1 ранга (предшествовавшее званию маршала).

В 1928 г. Уборевич прошел курс германского Генерального штаба, а в 1931 г. возглавил приграничный Белорусский военный округ. Теоретические разработки германских штабистов произвели на него огромное впечатление. Иероним Петрович опубликовал несколько работ, в которых предлагал учитывать необходимость модернизации и механизации армии. Соответствующих принципов он придерживался и в своей практической деятельности, тому же учил и своих подчиненных (в том числе будущих маршалов — Жукова, Рокоссовского, Конева, Тимошенко, Малиновского, Мерецкова, Захарова, Соколовского, Баграмяна). Подобные воззрения сближали Уборевича с Тухачевским и одновременно делали его противником наркома Ворошилова. Борьба между двумя группировками завершилась победой партии Ворошилова. Благодаря стараниям НКВД Тухачевский и семеро его сторонников, в том числе Уборевич, были обвинены в организации «антисоветского военно-фашистского заговора». На суде Иерониму Петровичу припомнили его литовских родственников и учебу в Германии. По меркам тогдашней юстиции, все это неопровержимо доказывало факт работы на иностранную разведку. Обвиняемые пытались доказать свою невиновность, однако всех их топил своими показаниями бывший «червоный казак» Примаков (арестованный на год раньше других и уже основательно «обработанный» следователями).

12 июня 1937 г. по приговору суда Уборевич и другие обвиняемые были расстреляны. 31 июня 1957 г. Военная коллегия Верховного суда отменила этот приговор за отсутствием состава преступления.

Кутепов и Уборевич были образцовыми военачальниками Гражданской войны — смелыми, энергичными, способными к нетрадиционным решениям. Не случайно в наиболее решительные и драматичные моменты борьбы именно им доверялось командование на самых сложных и решающих участках фронта. Поскольку высшей ступенью для обоих стали должности коман-

дармов, мы не имеем возможности оценивать их стратегические дарования, однако оперативно-тактическое мастерство как Кутепова, так и Уборевича, отмечали все, кто имел счастье (или несчастье) столкнуться с ними на поле сражения. Судьба распорядилась так, что оба военачальника пали жертвой чекистских провокаций. Тем самым лишний раз подтвердилось известное наблюдение, согласно которому: победители на поле сражений отнюдь не всегда выигрывают битвы со спецслужбами.

Глава 16

ТАЛАНТЛИВЫЙ ДЕМАГОГ ПРОТИВ ТАЛАНТЛИВОГО СТРАТЕГА

В феврале 1918 г. под угрозой очередного германского наступления советское правительство переехало из Петрограда в Москву. Однако, даже перестав быть политическим центром страны, Петроград так и не превратился в обычный губернский город. Для белых он оставался столицей российского государства, для красных — колыбелью революции. Не случайно во главе Петроградского Совета стоял один из лидеров большевистской партии Григорий Евсеевич Зиновьев, а последним белогвардейским наступлением на город руководил один из лучших полководцев контрреволюции Николай Николаевич Юденич.

ЮДЕНИЧ

Родился Николай Николаевич Юденич 18 июля 1862 г. в Москве. Отец его происходил из дворян Минской губернии, служил на разных чиновных должностях и ушел в отставку в звании коллежского советника. Сын выбрал карьеру военного и по окончании 3-го Александровского училища получил звание подпоручика лейб-гвардии Литовского полка.

Всего двумя годами ранее закончилась очередная Русско-турецкая война; следующая война (русско-японская) разразилась только через четверть века. В мирное время воинские звания присваиваются медленно, так что к сорока годам Юденич дослужился лишь до полковника. К тому времени он окончил Николаевскую военную академию, женился на Александре Николаевне Жемчуговой и получил под командование 18-й стрелковый полк.

Начавшаяся война с Японией предоставила ему шанс выдвинуться по службе. В неудачной для русских битве под Мукденом (февраль 1905 г.) полк Юденича ходил в штыковую атаку и оказался одной из немногих частей, сумевших успешно сдержать натиск наседавшего противника. Николаю Николаевичу это сражение принесло звание генерал-майора и обратило на него внимание высшего командования.

Первую мировую войну Юденич встретил в чине генерал-лейтенанта и в должности начальника штаба Кавказского военного округа. В октябре 1914 г. Турция выступила на стороне Германии и сразу же перешла к активным действиям. В районе Сарыкамыша неприятелю удалось загнать в «мешок» основные силы русских. Пытаясь спасти положение, Ставка назначила командующим Кавказской армией генерала Юденича, которому в короткое время удалось кардинально переломить ситуацию. Почти проигранное Сарыкамышское сражение обернулось блестящей победой и стоило туркам более 90 тыс. убитыми и замерзшими (наши потери были в три, а то и четыре раза меньше).

В июле 1915 г. неприятель попытался взять реванш, перерезав растянутые коммуникации русских в долине Северного Евфрата. Молниеносный контрудар Юденича заставил противника отказаться от этого замысла. Линия фронта еще глубже продвинулась по вражеской территории. На очереди оказалась главная твердыня азиатской Турции — Эрзерум.

Целый укрепленный район, сооруженный по последнему слову инженерного искусства, был взят после пяти-

дневного штурма (3 февраля 1916 г.), причем взят зимой, т. е. во время, считающееся максимально неудобным для подобных предприятий. За столь выдающийся подвиг Юденич (последним среди русских полководцев) получил орден Св. Георгия 2-й степени. Наконец, весной того же года Кавказская армия овладела портом Трапезунд. Фактически турецкие армии в Малой Азии оказались на грани разгрома и продолжали держаться исключительно благодаря помощи своего германского союзника. Однако начавшаяся Февральская революция прервала военные триумфы Юденича.

Весть об отречении императора Николай Николаевич воспринял спокойно. От Временного правительства он даже получил очередное повышение, став главнокомандующим всего Кавказского фронта. Тем не менее Юденич намного раньше других генералов оценил опасность «демократизации» армии. Кроме того, у него начались трения с англичанами, пытавшимися «загрести жар» руками русского союзника. В марте 1917 г. ввиду плохого снабжения и общей усталости войск он прекратил наступление на Багдадском и Пенджабском направлениях, отведя свои корпуса в районы базирования. Вдобавок Юденич отправил в Петроград докладную записку, в которой весьма скептически оценивал дальнейшие перспективы вооруженной борьбы. Временное правительство тут же отстранило строптивого главнокомандующего и отозвало его в столицу.

После Октябрьского переворота Юденич создал в Петрограде нелегальную организацию из бывших офицеров. Вскоре он узнал, что представитель другой антибольшевистской группы ротмистр П. фон Розенберг заключил тайный договор с германским командованием. Бывшие противники обещали помочь в создании русских добровольческих войск для похода на Петроград. В качестве командующего этой армии немцы видели три возможные кандидатуры из числа «русских генералов с популярным боевым именем» — Келлер, Юденич или Гурко.

Первоначально остановились на яром монархисте графе Келлере (единственном командире корпуса, наотрез

отказавшемся присягать Временному правительству), но тот находился в Киеве, и армию начали создавать без него. В занятом немцами Пскове было выделено общежитие для бежавших из «Совдепии» офицеров. К концу 1918 г. таких беглецов набралось достаточно, чтобы создать Северную армию из 3 тыс. человек. Временно ее возглавил полковник Г. Г. фон Неф.

Однако поражение Германии в Первой мировой войне едва не поставило всю затею под угрозу. Советское правительство аннулировало Брестский мир. Красные выбили Северную армию из Пскова и занялись освобождением Прибалтики. Потрепанным отрядам фон Нефа ничего не оставалось, как присоединиться к эстонским частям под командованием И. Я. Лайдонера. Тем временем в Киеве от руки петлюровцев погиб граф Келлер. Для остатков Северной армии вновь стал актуальным вопрос о командующем, и здесь опять всплыла фигура Юденича.

К тому времени Николай Николаевич перебрался в недавно получившую независимость Финляндию. Фактическим главой страны был ярый антибольшевик и экс-генерал царской армии Г. Маннергейм. Здесь же обосновался Русский комитет, составленный из влиятельных политиков и предпринимателей. В мае 1919 г. сгруппировавшиеся вокруг Юденича члены комитета создали нечто вроде правительства, призванного управлять освобожденными от большевиков территориями Северо-Запада России. Правда, эти территории еще предстояло освободить, но здесь Николай Николаевич рассчитывал на помощь «белофиннов» Маннергейма, «белоэстонцев» Лайдонера, а также бывших союзников (англичан, французов и американцев).

24 мая верховный правитель России адмирал Колчак назначил Юденича командующим всеми русскими белогвардейскими войсками в Прибалтике. К тому времени бывшая Северная армия стала именоваться Северо-Западной, а возглавлял ее напористый (хотя и не слишком даровитый) генерал А. П. Родзянко. В мае-июне при помощи эстонцев его части довольно близко подобралась

к Петрограду, однако затем между Родзянко и Лайдонером начались трения. Красные, в свою очередь, перешли в контрнаступление, и к августу Северо-Западная армия удерживала лишь узенький клочок собственно русской земли с уездным городком Гдовом в качестве столицы.

Прибытие Юденича армия встретила настороженно, считая его чужаком, однако вскоре мнение это изменилось в лучшую сторону. Новый командующий неплохо сработался с Родзянко. Признав независимость Эстонии, он тем самым вновь заручился поддержкой Лайдонера. К власти в Финляндии пришла «партия мира», возглавляемая президентом Стольбергом, но зато от союзников стали поступать давно ожидаемые оружие и боеприпасы.

В конце сентября Северо-Западная армия перешла в решительное контрнаступление. Казалось, для Юденича вновь вернулись времена Сарыкамыш и Эрзерума. Вклинившись между 7-й и 15-й армиями красных, его войска заняли Ямбург и Лугу. Затем настал черед питерских пригородов — Гатчины, Красного Села, Царского Села (переименованного большевиками в Детское Село), Павловска.

21 октября на Пулковских высотах накал противостояния достиг своего апогея. Большевики бросали в бой все новые резервы и в конце концов сумели остановить противника. Наркомвоенмор Троцкий назвал этот день переломным в сражении за Петроград. Теперь он готовился к контрудару, а из Москвы ему телеграфировал Ленин: «Если наступление начато, нельзя ли мобилизовать еще тысяч 20 питерских рабочих плюс тысяч 10 буржуев, поставить позади их пулеметы, расстрелять несколько сот и добиться настоящего массового напора на Юденича?». Троцкий считал, что можно, и практически безоружные толпы людей гнались в бой, на верную смерть. Только на Пулковских высотах красные потеряли около 10 тыс. человек; практически столько же, сколько составляла вся армия Юденича.

И все же благодаря большой крови и подавляющему численному превосходству большевики добивались успеха. 23 октября белым пришлось оставить Павловск и Цар-

ское Село. Юденич попытался взять реванш. Ударная группа полковника Пермикина овладела Ропшей, Кипенью и Высоцким, но тут напомнила о себе отброшенная на юго-восток 15-я армия красных. Теперь она также развернула наступление, без боя захватила Лугу и ринулась на Гдов. Перед Северо-Западной армией замаячила перспектива окружения. Юденичу ничего не оставалось, как начать отход к эстонской границе. Устроить ему «котел» красные так и не смогли. Добили его части бывшие товарищи по оружию.

На гребне успеха красные готовились предъявить счет новорожденному эстонскому государству за ту поддержку, которое оно оказывало Юденичу и его предшественнику.

Прибалтам ничего не оставалось, как продемонстрировать большевикам свое миролюбие. На территории Эстонии Северо-Западная армия была разоружена. Солдаты и гражданские беженцы оказались в лагерях за колючей проволокой. Большинство из них впоследствии отправились на прокладку дорог и лесозаготовки, т. к. эстонское правительство не могло допустить, «чтобы столь большие массы кормились, не давая в обмен своей работы» (хотя кормились они вовсе не за счет прибалтийского государства, а за счет американской продовольственной миссии).

Один из очевидцев этих событий писал: «Русских начали убивать на улицах, запирали в тюрьмы и концлагеря, вообще притесняли всеми способами. С беженцами из Петроградской губернии, число коих было более 10 тыс., обращались хуже, чем со скотом. Их заставляли сутками лежать при трескучем морозе на шпалах железной дороги. Масса детей и женщин умерли. Все переболели сыпным тифом. Средств дезинфекции не было. Врачи и сестры при таких условиях также заражались и умирали. Вообще картина бедствия такова, что если бы это случилось с армянами, а не с русскими, то вся Европа содрогнулась бы от ужаса».

Вероятно, в благодарность за подобное обращение со своими врагами по Тартускому мирному договору боль-

шевики уступили Эстонии около тысячи квадратных километров собственно русских (псковских) земель.

Что касается Юденича, то ему припомнили упорство, проявленное при обсуждении вопроса об эстонской независимости. Генерал был арестован и отпущен лишь по настоянию французов.

Некоторое время он проживал в английской миссии, а затем эмигрировал сначала в Великобританию, затем во Францию. Перед отъездом он выдал ордера на подотчетные ему денежные суммы (227 тыс. фунтов стерлингов и 115 млн эстонских марок). Все эти средства он просил израсходовать на обеспечение бывших чинов Северо-Западной армии.

За границей Николай Николаевич почти полностью устранился от участия в политической жизни русской эмиграции. Однако через газеты он продолжал внимательно следить за событиями в Советской России. Скончался Юденич в Каннах 5 октября 1933 г.

ЗИНОВЬЕВ

Григорий Евсеевич Радомысльский родился в 1883 г. в городе Елизаветграде Херсонской губернии в семье еврейского предпринимателя средней руки. Отец его владел молочной фермой и сумел дать сыну хорошее домашнее образование. В 14 лет юноша стал подрабатывать платными уроками. Чуть позже он увлекся марксизмом, принял участие в деятельности местных социалистических кружков и даже вступил в РСДРП (в 1901 г.).

В 1903 г. Григорий Радомысльский выехал за границу для продолжения учебы. Несмотря на успешную сдачу экзаменов в Бернский университет (Швейцария), пылкий молодой человек предпочел карьеру профессионального революционера. Именно тогда он впервые встретился с В. И. Лениным — человеком, знакомство с которым определило всю его дальнейшую судьбу.

Весной 1906 г. под псевдонимом Зиновьев начинающий большевик приезжает в столицу Российской империи и с го-

ловой погружается в революционную работу. В рабочих кварталах за Московской заставой известность молодого агитатора была столь велика, что даже принесла ему новый партийный псевдоним — Григорий Московский. Более того, Зиновьев вошел в состав Петербургского комитета РСДРП, от имени которого выступил делегатом на V съезде партии (в Лондоне в 1907 г.).

Блестящий ораторский талант обеспечил Григорию Евсеевичу избрание в члены Центрального Комитета. Тем самым он сразу же выдвинулся на авансцену российской социал-демократии как один из наиболее ярких деятелей ленинского крыла партии. Однако его личный триумф совпал с общим спадом революционного движения. По возвращении в Петербург, во время одного из нелегальных собраний на Васильевском острове, Зиновьев был арестован и заключен в тюрьму (весна 1908 г.).

Через несколько месяцев большевикам удалось добиться его освобождения при помощи известного адвоката Д. В. Стасова. Выйдя из заключения, Григорий Евсеевич спешно покинул Россию и прибыл в Женеву, где вскоре стал одним из ближайших соратников В. И. Ленина.

В годы эмиграции Зиновьев много публиковался на страницах партийной печати. На пару с Ильичем он составил так называемое Заграничное бюро ЦК большевиков и активно участвовал в подготовке и проведении VI Пражской конференции РСДРП (1912 г.).

В годы Первой мировой войны на Циммервальдской и Кинтальской международных социалистических конференциях тандем Ленина и Зиновьева настойчиво выступает за «прекращение империалистической бойни». Столь ярко выраженная антивоенная позиция привела к тому, что после Февральской революции кайзеровское правительство активно содействовало возвращению большевистских лидеров в Россию через территорию Германии.

3 апреля 1917 г. знаменитый состав с «пломбированным вагоном» прибыл на Финляндский вокзал Петрограда. Однако на Родине между двумя соратниками возникли довольно острые политические разногласия: так, на 7-й Все-

российской конференции РСДРП(б) Григорий Евсеевич выступил против предложенного Ильичем курса на вооруженное восстание. Тем не менее в июле 1917 г. Зиновьев наряду с Лениным был объявлен немецким агентом и укрылся в Разливе.

После неудачного корниловского мятежа Григорий Евсеевич возвратился в Петроград и на заседаниях ЦК 10 и 16 октября (вместе с Каменевым) вновь отказался поддерживать план вооруженного переворота. Свое несогласие Зиновьев выразил через «непартийную» прессу. Ленин расценил подобный демарш как измену, однако после прихода большевиков к власти недавний «предатель» вполне благополучно примкнул к победившему лагерю.

В новом большевистском правительстве Л. Д. Троцкий получил пост народного комиссара по иностранным делам и целиком погрузился в подготовку мирных переговоров с Германией. 13 декабря Зиновьев сменил его на посту председателя Петросовета.

Поскольку первый раунд Брестских переговоров закончился неудачей, в феврале 1918 г. немцы перешли в масштабное наступление. На закрытом заседании Совнаркома, несмотря на категорические возражения Зиновьева, было принято решение о переезде правительства из Петрограда в Москву.

Следует отметить, что для самого Григория Евсеевича решение это имело довольно благоприятные последствия, поскольку перенос в Москву центральных правительственных учреждений превратил его самого и возглавляемый им Петросовет в полновластных хозяев колыбели революции.

Авторитет Зиновьева в Петрограде был столь высок, что никто из местных руководителей даже близко не мог соперничать с ним по влиянию и популярности. Те же, кто неосторожно пытался отнять «толику власти» у Григория Евсеевича, довольно быстро расставались со своими должностями. Не случайно за время его наместничества сменилось девять секретарей Петроградского комитета партии, одиннадцать начальников губернской ЧК и бесчисленное число на-

чальников местной милиции. При помощи подобной ротации кадров Зиновьев целенаправленно окружал себя когортой преданных сподвижников. В этой команде особенно выделялась супруга самого Григория Евсеевича и по совместительству член Президиума Петросовета З. И. Лилина, прославившаяся своими многочисленными, хотя и весьма неоднозначными, «подвигами» на «культурном фронте».

В годы Гражданской войны Петроград стал ареной деятельности многочисленных антибольшевистских организаций. Летом 1918 г. эсерами были убиты начальник агитпропотдела Союза коммун Северных областей В. Володарский (Гольдштейн) и начальник Петроградской ЧК М. С. Урицкий. Зиновьев и его подчиненные ответили настоящей лавиной «красного террора», жертвой которого становились не только «скрытые белогвардейцы», но и вполне лояльные интеллигенты, предприниматели, священнослужители. Тем не менее вплоть до 1921 г. главной заботой Григория Евсеевича была борьба не с внутренней, а с внешней контрреволюцией.

Брестский мир (март 1918 г.) привел к ликвидации германской угрозы, однако в соседних Финляндии и Эстонии возникли собственные белые правительства. Для защиты бывшей столицы империи от ее бывших же колоний пришлось создать 7-ю советскую армию, членом Реввоенсовета которой стал Зиновьев.

По признанию Л. Д. Троцкого, эта армия была «...самой слабой, самой бессильной в ряду многочисленных армий Советской республики». К началу 1919 г. лишь ценой больших усилий ее части смогли остановить эстонцев на реке Нарве. Однако тут же возникла новая опасность: из Финляндии выступила 2-тысячная Олонецкая добровольческая армия. В колыбели революции появление этого «игрушечного» войска вызвало настоящую панику. На повестку дня встал вопрос об эвакуации Петрограда и Кронштадта.

До эвакуации дело не дошло: натиск «добровольцев» благополучно отразили и вновь переключили все внимание на границу с Эстонией. Здесь прибалты объединили

свои усилия с Северо-Западной армией генерала А. П. Родзянко. 17 мая при поддержке 1-й эстонской дивизии и во взаимодействии с английской эскадрой адмирала У. Коэна белогвардейцы овладели Ямбургом. Ровно через неделю отряд Булак-Балаховича выбил красных из Пскова. В дополнение ко всему бывший поручик Неклюдов поднял восстание на фортах Красная Горка и Серая лошадь.

Зиновьев явно «не тянул», и на помощь ему из Москвы прибыла специальная комиссия во главе со Сталиным и заместителем председателя ВЧК Петерсом. Понятно, что комиссия в таком составе тут же прочистила Петроград новой волной «красного террора». Была проведена дополнительная мобилизация «всех имеющихся в наличии резервов».

Здесь судьба в очередной раз улыбнулась большевикам. Родзянко рассорился с эстонцами, а большевики получили время для того, чтобы подтянуть к Красной Горке корабли Балтийского флота. После трехсуточного обстрела крупной судовой артиллерией гарнизон мятежного форта взорвал укрепления и отошел к белым. 7-я армия вновь активизировала свои действия и прижала противника к эстонской границе.

Правда, уже через пару месяцев белогвардейцы полностью оправались от поражения. Северо-Западная армия пополнилась новыми добровольцами, а во главе ее вместо сравнительно молодого и горячего Родзянко стоял такой опытный военачальник, как Н. Н. Юденич.

Как писал один из участников этих событий знаменитый русский писатель А. И. Куприн, «страшная стремительность, с которой Северо-Западная армия рванулась на Петербург, действительно вряд ли имела примеры в мировой истории, исключая разве легендарные суворовские марши...».

И вновь председатель Петросовета Зиновьев оказался не на высоте положения. Прибывший «спасать город» глава Красной армии Л. Д. Троцкий весьма нелестно отозвался о тогдашнем поведении Григория Евсеевича: «...в благоприятные периоды, когда, по выражению Ленина, “нечего

было бояться”, Зиновьев очень легко взбирался на седьмое небо. Когда же дела шли плохо, Зиновьев ложился обычно на диван, не в метафорическом, а в подлинном смысле, и вздыхал... На этот раз я застал его на диване».

Благодаря огромному численному превосходству и всесокрушающей энергии Троцкого к концу октября 1919 г. удалось достичь перелома в ходе боевых действий. Армия Юденича откатилась в Эстонию, правительство которой поспешило заключить с Советской Россией договор о мире и взаимном признании.

Большинство современников считали, что именно Троцкий, а не Зиновьев спас Петроград осенью 1919 г. Прекрасно зная о таких разговорах, Григорий Евсеевич, несомненно, завидовал славе «красного Бонапарта».

После окончания Гражданской войны большую часть своего времени Зиновьеву приходилось делить между петроградскими делами и руководством Коминтерном. Обострившаяся болезнь Ленина привела к борьбе за власть между Троцким и альянсом Зиновьева, Каменева и Сталина.

На какое-то время Григорий Евсеевич превратился если не в фактического вождя партии, то по крайней мере в ее формального лидера. Во всяком случае именно он выступал с политическим докладом ЦК на XII (1923 г.) и XIII (1924 г.) съездах партии; на предыдущих съездах подобные доклады были исключительной прерогативой Ленина.

Смерть «дорогого Ильича» заставила Зиновьева выдвинуть две инициативы по увековечению его памяти. Первая из них — переименование Петрограда в Ленинград — тут же была претворена в жизнь, вторая — установка статуи Ленина на Александрийской колонне — к счастью, так и осталась нереализованной.

С кончиной Ленина на вакантное место главы партии и государства остались только два реальных претендента — Зиновьев и Сталин (позиции Троцкого были подорваны предшествующей борьбой, Каменев же предпочитал следовать «зиновьевской линией»). Решающая схватка разгорелась на XIV съезде РКП(б), где Сталин и его сторон-

ники сумели нанести полное поражение возглавленной Зиновьевым новой оппозиции.

Дальнейшие события развивались стремительно. Под предлогом борьбы с фракционностью Сталин добился снятия Зиновьева с поста председателя Ленсовета и Исполкома Коминтерна (1926 г.), а также выведения его из состава Политбюро (1927 г.). В короткое время политическое значение Григория Евсеевича сошло на нет.

Дважды (в 1927 и 1932 гг.) он исключался из партии, но затем восстанавливался. Последний удар настиг его в декабре 1934 г. Убийство первого секретаря Ленинградского обкома С. М. Кирова породило миф о том, что идейными вдохновителями этого преступления являются бывшие вожди новой оппозиции. В результате Зиновьева осудили на 10-летнее тюремное заключение. Сталина этот приговор не устроил, и вскоре последовал новый процесс с заранее определенным результатом. 24 августа 1936 г. бывший соратник Ленина и бывший председатель Петровета был приговорен к расстрелу по делу «Троцкистско-зиновьевского террористического центра».

Борьбу за Петроград осенью 1919 г. нельзя назвать поединком равных противников. Во главе белых мы видим выдающегося стратега и тактика, опытного и решительного боевого генерала. Со стороны красных ему противостоит матерый политик и талантливый демагог, незнакомый с азами военного искусства и к тому же не блещущий самообладанием. Тем не менее победа вновь осталась за большевиками. Решающую роль сыграли умелая пропаганда, громадное численное превосходство и готовность не считаться с жертвами во имя достижения поставленной цели. Юденичу же в данном случае предстояло на собственном примере убедиться в том, что законы Гражданской войны весьма отличались от тех правил, которые ему преподавались в военной академии.

Глава 17

ГОРОДА В ПУСТЫНЕ

В 1918—1919 гг. Семиречье (юго-восток Казахстана и Киргизстан) считалось периферией Гражданской войны. Лишь после побед над Колчаком и Деникиным большевики вплотную занялись среднеазиатским «медвежьим углом». В начале 1920 г. здесь появилась красная дивизия Ивана Белова. Ей противостояло весьма разношерстное воинство из казаков и казахских националистов. Командовал этой «армией» один из самых зловещих представителей Белого движения атаман Борис Анненков.

АННЕНКОВ

Борис Владимирович Анненков родился в 1890 г. в фамильном поместье под Киевом, в семье потомственных дворян. В числе его предков значились декабрист Иван Анненков и последовавшая за ним в Сибирь француженка Полина Гебль. История этой пары влюбленных стала основой для романа А. Дюма «Учитель фехтования» и фильма В. Мотыля «Звезда пленительного счастья». Что касается их потомка, «хозяина Семиречья», атамана Анненкова, то его биография вполне органично смотрелась бы в другом произведении А. Дюма — цикле очерков «История знаменитых преступлений»...

Окончив Одесский кадетский корпус и Московское Александровское училище, Анненков с 1908 г. служил

в Туркестане. В Первую мировую войну со своей сотней он отважно партизанил по немецким тылам, получив за отвагу такие почетные награды, как Георгиевский крест 4-й степени и наградное Георгиевское оружие. В районе Пинских болот его люди не раз пересекались с еще одним партизанским отрядом, которым командовал другой не менее лихой командир есаул А. Г. Шкуро. Однако, если эмблемой «шкурят» стала голова волка, Борис Владимирович отдал предпочтение черепу с костями, или «Адамовой голове» — символу жертвенности и самоотречения.

В своем отряде есаул Анненков насаждал дух товарищества, а его подчиненные называли друг друга не иначе, как брат. Впрочем сам Борис Владимирович был для них не столько братом, сколько отцом, причем отцом довольно суровым. Дисциплина в его сотне была железной, и не удивительно, что когда после Февральской революции армию захлестнула волна дезертирства, анненковцам в числе других наименее разложившихся подразделений поручили нести полицейско-комендантскую службу в тыловых городах Западного фронта (Осиповичах, Барановичах, Слуцке).

В феврале 1918 г. большевики предписали Борису Владимировичу разоружить свой отряд и отправиться с ним в Омск для последующего расформирования. Однако, прибыв к месту назначения, Анненков все еще пытался сохранить сотню как боеспособное соединение. После того как часть бойцов все же разбрелась по домам, атаман вместе с немногими верными людьми налетел на здание войскового штаба и, захватив хранившуюся там реликвию — знамя Ермака, ушел партизанить в Прииртышские степи.

К маю 1918 г. в его отряде насчитывалось порядка 200 сабель. Мятеж «белочехов» активизировал антибольшевистское движение, и уже летом анненковцы стали довольно значительной силой. Верховный правитель адмирал Колчак присвоил Борису Владимировичу звание генерал-майора и назначил командующим отдельной Семиреченской армией. На черном знамени этой армии

красовались все тот же череп со скрещенными костями и под ними надпись: «С нами Бог!».

Действовал Анненков в Северном Казахстане и Западной Сибири, причем воевал он не столько против регулярных частей Красной армии, сколько против различных полупартизанских формирований. При этом Борис Владимирович умело играл на национальных противоречиях между русскими крестьянами-поселенцами и коренным казахским населением. Сам же атаман был в известной степени космополитом: в его армии существовали не только соединения из русских, казаков или казахов, но даже интернациональные сотни из сербов, венгров, китайцев, афганцев.

Грабежи среди анненковцев не практиковались, за все взятое они расплачивались по рыночной стоимости, однако населению от этого было не легче. Любую «красноту» Борис Владимирович искоренял со страшной жестокостью; так, при одном только подавлении восстания в Славгороде его люди вырезали до полутора тысяч местных крестьян.

Сам Анненков разъезжал по краю на бронепоезде собственного имени, причем в одном из вагонов этого состава содержались захваченные в плен ненавистные комиссары. В пути узников постоянно пытали и время от времени расстреливали, заменяя на «свеженьких». Среди заключенных «вагона смерти» уцелели лишь трое. Двое из них впоследствии были казнены большевиками по обвинению в провокаторстве. Третьего — Кузьму Галето — в 1928 г. едва не постигла аналогичная участь, однако жена его на суде заявила, что «добилась освобождения Галето из-под ареста, отдавая себя ради спасения Галето в руки сначала адъютанта Анненкова, а затем самому Анненкову, которые использовали Романову Н. И. как женщину»...

В апреле 1919 г. вместе с местными националистами (из «Алаш-орды») Анненков ликвидировал Советскую власть в Центральном Казахстане (взял Аягуз и Павлодар) и присоединил к своим «владениям» Тургайскую область. Правда, уже летом большевики начали полномас-

штабное наступление на Восточном фронте. Анненков считал возможным отослать на помощь Колчаку два своих кавалерийских полка — так называемых «черных гусаров» и «голубых уланов». Вырвавшись из-под бдительного атаманского ока, анненковцы устроили грабежи в Петропавловске и утихомирились лишь после того, как властям пришлось расстрелять 16 человек зачинщиков. Понятно, что до фронта ни «гусары», ни «уланы» так и не добрались.

Осенью 1919 г. большевики вплотную занялись атаманом. Самому Анненкову пришлось отбиваться от наседавших с севера частей Туркестанского фронта. Одновременно другая часть Семиреченской армии, состоявшая из казаков генерала Щербакова, противостояла наступающей с юга дивизии Белова.

В войсках белых начались дезертирство и открытые мятежи. Чтобы усмирить одну из бригад, «хозяину Семиречья» пришлось (по советским данным) перебить более 3 тыс. человек. Но даже «драконовские меры» не могли выправить ситуацию.

Анненков отошел в Лепсинский уезд — в промежуток между озерами Балхаш, Сасыколь и Алаколь. Благодаря этому ему удалось сузить линию фронта до относительно небольшого пространства в 100 км. Однако в марте 1920 г. сдалась обороняемая казаками Щербакова горная крепость Копал. Оставшись без прикрытия с тыла, атаман начал отступать в Китай.

Остатки его войска с боями прошли 200 верст по безводной степи. Дисциплина стремительно падала, и Борис Владимирович решил устроить своим людям проверку. Неподалеку от Джунгарских ворот на границе с Китаем атаман приказал самому преданному Оренбургскому казачьему полку вернуться немного назад и устроить засаду. Правда, засада эта предназначалась вовсе не для красных.

Через пару часов Анненков обратился к подчиненным. Сообщив, что вскоре они пересекут границу с Китаем, атаман тут же предупредил: «...Слабым духом и здоровьем там не место. Кто хочет оставаться у большевиков, пусть остается. Не бойтесь ничего и ждите нашего воз-

вращения. Тому, кто пойдет с нами, возврата не будет. Думайте и решайте теперь же!».

Самые доверчивые попались на эту удочку: «Не суди нас, атаман-брат, что мы уйдем от тебя. Но мы клянемся тебе, что не встанем в ряды врагов твоих!». Спешившиеся казаки целовали стремя «брата-атамана», складывали оружие и пу-скались в обратный путь. А в ближайшем ущелье все они полегли под огнем сидевших в засаде «оренбуржцев»...

В Китае войско Анненкова расположилось в провинции Синьцзян на реке Боро-Тала. Местный губернатор не желал ссориться с большевиками и потребовал от беглецов либо разоружиться, либо передислоцироваться на Дальний Восток, к атману Семенову. Борис Владимирович тянул время, но как раз время-то и работало против него.

Все большее количество казаков выражали желание вернуться в Россию. Анненков вроде бы не возражал и направлял дезертиров в несуществующий город Карагач, где уже якобы были заготовлены подводы, на которых их отвезут на Родину. По дороге верные анненковцы разбивали реэмигрантов на группы по 100—120 человек и уничтожали. Использование подобных методов привело к тому, что в июле 1921 г. у Анненкова осталось всего 670 сабель.

Большевики между тем усилили давление на губернатора Синьцзяна, и тот в конце концов приказал арестовать атамана. Справедливости ради отметим, что и сами анненковцы дали для этого неплохой повод, устроив грабежи и вступив в бой с китайским отрядом.

Три года отсидел Анненков в тюрьме города Урумчи. Политическая ситуация в Китае за это время запуталась до невозможности. Фактически страна распалась на самостоятельные провинции, в каждой из которых сидел свой феодальный князек — какой-нибудь местный генерал или губернатор. Одни из них ориентировались на дружественную российским большевикам партию Гоминьдан, другие — на англичан или американцев, третьи — на японцев. Общим у этих генералов и губернаторов было лишь то, что все они отличались воинственностью, а потому и в исторической литературе их частенько именуют милитаристами...

Видимо, рассчитывая использовать Анненкова, японцы добились освобождения его из-под стражи (февраль 1924 г.). Вместе со своим начальником штаба генерал-майором Н. А. Денисовым атаман поселился в 50 верстах от Ланьчжоу, где занялся разведением дорогостоящих пород лошадей. Однако чекисты не упускали Анненкова из виду и с беспокойством следили за его контактами с японцами. В составленной на Бориса Владимировича справке отмечалось, что он «человек быстрого и хорошего ума и громадной личной храбрости, остроумный, жестокий и ловкий... Хорошо владеет китайским языком, имеет средства и хорошо себя держит — это тип лихого казака».

Места, в которых проживал Анненков, контролировались войсками союзника Гоминьдана маршала Фэн Юй Сяна. Советником китайского военачальника был комкор Красной армии и бывший «червонный казак» В. М. Примаков (псевдоним Лин). Именно через него чекисты проинформировали Фэна, что Анненков контактирует с двумя его заклятыми врагами — генералами Чжан Цзо Лином и У Пэйфу. Естественно, маршал был взбешен и дал добро на арест атамана.

В декабре 1925 г. Фэн вызвал Анненкова и Денисова в Ланьчжоу и, обвинив их в связях со своими соперниками, заявил, что теперь они будут жить у него «под присмотром». 4 марта следующего года маршал, вроде бы «смиловившись», назначил Бориса Владимировича советником в штаб своего союзника Чжан Шудаяна. Анненков и Денисов отбыли к новому «месту службы» в Калган, где 31 марта и были арестованы на своей квартире группой советских чекистов. Вся операция прошла под руководством самого Примакова, а также прибывшего из Москвы «специалиста» С. П. Лихаренко.

Без шума и пыли Анненкова и Денисова вывезли из Китая в Россию. Суд над ними большевики превратили в громкий показательный процесс. Жители Семиреченской области помнили о зверствах анненковцев и встречали поезд с арестованными транспарантами «Где Анненков? Дайте его нам!». Сам процесс проходил в июле-августе

1927 г. в Семипалатинске, и, разумеется, оба подсудимых были приговорены к смерти. Борис Владимирович прекрасно понимал, что рассчитывать ему не на что. 13 августа (за 9 дней до казни) он написал письмо, которое завершалось словами: «Я должен уйти из жизни и уйду с сознанием того, что я получил по заслугам».

БЕЛОВ

Иван Панфилович Белов родился в 1893 г. в Туркестане в семье русских крестьян-переселенцев. В Первую мировую войну он был призван в армию и довольно быстро дослужился до унтер-офицера. После ранения Иван Панфилович попал в госпиталь, а затем был направлен в Туркестан, в одну из тыловых частей.

В качестве младшего командира ему предстояло воспитывать новобранцев. Однако наступившая в 1917 г. смута, мягко говоря, не очень способствовала выполнению этой задачи. Белов начал выступать на митингах и даже примкнул к тогдашним союзникам большевиков — левым эсерам.

14 ноября 1917 г., вслед за другими крупными центрами, Советская власть была установлена и в главном городе Средней Азии — Ташкенте. Однако по мере развертывания Гражданской войны у большевиков в Туркестане появлялись все новые и новые противники. На севере связь с остальной Россией была перерезана войсками атамана Дутова. В Семиречье набирал силу другой атаман — Анненков. На юге в Туркмении при помощи англичан было создано Закаспийское временное правительство. Явно не симпатизировали красным считавшиеся независимыми феодальные государства — Бухара и Хива. И, наконец, на базе борьбы за традиционные «исламские ценности» зародилось басмаческое движение.

Командуя в этот период различными отрядами, Белов сделал первые шаги в своей полководческой карьере. В марте 1918 г. он стал начальником гарнизона и комендантом Ташкентской крепости. Через два месяца на 5-м краевом съезде Советов было провозглашено создание Туркестан-

ской советской республики. Затем началось строительство армии «нового государства». Разрозненные части Красной гвардии были подчинены единому Военно-революционному штабу, в котором Иван Панфилович занял должность заместителя главнокомандующего.

Звездным часом Белова стал так называемый Ташкентский мятеж. 19 января 1919 г. тогдашний военный комиссар Туркестана левый эсер К. П. Осипов пригласил «на совещание» высшее руководство республики — председателя Туркестанского ЦИКа Вотинцева, председателя Совнаркома Фигельского и еще 12 человек. В казармах бывшего 2-го Сибирского полка все они были арестованы и практически немедленно расстреляны.

Выступив под лозунгом созыва краевого Учредительного собрания, Осипов привлек на свою сторону не только значительную часть гарнизона, но и своих бывших противников — басмачей и белогвардейцев. Более того, за его спиной стояли и иностранцы — английские разведчики Бейли и Эдвардс, американский консул Тредуэлл и даже агенты эмира бухарского.

Используя фактор внезапности, мятежники захватили практически весь город. Большевики удержались лишь в Доме свободы (главном административном здании республики) и железнодорожных мастерских. В этой ситуации все зависело от гарнизона крепости и его начальника — Белова. Иван Панфилович, как и Осипов, был левым эсером, а всего полгода назад эта партия фактически была разогнана большевиками. Не удивительно, что глава мятежа рассчитывал на Белова, допустив тем самым свою главную роковую ошибку...

Иван Панфилович быстро собрал в кулак все еще верные большевикам части — 4-й Туркестанский полк, Оренбургскую школу военных инструкторов, Первые туркестанские командные курсы. Поняв, что рассчитывать на Белова не приходится, Осипов попытался взять крепость, но потерпел неудачу.

Уцелевшие коммунисты (А. А. Казаков, Д. И. Манжаре, Н. И. Ходжаев, М. Миршарапов, П. И. Ильясов,

С. З. Рубцов) создали Временный ревком и приступили к формированию отрядов из рабочих и местных жителей. Все они также перешли в ведение Белова, и к утру 21 января мятежников удалось выбить из города. Прихватив золото из Ташкентского банка, Осипов начал прорываться в Бухару. Несколько недель Иван Панфилович со своими бойцами висел у него на хвосте, однако добить противника и вернуть ценности так и не смог.

Тем не менее в Ташкент Белов вернулся триумфатором. Сохраняя последовательность в своих действиях, он тут же вступил в большевистскую партию и уже в апреле 1919 г. стал главнокомандующим войсками Туркестанской республики.

Будучи человеком очень осторожным и расчетливым, Иван Панфилович избегал ввязываться в авантюры. Подобная позиция иногда приводила к конфликтам с местными руководителями. Так, уже в мае, вопреки советам Белова, глава Туркестанского Совнаркома Колесов попытался установить Советскую власть в Бухарском эмирате. На первый взгляд, ситуация здесь облегчалась тем, что по землям этого государства пролегла русская железная дорога, а вдоль нее располагались русские же поселки (Новая Бухара, Новый Чарджуй, Термез), пользующиеся правом экстерриториальности. Вдобавок в самой Бухаре действовала своеобразная «пятая колонна» — партия младобухарцев во главе с Ф. Ходжаевым.

Однако первая попытка покорить эмират закончилась неудачей. Во время переговоров бухарцы перебили представителей туркестанского ревкома и разгромили экспедиционный отряд красных. Главкому пришлось расхлебывать последствия поражения. Вдохновившись успехом, басмачи перешли в наступление и были остановлены Беловым лишь у Андижана.

В сентябре 1919 г. действовавшие на Урале войска Красной армии соединились с частями Туркестанской республики. Для установления полного контроля над Средней Азией был образован единый Туркестанский фронт во главе с победителем Колчака — М. В. Фрунзе. Иван Панфи-

лович перешел к нему в подчинение и возглавил только что сформированную 3-ю Туркестанскую стрелковую дивизию.

Белову предстояло ударить с юга по Семиреченской армии. Правда, на первом этапе ему предстояло иметь дело не с самим Анненковым, а с прикрывавшим его спину генералом Щербаковым.

Упреждая события, тот в январе 1920 г. первым перешел в наступление, но потерпел поражение и отступил в считающуюся неприступной горную твердыню Копал. 10 марта Иван Панфилович предпринял штурм крепости. Часть 3-й дивизии двинулась в лоб, а остальные подразделения попытались обойти Копал с тыла и флангов. Однако, пройдя по обледенелым горным тропам, бойцы вышли на позиции сильно замерзшими. Защитники крепости открыли огонь из 130 пулеметов, после чего красноармейцы попросту не решились идти на верную смерть.

К имевшим место случаям неповиновения Белов отнесся спокойно, решив взять твердыню измором. 20 марта кавалерийская бригада (из трех полков) обошла крепость, пытаясь отрезать единственный путь, по которому к белым могло прибыть подкрепление. Однако по дороге красные напоролись на шедшую в Копал подмогу. Начавшийся бой оказался неожиданным для обоих противников. Но прибывший к месту сражения Белов действовал лучше и оперативнее Щербакова.

Разгромленным казакам пришлось отступить сначала в станицу Арасанскую, а затем еще дальше — в Саркандскую. И здесь Белов прибег к дипломатии. Перед занятием Арасанской он призвал подчиненных воздерживаться от грабежей и щадить, тех кто сложит оружие. Сделанное им в приказе предупреждение, «все зависит от вас — или поможете прикончить фронт, или подтолкнете казаков на новую войну», подействовало на красных отрезвляюще. Вопреки уже сложившейся в Гражданской войне практике, при занятии Арасанской не было ни грабежей, ни расправ над пленными. Потрясенные местные жители тут же направили делегатов к своим землякам, сидевшим

в Копале. Вскоре крепость капитулировала, всего же в Семиречье красным сдалось около 6 тыс. казаков.

Весть о великодушии Белова больше, чем любые победы, подорвала мощь Семиреченской армии. Так и не сойдясь с Иваном Панфиловичем в открытом бою, Анненков предпочел укрыться в Китае.

Ради справедливости следует отметить, что «добросердечие» красного комдива диктовалась исключительно стратегической целесообразностью. При случае Белов мог действовать жестко и даже коварно. Эта его способность в полной мере проявилась во время событий в Верном (Алма-Ате) в июне 1920 г.

Гарнизон города состоял из бойцов все той же 3-й Туркестанской дивизии. Большинство из них были мобилизованными в Красную армию местными уроженцами и не проявляли ни малейшего желания воевать вдали от родных мест. Не удивительно, что, получив приказ идти в Фергану на борьбу с басмачами, солдаты взбунтовались и даже выдвинули политические лозунги (отмена продразверстки, борьба с «засильем туркмен» в местных органах власти). Мятежники сместили командиров и создали собственный ревком во главе с начальником верненской милиции Г. Чеусовым.

Белов и комиссар дивизии Д. Фурманов начали переговоры и даже пошли на частичное удовлетворение требований: несколько представителей восставших были введены в состав областного ревкома и Военного совета дивизии.

На какой-то момент мятежники потеряли бдительность, благодаря чему Иван Панфилович сумел тайно подвести из Семипалатинска и Ташкента надежные части (4-й кавалерийский полк своей же дивизии). В ночь на 19 июня вместе с Фурмановым Белов тайно покинул город. Утром он вернулся обратно, но уже в качестве карателя. 4-й полк практически без сопротивления разоружил восставших, а 12 руководителей мятежа были расстреляны по приговору военно-революционного трибунала.

После этого о нежелании воевать с басмачами никто даже не заикался. Под командование Белова перешла це-

лая группа войск, предназначенная для покорения Бухарского эмирата. Главными инициаторами нового похода были мечтавший о лаврах Тамерлана М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев. Что касается Ивана Панфиловича, то на его долю выпало непосредственное руководство операцией.

На сей раз к покорению Бухары красное командование подошло более основательно. Численность группировки составляла 17 тыс. бойцов, подкрепленных аэропланами, броневиками, бронепоездами. К тому же на территории русских поселков из недовольных эмиром была создана 7-тысячная Бухарская Красная армия.

28 августа в местечке Сахар-Базар агенты большевиков подняли народное восстание, после чего обратились за помощью к правительству Советского Туркестана. Памятуя о прошлогодней неудаче, некоторые ташкентские руководители предлагали ответить отказом. Однако эмир сам дал подходящий повод для вторжения, приказав своим войскам разрушить русскую железную дорогу.

Огнем из бронепоездов красные отогнали бухарцев от железнодорожного полотна, а войска Белова без особого труда преодолели 20 километров, отделявшие их от столицы эмирата. Правда, штурм самой Бухары оказался довольно долгим и кровопролитным. Город защищали 5-метровые стены с 11 воротами и 130 башнями. 30 августа при первом неудачном приступе войска Белова потеряли около 500 человек. Иван Панфилович подтянул резервы и приказал начать артиллерийский обстрел Бухары. 1 сентября через взорванный саперами пролом в стене в город вошли первые штурмовые отряды. К 6 вечера им удалось овладеть Мазари-Шарифскими и Каршинскими воротами. Наконец на следующий день после ожесточенного сопротивления пала цитадель Арке.

Победителям достались громадные трофеи. В Самаркандский банк отправился целый состав с сокровищами эмира, а бойцы Красной армии хвастались друг перед другом роскошными халатами и драгоценными саблями.

Бухарский эмират превратился в Бухарскую народную республику. Иван Панфилович получил орден Красного

Знамени и еще на несколько месяцев остался в Средней Азии. Впрочем, завершить ликвидацию басмачества ему так и не довелось, поскольку осенью 1920 г. он был отозван в Россию.

В марте 1921 г. Иван Панфилович принимал участие в ликвидации Кронштадтского мятежа, где и получил свой второй орден Красного Знамени. В дальнейшем большевистское руководство продвигало его как по армейской, так и по советской линии. Белов был членом ЦИК и Верховного Совета СССР, а также членом Военного совета при Наркомате обороны. В 1935 г. вместе с четырьмя другими военачальниками он получил звание командарма 1 ранга. На очереди было звание маршала...

Однако в 1938 г. Ивана Панфиловича расстреляли как врага народа. Трудно предположить, чем именно дисциплинированный и лишенный каких-либо политических амбиций Белов не угодил кремлевскому горцу. Однако из всех пяти командармов 1 ранга он был арестован и казнен последним.

Гражданские войны очень часто отличаются большим ожесточением, нежели войны обыкновенные. Сопровождающие их зверства приносят печальную известность фигурам, подобным атаману Анненкову. На фоне «хозяина Семиречья» Белов выглядит едва ли не образцом гуманизма и добросердечия. Что же касается полководческих дарований, то здесь достаточно перечислить города, связанные с этими двумя персонажами. Имя Белова ассоциируется с подавлениями мятежей в Ташкенте и Верном, обороной Андижана, взятием Копала и Бухары. А при имени Анненкова упоминается лишь один Карагач — несуществующий город смерти.

Глава 18

ДВА ЦВЕТА ВРЕМЕНИ

8 ноября 1920 г. решалась судьба Крыма — последнего оплота Белого движения. Под шквальным огнем красные отряды волна за волной накатывались на укрепления Турецкого вала и вновь отступали, оставив на земле сотни погибших. В жестоком смертельном бою схлестнулись воля и упорство двух выдающихся полководцев — Врангеля и Блюхера...

ВРАНГЕЛЬ

На протяжении трех веков Врангели служил Ливонскому ордену, еще полтора столетия — шведской короне. За исправную службу они получали титулы и земельные владения в Эстляндии и Лифляндии. Под Полтавой 13 Врангелей было убито, еще 7 умерли в плену. Впрочем, столь ощутимые потери отнюдь не помешали семейству принять русское подданство и тем самым сохранить свои прибалтийские имения. Впоследствии эта династия дала России многочисленных чиновников, военных и предпринимателей, а также одного отважного полярника и одного талантливого искусствоведа. Наибольшая же слава досталась на долю легендарного черного барона — генерала Петра Николаевича Врангеля.

Родился он 28 августа 1878 г. в городке Ново-Александровске Ковенской губернии (Литва). Детство провел в Ростове-на-Дону, где отец его, Николай Георгиевич, ис-

полнял обязанности директора страхового общества «Эквитэбль». Материальных затруднений семья не испытывала; недаром в служебной характеристике ротмистра Петра Врангеля начальство отмечало: «Обладает очень хорошими денежными средствами». Правда, прежде чем стать ротмистром, Петру Врангелю еще предстояло определиться с будущей профессией...

Поначалу юноша поступил в столичный Горный институт, по окончании которого был призван в армию. Высшее образование давало ему возможность служить всего год и при этом самому выбирать место службы. Через год вольноопределяющемуся предстояло сдать экзамен на офицера и затем, по выбору, либо остаться в армии, либо выйти в запас.

Барон Врангель отдал предпочтение лейб-гвардии Конному полку — элитной воинской части, офицеры которой весьма неохотно принимали чужаков в свою среду. В отличие от других новичков, он довольно быстро пришелся ко двору, однако через год все-таки вышел в запас в звании корнета гвардейской кавалерии.

Некоторое время Петр Николаевич служил чиновником при канцелярии иркутского генерал-губернатора, но с началом Русско-японской войны решил отправиться на фронт, для чего и вступил добровольцем в Забайкальское казачье войско. Здесь на полях Маньчжурии, участвуя в кавалерийских рейдах по тылам противника, он сделал свой окончательный выбор в пользу военной карьеры...

В 1907 г. Врангель вернулся в ряды столичной гвардии. После окончания Академии Генерального штаба Петр Николаевич получил чин ротмистра и должность командира эскадрона Его Величества в лейб-гвардии Конном полку. Тогда же удачно женился на дочери камергера императорского двора Ольге Михайловне Иваненко. От этого брака родились трое детей: две дочери — Елена и Наталья и сын Петр. Все складывалось на редкость удачно, и даже начавшаяся Первая мировая война отнюдь не огорчала Врангеля, поскольку открывала перспективы для дальнейшего карьерного роста.

6 августа 1914 г. лихой кавалерийской атакой эскадрон Его Величества выбил противника с позиций у местечка Каушен (Восточная Пруссия). Командир эскадрона барон Врангель был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, став самым первым за эту войну георгиевским кавалером среди офицеров. Петра Николаевича даже отозвали для награждения в столицу, где лично представили императору и пожаловали в должность флигель-адъютанта. С тех пор барон неоднократно общался с Николаем II и в результате этого знакомства еще более укоренился в своих твердокаменных монархических воззрениях.

Февральскую революцию Врангель встретил генерал-майором и командиром Уссурийской конной дивизии. Если верить мемуарам барона, в последующие полгода он вовсе не скрывал ни своего сочувствия свергнутому государю, ни солидарности с мятежником Корниловым. Тем не менее репрессии против монархически настроенного офицерства его никак не коснулись. После большевистского переворота Врангель тихо удалился в ялтинское имение своей жены, но здесь все-таки едва не попал под жернова красного террора. 11 января 1918 г. он был арестован и предстал перед трибуналом. Его жена присутствовала на процессе и столь пылко защищала своего супруга, что Врангеля освободили в зале суда. В эту же ночь в Ялте расстреляли более ста контрреволюционеров...

В начале сентября 1918 г. Петр Николаевич появился в Екатеринодаре, где вступил в ряды Добровольческой армии. Деникин назначил его командиром 1-й конной дивизии, действовавшей на Майкопском направлении. Надо сказать, что лавров здесь он отнюдь не снискал. У реки Чамлык, обходя красных с тыла, Врангель сам угодил в ловушку. Попытка выправить положение лихим кавалерийским наскоком привела к поражению и тяжелым потерям. В другой раз у реки Уруп ему вообще пришлось пешком убегать от красных по кукурузному полю. Противник захватил два орудия и благополучно ретировался еще до того, как пылавший мстью барон сумел организовать контратаку.

Тем не менее Петр Николаевич умел учиться на поражениях. 26 октября совместно с частями генерала Казановича 1-я конная дивизия взяла Армавир, а через месяц ее действия решили судьбу Ставрополя.

Врангель стремительно рос как военачальник. Он получил звание генерал-лейтенанта. Возглавил сначала корпус, потом войсковую группу и, наконец, Кавказскую Добровольческую армию, которая в июне 1919 г. овладела Царицыном. Правда, к этому времени «красный Верден» в значительной степени уже утратил свое стратегическое значение. Армии Колчака откатывались на восток, и возможность соединиться с ними через Царицын становилась весьма иллюзорной. И все же Врангель продолжал настаивать на том, что именно его направление является главным. Деникину же более перспективным представлялся удар на Москву через Украину. Теперь уже трудно судить, кто был более прав в этом споре, но именно после взятия Царицына между Врангелем и Деникиным пробежала черная кошка...

Провал наступления на Москву привел к отставке Деникина (3 апреля 1920 г.) и вступлению Врангеля на пост главнокомандующего вооруженными силами Юга России (ВСЮР). В короткое время ему удалось выправить считавшееся почти безнадежным положение. Разбитые и деморализованные войска ВСЮР были отведены в Крым и преобразованы в Русскую армию. Сформированное при Врангеле правительство А. В. Кривошеина приняло довольно демократический «Закон о земле» и одновременно занялось налаживанием в Крыму нормальной хозяйственной жизни. Правительство это было признано Францией, что само по себе стало единственным фактом признания белогвардейского правительства со стороны иностранной державы (даже верховный правитель Колчак не удостоился подобной чести).

В начале июня врангелевские войска перешли в наступление и вырвались из Крыма на просторы Таврии. Перед большевистским правительством вновь замаячила перспектива полномасштабной Гражданской войны, а в репер-

туаре красноармейцев появилась новая песня «Белая гвардия, черный барон снова готовят нам царский трон...».

В июле—сентябре 1920 г. Русская армия пробивалась на восток к опорным базам контрреволюции — Дону и Кубани. При этом над тылом врангелевских войск как дамклов меч нависал Каховский плацдарм, защищавшийся 51-й дивизией Блюхера. Пытаясь отрезать черного барона от Крыма, красные трижды переходили в контрнаступление и трижды терпели неудачи. Четвертая попытка завершилась частичным успехом. Правда, полного окружения не получилось. По отзыву командующего Южным фронтом М. В. Фрунзе, «во всех позициях полугодичной борьбы Врангель как командующий в большинстве случаев проявлял и выдающуюся энергию, и понимание обстановки. Что касается подчиненных ему войск, то о них приходится дать безусловно положительный отзыв». Тем не менее в начале ноября белым все-таки пришлось отойти в Крым потеряв убитыми, ранеными и пленными более половины своего состава. В распоряжении Врангеля оставалось около 22—23 тыс. боеспособных штыков, 120 орудий, 750 пулеметов. Силы противника были примерно в 4—5 раз больше, и теперь они готовились к решающему штурму «белого острова».

В ночь на 8 ноября части красных вброд переправились через Сиваш и попытались закрепиться на северном побережье Крыма. Оправившись от неожиданности, врангелевцы перешли к контратакам, в это же время в Сиваш начала прибывать вода, и небольшие десантные отряды оказались отрезанными от подкреплений. Исход операции повис на волоске, однако после суток упорных боев дивизия Блюхера сумела овладеть Турецким валом. Красные войска неудержимым потоком хлынули в Крым...

И все же Врангелю удалось эвакуировать большую часть своей армии и многочисленных гражданских беженцев. Около 145 тыс. человек на 126 русских и иностранных судах сумели добраться до берегов Турции. Очевидцы называли эту грандиозную эвакуацию «исходом Белой России», сравнивая ее с библейским исходом ев-

реев из Египта. Врангелю в данном случае отводилась роль Моисея.

Русская армия обосновалась на полуострове Галлиполи под Константинополем. Черный барон пытался сохранить ее как боевую силу и продолжал носить звание главнокомандующего. Однако западные державы в этой силе уже не нуждались и тем более не желали содержать ее за свой счет. Некоторые эмигранты вернулись на Родину, остальные разъехались по Европе, отдавая предпочтение Франции и славянским странам (Болгарии, Югославии, Чехословакии). Большинство из тех, кто так и не принял Советскую власть, вошли в созданный Врангелем Русский общевоинский союз (РОВС).

Вплоть до самой своей смерти Петр Николаевич оставался для большевиков головной болью. Вероятно, чекисты планировали и даже предпринимали попытки его ликвидации. Так, 15 января 1921 г. на рейде Босфора яхта Врангеля «Лукулл» была протаранена итальянским пароходом «Адрия». Самого барона на борту не оказалось, погиб стоявший на вахте мичман Сапунов. В ходе последующего судебного процесса итальянцы сослались на ошибку лоцмана и отделались символическим наказанием.

Врангель переехал в Сербию, затем в Бельгию. По свидетельству очевидцев, он не раз говорил об опасности отравления, и поэтому смерть его, последовавшая в Брюсселе 25 апреля 1928 г., вызвала немало слухов и предположений. Причиной кончины энергичного 40-летнего генерала называлась некая не совсем понятная инфекция, «пробудившая скрытый туберкулез в верхушке левого легкого». Учитывая, что к этому времени чекисты уже имели достаточный опыт по ликвидации вождей контрреволюции, версия об отравлении представляется вполне обоснованной...

6 октября 1929 г. доставленное из Брюсселя тело Петра Николаевича Врангеля было захоронено в Белграде в православном храме Святой Троицы. В церемонии прощания участвовали его многочисленные соратники по Белому движению, а также части сербской армии.

БЛЮХЕР

В начале XIX в. большой популярностью в России пользовался прусский фельдмаршал Гебхарт Леберехт Блюхер. Во время коалиционных войн с Наполеоном он не раз командовал союзными русско-прусскими армиями, причем недостаток полководческих способностей бравый фельдмаршал с лихвой компенсировал отвагой и упорством. Именно за эти качества немецкий вояка завоевал у наших соотечественников лестное прозвище генерала Вперед.

Прадед нашего героя простым солдатом участвовал в Отечественной войне 1812 г. и вернулся в свою ярославскую деревню с Георгиевским крестом и другими наградами. Именно тогда не то односельчане, не то помещик в шутку прозвали его Блюхером. По иронии судьбы, правнук ярославского Блюхера действительно стал полководцем и даже унаследовал некоторые черты своего прусского тезки — его храбрость, напористость и, к сожалению, некоторую ограниченность в вопросах большой стратегии.

Родился Василий Константинович Блюхер 18 ноября 1890 г. в деревне Барщинке Рыбинского уезда Ярославской губернии, в простой крестьянской семье. Отучившись две зимы в местной церковно-приходской школе, он был рано поставлен перед необходимостью самому зарабатывать себе на хлеб. Крестьянский паренек отправился в столицу, где устроился работать в мануфактурном магазине купца Клочкова. Здесь ему не понравилось, и Василий Блюхер перешел рабочим на Франко-русский завод. Затем он поменял несколько предприятий, а в 1910 г., будучи слесарем на Мытищинском вагоностроительном заводе, был арестован за призыв к забастовке. По приговору суда отсидел два года и восемь месяцев в Бутырской тюрьме. Выйдя на свободу, успешно закончил подготовительные курсы при народном университете Шанявского, но поступить туда не успел. Началась Первая мировая война, и Блюхер отправился на фронт рядовым 19-го Костромского полка.

Сражался в команде так называемых «охотников» (разведчиков). Вскоре стал георгиевским кавалером, а после рукопашного боя на реке Страдомке был произведен в унтер-офицеры. 8 января 1915 г. под Тернополем Блюхера тяжело ранило осколками гранаты. Выйдя из госпиталя, он оказался уволен «по чистой» с назначением пенсии. В 1916 г. отставной унтер вступает в ряды большевиков, а после Февральской революции по заданию своего руководства устраивается рядовым в размещенный в Самаре 102-й запасной стрелковый полк. Командир части полковник Курбатов поначалу не хотел принимать к себе человека, считающегося инвалидом, однако все же сделал исключение: слишком ему понравилась знаменитая фамилия — Блюхер.

Впрочем, скоро Курбатов убедился, сколь сомнительным оказалось это приобретение. Новичок быстро пробился в председатели полкового комитета и своей революционной агитацией немало поспособствовал разложению части.

После большевистского переворота полк оказался распущен, а Блюхер занялся формированием отрядов Красной гвардии. В качестве сначала комиссара, а затем и командира одного из таких отрядов он принимал участие в боях против казаков атамана Дутова. Поначалу бои эти развивались успешно для большевиков, однако выступление Чехословацкого корпуса радикально изменило обстановку.

С севера нависли белочехи и армия Комуча, с юга угрожал Дутов. Командующий Оренбургским фронтом Зиновьев принял решение отходить к Ташкенту, но часть командиров с ним не согласилась. Объединившись, они создали Южно-Уральский отряд (около 10 тыс. человек) и двинулись на север, к Екатеринбург. Начальником Южно-Уральского отряда стал бывший подьесаул Николай Каширин, заместителями — его брат Иван и Василий Блюхер.

В жестоких боях у горы Извоз красные понесли значительные потери. Николай Каширин был ранен, и коман-

дование перешло к Блюхеру. Он решил изменить прежний план и двигаться в район Бирска через Стерлитамак. С этого момента дела пошли успешнее.

Промаршировав более тысячи километров по тылам противника, Южно-Уральский отряд оттянул на себя огромные силы врага и сумел благополучно соединиться с 3-й армией. Красная пропаганда сравнивала этот переход с переходом Суворова через Альпы, а Блюхера было решено наградить орденом Красного Знамени за № 1.

Отряд переименовали в 4-ю Уральскую (впоследствии 30-ю стрелковую) дивизию и командиром ее, разумеется, назначили Василия Константиновича. Затем Блюхер был начальником Вятского укрепрайона. Во время решающего наступления на Колчака командовал 51-й дивизией, которая принимала участие во взятии Тобольска и Омска. К этому время имя Блюхера уже окуталось своеобразными легендами. Белые считали его кадровым офицером не то австрийской, не то германской армии. Миф этот оказался на редкость живучим, и даже в 30-х гг. западная пресса весьма иронично относилась к официальным советским данным о том, что «тов. Блюхер происходит из семьи ярославских крестьян»...

В начале августа 1920 г. большевистское командование предприняло очередную попытку выбить врангелевцев из Таврии. Попытка провалилась, но красным все же удалось закрепиться на левом берегу Днепра в районе Каховки. Под руководством военного инженера Карбышева здесь спешно вырыли окопы, насыпали валы, создали артиллерийские позиции. Для защиты плацдарма из Сибири прибыла 51-я дивизия Блюхера, бойцы которой были одеты в ярко-красные рубахи (подаренные московскими рабочими за победы над Колчаком).

Все попытки врангелевцев отбить Каховку разбивались о стойкость блюхеровских «краснорубашечников». Наступление генерала Витковского (начало сентября) закончилось для белых потерей 3 тыс. человек и 6 танков, что по масштабам Гражданской войны выглядело настоящим танковым побоищем. Спустя месяц Витковский повторил

свою попытку, его части овладели внешней линией обороны, но так и не добились решающего успеха, потеряв на сей раз уже 9 танков. Тем временем на других участках Южного фронта красные перешли в контрнаступление, которое закончилось изгнанием Врангеля из Таврии. Двинулись вперед и войска Блюхера. Дойдя до Перекопа, они остановились и стали готовиться к взятию Крыма...

Еще во времена господства дома Гиреев поперек Перекопа был возведен Турецкий вал. Белые его восстановили, изрыли окопами, прикрыли рвом и проволочными заграждениями. По замыслу М. В. Фрунзе, овладеть этим валом предстояло 51-й дивизии. Блюхер разработал план штурма, распределив атакующих пятью волнами. Первая расчищала проходы в проволочных заграждениях, вторая подходила к валу под огнем неприятеля, третья (вместе с остатками второй) прорывала оборону, четвертая зачищала траншеи от уцелевших белогвардейцев, пятая осуществляла преследование разбитого противника.

Однако огонь врангелевцев оказался намного мощнее, чем предполагалось. К вечеру 8 ноября защитники вала отбили три приступа. Исход Крымской операции висел на волоске, а уже успевшие переправиться через Сиваш части красных, казалось, были обречены на уничтожение. В 11 часов вечера войска Блюхера в четвертый раз пошли в атаку. Нескольким комсомольским подразделениям удалось добраться до рва и оказаться в «мертвой зоне», недоступной для огня пулеметов. Двигаясь вдоль вала, бойцы добрались до обмелевшего Перекопского залива, перешли его вброд и, оказавшись в тылу противника, нанесли решающий удар. Оборона врангелевцев рухнула. На гребне успеха дивизия Блюхера сбила врага с Ишуньских позиций и устремилась на Севастополь и Ялту. Белому Крыму пришел конец.

С его падением Гражданская война в европейской России завершилась, однако борьба еще продолжалась на Востоке. 24 июля 1921 г. Василий Константинович вступил в должность военного министра и главнокомандующего армией Дальневосточной республики (ДВР) —

квазигосударства, призванного играть роль буфера между Советской Россией и белым Приморьем. В короткое время он сумел превратить полупартизанские формирования во внушительную силу, способную противостоять как дальневосточным белогвардейцам, так и их японским союзникам.

Результат не замедлил сказаться. В конце 1921 г. между белыми и красными возобновились военные действия. Проявив не меньшее упорство, чем при штурме Перекопа, Блюхер сумел овладеть Волочаевским узлом обороны противника и занять Хабаровск (февраль 1922 г.). На Дальнем Востоке остались лишь отдельные очаги сопротивления, затухшие в течение ближайших месяцев.

Теперь Блюхер получил возможность отдохнуть на относительно спокойной должности командующего Петроградским укрепрайоном, но и эта передышка оказалась недолгой. Осенью 1924 г. под именем Га Лина во главе группы военных советников он вновь объявился на Дальнем Востоке, где стал помогать китайским товарищам в их революционной борьбе. Правда, товарищи, с которыми ему пришлось иметь дело, не отличались большевистской сознательностью и надежностью. С советской точки зрения, «революционная» партия Гоминдан содержала в себе слишком много буржуазных элементов, ее руководство периодически скатывалось к национализму, генералы напоминали феодальных князьков. Тем не менее благодаря усилиям Га Лина гоминдановская армия добилась истинно сногшибательных успехов. В ходе знаменитого Северного похода она нанесла серию поражений местным генералам-милитаристам и установила контроль над большей частью страны.

Однако, почувствовав под ногами твердую почву, лидер Гоминдана Чан Кай Ши рассорился с Советским Союзом и предпочел переориентироваться на западные державы. Начались репрессии против местных коммунистов, а Га Лину и его коллегам пришлось срочно покинуть Китай.

На Родине Василий Константинович получил очередной (четвертый по счету) орден Красного Знамени и был

назначен командующим Особой Дальневосточной армией. В новом качестве он получил неплохую возможность щелкнуть по носу своих бывших товарищей.

Чанкайшисты решили предъявить претензии на Китайскую Восточную железную дорогу (КВЖД), находившуюся под управлением советской администрации. Уладить конфликт дипломатическими мерами не удалось, и осенью 1929 г. войска Дальневосточной армии предприняли экспедиции на китайскую территорию. В ходе операций по овладению городами Лахасусу, Чжалайнор и Маньчжурия только в плен попало около 8 тыс. китайских солдат и 250 офицеров, в том числе генерал Лянь Дзян со своим штабом.

Авторитет Блюхера поднялся на огромную высоту. В последующие годы легендарный военачальник превратился в некое подобие «дальневосточного проконсула» и испытывал явное «головокружение от успехов». Кремлевскому руководству неоднократно поступали сигналы, указывавшие на его многочисленные любовные похождения (только женат он был трижды) и склонность к выпивке, однако репутация победителя ограждала Блюхера от неприятностей. На самом деле ситуация во вверенных ему войсках отнюдь не была благополучной. В 1935 г. Василий Константинович был произведен в маршалы Советского Союза, и с этого же времени на дальневосточной границе начались столкновения с японцами.

Апофеозом этих столкновений стал конфликт на озере Хасан, преподнесенный как блестящая победа советского оружия. На самом деле Сталин знал, что события у Хасана выявили слабую боевую подготовку рядового и офицерского состава Краснознаменного Дальневосточного фронта (так теперь именовалась бывшая Дальневосточная армия). Более того, весь инцидент произошел по вине советской стороны и едва не привел к полномасштабному конфликту с Японией. Ответственность за все происшедшее, не совсем без основания, была возложена на Блюхера. Еще более усугубило ситуацию бегство к японцам главного чекиста-дальневосточника Люшкова.

Василия Константиновича вызвали в Москву и удостоили сурового разноса на заседании Политбюро. Блюхеру предложили «отдохнуть». Из столицы он вместе с семьей выехал на дачу Ворошилова в Сочи. Здесь маршал и был арестован 22 октября 1938 г. 9 ноября после зверских избиений он подписал бумагу, в которой признавал себя участником антисоветского заговора и в тот же день скончался. Официальный диагноз гласил, что смерть наступила «от закупорки легочных артерий тромбом, образовавшимся в венах таза».

Впоследствии как врагов народа расстреляли брата Блюхера, Павла, — командира авиазвена при штабе ВВС Дальневосточного фронта, Галину Павловну Покровскую и Галину Александровну Кольчугину — его бывших жен, а также других родственников. Последняя супруга маршала, Глафира Лукинична Безверхова-Блюхер, отсидев 8 лет в лагерях и 10 лет в ссылке, все-таки дожила до XX съезда и своей реабилитации. Самого же Василия Константиновича реабилитировали лишь в 1956 г. Впрочем, и при Сталине память о нем продолжала жить в красноармейских песнях о «Каховке» и «Волочаевских днях».

И Врангель, и Блюхер не относились к числу блестящих стратегов, но умели вести за собой войска и добиваться победы если не за счет умелого маневра, то хотя бы за счет упорства. Обоим довелось командовать крупными соединениями, действовавшими в условиях изоляции против превосходящих сил противника. И тот и другой проявили себя в этих ситуациях с самой лучшей стороны.

Врангель в Крыму, а Блюхер на Дальнем Востоке были не только военными лидерами, но и своеобразными символами двух России — Белой и Красной. Два этих цвета так и не смогли слиться в один.

Глава 19

МОНГОЛИЯ: ПЛАЦДАРМ ВСЕМИРНОЙ МОНАРХИИ ИЛИ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ?

Гражданская война, полыхавшая на необъятных российских просторах, весной 1921 г. докатилась до диких степей Монголии. Огромное феодальное государство было лакомым куском для большевистской власти, а «призрак коммунизма» и мировой революции, казалось, стал осязаемым для кремлевских руководителей. Несмотря на то что масштабы сражений и численность противоборствующих сторон значительно уступали таковым на Урале, в Сибири и Забайкалье, здешними, небольшими, по европейским меркам, воинскими соединениями командовали весьма колоритные личности. Регулярной 5-й Красной армии и войскам Дальневосточной республики противостояла так называемая Азиатская дивизия под командованием Романа Федоровича Унгерна-Штернберга — немецкого барона, русского генерала и монгольского князя. Бок о бок с красноармейскими частями сражались конные монгольские отряды, руководимые Сухэ-Батором — военным министром и главкомом Монгольского революционного правительства.

УНГЕРН

Род Унгернов-Штернбергов вел свою родословную с XIII в. Баронское достоинство они получили из рук шведской королевы в XVII столетии, а к концу XIX представители семейства расселились по всей Прибалтике. Теодор-

Рудольф Унгерн-Штернберг, отец будущего генерала, несмотря на свои воинственные рыцарские корни, занимался вполне мирным делом — имел степень доктора философии, жил в Петербурге и подвизался при Министерстве государственных имуществ. 29 декабря 1885 г. в его семье появился на свет первый и единственный ребенок — сын Роберт. Супруги тогда путешествовали по Европе, и местом рождения мальчика стал австрийский город Грац. Через пять лет родители Роберта развелись, и он остался с матерью. В 1894 г. София-Шарлотта вторично вышла замуж за барона Йерваканта, от которого родила еще одного сына и дочь.

Дом отчима в Ревеле Роберт считал родным (как и сводных брата с сестрой). Некоторое время он посещал ревальскую Николаевскую гимназию, но был исключен из-за «плохого прилежания и многочисленных школьных проступков». Мальчика решили отдать в петербургский Морской корпус, но стать военным моряком ему помешала война с Японией. Роберт самовольно уехал в Маньчжурию и определился рядовым в пехотный полк. Правда, под огнем ему побывать не пришлось: к тому времени, когда часть попала на фронт, война уже закончилась. Вернувшись в столицу, юноша поступил в Павловское пехотное училище.

В 1908 г. молодого Унгерна произвели в офицеры, но не в подпоручики, а в хорунжи Аргунского полка Забайкальского казачьего войска. Второразрядное Забайкалье он выбрал, поддавшись слухам о приближении новой войны с японцами. Именно там барон поменял свое немецкое имя на славянское — Роман Федорович. Однако в части Унгерн не задержался. После пьяной драки на саблях по приговору офицерского суда ему было предложено покинуть армию. Положение спас родственник, служивший в Генштабе. Высочайшим указом забияку перевели в Амурский полк. Из Даурии он переехал в Благовещенск, но гарнизонная служба ему быстро наскучила, и в 1911 г. барон отпросился в отпуск к родителям в Ревель.

Здесь из газет он узнал, что в далекой Халхе, или Внешней Монголии, началось восстание против китайского владычества. В столице края Урге на престол взошел «живой Будда» — Богдо-гэген. Китайская династия Цинь пала, но новое правительство не желало смириться с утратой северной провинции: началась война за независимость. Вернувшись на Дальний Восток, Унгерн попросил отправить его к монголам инструктором. В прошении отказали, и тогда он подал в отставку. Не дождавшись ответа, барон отправился в Кобдо (северо-запад Халхи) «в поисках смелых подвигов». Совершить их он надеялся в отряде партизана Джа-ламы. Но Монголия удовлетворилась автономией, и война быстро затухла. Роману Федоровичу пришлось устраиваться внештатником в гарнизон Верхнеудинска.

Первая мировая война застала его в Ревеле. Вместе со 2-й армией Самсонова Унгерн совершил поход в Восточную Пруссию и буквально чудом избежал плена. Некоторое время он служил в Нерчинском полку под началом другого прибалтийского барона — П. Н. Врангеля.

Воевал Роман Федорович отважно, но его строптивый характер отнюдь не способствовал успехам в карьере. К концу войны он дослужился всего лишь до есаула. После Февральской революции Унгерн съездил домой в отпуск, затем поучаствовал в корниловском мятеже и наконец присоединился к формируемому его другом атаманом Семеновым монголо-бурятскому «регенту».

После Октябрьской революции Семенов устроил собственное государство со столицей в Чите. Своему другу он выделил «феодалное княжество» — станцию Даурию. Здесь Роман Федорович создал Азиатскую дивизию, первоначально состоявшую из монгольских и бурятских всадников. В дальнейших планах Семенова стояло объединение с Монголией и уничтожение большевиков при помощи «наследников Чингисхана». Правда, планы повисли в воздухе, после того как в Халху вошли войска китайского генерала Сюй-Шучена, а Богдо-гэген подписал отречение от престола. Тогда же Роман Федорович вступил

в политически выгодный брак с маньчжурской принцессой, которую, впрочем, он почти сразу же отослал к родителям. Исходя из этого, некоторые современники называли его гомосексуалистом, однако, судя по всему, мужчины интересовали его не больше, чем женщины. Единственными страстями барона были войны, политика и собственное честолюбие.

Ни Семенов, ни Унгерн фактически не помогали Колчаку в его борьбе с красными. В сущности, в 1918—1919 гг. их единственными противниками были небольшие партизанские отряды, а также местные крестьяне, жестоко наказываемые по любому подозрению в большевизме. Однако к лету 1920 г. Красная армия вплотную приблизилась к Чите и Даурии. В этой ситуации Роман Федорович решил все-таки попытаться создать новую Монгольскую империю.

Азиатская дивизия перешла границу с Халхой и подступила к пригороду Урги — Маймачену. Город занимала многотысячная, прекрасно вооруженная и экипированная китайская армия, а под началом Унгерна было всего несколько сотен измученных и полуголодных всадников, одна пушка и минимальный запас патронов. После неудачного боя барон отступил к берегам Керулена и здесь получил поддержку со стороны монгольских князей, провозгласивших его своим предводителем.

И все же, несмотря на пополнения, численность Азиатской дивизии по-прежнему не превышала 2 тыс. Китайцы же обладали десятикратным перевесом и мощной артиллерией. Однако Сюй-Шучэн допустил политическую ошибку, арестовав «живого Будду» Богдо-гэгена. Население Урги было возмущено, китайских солдат охватил суеверный ужас.

Роман Федорович вновь подошел к Урге и развернул своеобразную психологическую войну. В город вместе с лазутчиками поплыла всякого рода дезинформация, ламы запугивали солдат всевозможными карами. Последней каплей стало похищение Богдо-Гэгена, спланированное Унгерном: заговорщики, переодевшись ламами (монаха-

ми), проникли в Зеленый дворец и похитили «хутухту» вместе с супругой. Нападение было столь неожиданным, что китайская охрана почти не оказала сопротивления.

Смятение гарнизона вылилось в бегство кавалерийского корпуса Го Сунмина, а 2 февраля унгерновцами был взят пригород Маймачен. Тем временем основная часть китайской армии покинула Ургу, и столица была занята практически бескровно.

Подобно полководцам древности Чингисхану или Тамерлану, Унгерн отдал город на разграбление своим войскам. «Разоренные китайские лавки зияли разбитыми дверьми и окнами, трупы китайцев лежали вперемешку с обезглавленными, замученными евреями», — писал очевидец. Офицеры Азиатской дивизии были возведены в ранг монгольских чиновников, а сам барон, помимо титула цынвана (т. е. князя 1-й степени), получил прозвище «Возродивший государство Великий батор». 26 февраля 1921 г. тысячи монголов из самых отдаленных кочевий съехались в столицу на коронацию Богдо-гэгена. Этот день стал подлинным триумфом для «бога войны» — Унгерна. Однако впереди у него уже маячили новые цели — реставрация монархии на Востоке и в России.

Тем временем отступивший из Урги китайский генерал Чу-Лицзян решил отбить город обратно. Близ уртона Цаган-Цэген разыгралось крупнейшее и почти не замеченное историками сражение. Пятитысячная дивизия Унгерна разбила превосходящие силы противника, чему, в первую очередь способствовали распри среди китайских военачальников. Последняя крупная битва этой неизвестной войны произошла возле местечка Чойры, вблизи китайской границы. Пехота «гаминов» была вырезана поголовно, кавалерия же успела уйти в Китай. Унгерну достались огромные трофеи.

Либерал Милкоков назвал четырехмесячное пребывание барона в Урге самой удручающей страницей в истории Белого движения. Режим, установленный Унгерном в монгольской столице, очень напоминал даурский период его деятельности: палочная дисциплина, насильные мобилиза-

ции местного населения, террор белых отрядов за пределами города. Все нововведения — создание национального банка, чеканка монеты, возобновление добычи угля и т. д. — подчинялись главной цели: снабжению Азиатской дивизии. Благие намерения Унгерна становились тяжким бременем для истощенной смутой нищей страны. Что касается Богдо-гэгена, то он превратился в чисто декоративную фигуру и в государственные дела фактически не вмешивался.

В Советской России тем временем вовсе не забыли об Унгерне и уже готовили для него неприятные сюрпризы. В марте 1921 г. в Кяхте было образовано Монгольское революционное правительство. Красные цэрики постепенно расползались по северу и западу Халхи, а их численность постоянно возрастала. И все же Унгерн не верил, что большевики решатся на прямую интервенцию, а цэриков Сухэ-Батора вообще не считал за противников.

Между тем в Урге население все более тяготилось постоем Азиатской дивизии и режимом «бешеного барона». Унгерн, учитывая положение дел, попытался установить контакт с Богдо-гэгеном и занять при нем пост главнокомандующего, но «живой Будда», понимая, что звезда барона клонится к закату, не ответил на письмо своего спасителя, вернувшего ему трон и свободу. В войсках появились первые признаки разложения: мародерство, грабежи, дезертирство. Поправить положение могла лишь победоносная война, но с кем? Ответ пришел с письмом атамана Семенова, в котором тот сообщал, что в мае при поддержке японцев он открывает широкомасштабные действия против Советской России. Унгерн ухватился за это предложение как за спасительную соломинку.

21 мая Азиатская дивизия, оставив Ургу, двинулась на север. Численность ее войск определялась в 3300 сабель, вооруженных двумя десятками пулеметов и восьмью орудиями. Экипировка была отвратительной — отсутствовали радиостанции, полевые телефоны, походные кухни и даже котлы.

Белым противостояли силы 5-й Красной армии, насчитывавшие 8 тыс. бойцов, 24 орудия, 150 пулеметов и не-

сколько сотен цэриков Сухэ-Батора. Имелись также конные партизанские отряды и пехотная бригада войск Дальневосточной республики. В конце мая перешедшие границу передовые отряды Азиатской дивизии были наголову разбиты и отброшены обратно в Монголию. Под Кяхтой красномонгольские части Сухэ-Батора нанесли поражение отряду Бояр-гуна. Унгерн, подойдя с главными силами, штурмовать город не стал. Трехдневное непонятное бездействие белых предопределило их поражение. Пехота Неймана, конница Щетинкина и бригада Глазкова, подтянувшись к Кяхте, заманили Азиатскую дивизию в сопки. В узком дефиле конница Унгерна не смогла развернуться и, обстреливаемая артиллерией и пулеметным огнем, неся огромные потери, ударилась в бегство. Успев переправиться через реку Иро до подхода преследовавшей красной кавалерии, остатки дивизии спаслись от окончательного разгрома.

В июле Нейман и Сухэ-Батор торжественно вступили в Ургу, а «Живой Будда» с готовностью признал власть революционного правительства. Переформировав свою дивизию, барон принял решение вновь двинуться на север. Отчасти его побудили к этому слухи о начале наступления японцев в Забайкалье. Захватив Гусиноозерский монастырь, Унгерн жестоко расправился с пленными и двинулся дальше. Его целью было перерезать движение по Транссибирской магистрали. Однако от перебежчиков и крестьян он узнал, что в Забайкалье нет ни Семенова, ни японцев. Тогда Унгерн приказал повернуть на юг и, искусно лавируя между охватывающими его крупными частями красных, прорвался обратно в Монголию.

Но степи Халхи уже горели под его ногами. В Урге крепко сидели красные; китайцы, памятуя о недавней войне, тоже встретили бы его с оружием. Наконец, отход на Запад Монголии был чреват полным окружением. И тогда Роман Федорович решил уйти в Тибет и поступить на службу к Далай-ламе. Идея подобной экспедиции в глазах измученных предыдущими переходами солдат представлялась безумной. Среди офицеров дивизии созрел за-

говор, и в ночь на 21 августа они обстреляли палатку барона. При первых же выстрелах Унгерн успел выскочить и спрятаться в кустах. Он попытался укрыться в монгольской части своего войска, но некогда боготворившие его азиаты скрутили «цын-вана» и передали бойцам красного командира Щетинкина.

На этом походе Романа Федоровича закончились. Барона переправили сначала в Иркутск, а оттуда в Ново-николаевск, где и состоялся судебный процесс. Унгерн даже не пытался отрицать зверства, в которых его обвиняли, и свой приговор встретил абсолютно спокойно. Казнили барона в тот же день, 15 сентября 1921 г.

СУХЭ-БАТОР

2 февраля 1893 г. в семье Дамдина и Ханд родился третий сын. Выбрать имя младенцу помог случай. Отец, заготавливавший дрова на берегу реки Улиастай, нашел там топор (по монгольски — «сух»). Это посчитали за добрый знак, и мальчик был назван Сухэ-Батором. Его детские годы прошли среди ургинской городской бедноты. В 1907 г. Дамдин отдал сына к местному учителю Жамьяну, который обучил его письму, чтению и началам арифметики. Но знакомство с наукой продолжалось недолго: по достижении 16 лет юноша ушел на заработки. Некоторое время он работал уртонщиком на тракте Урга — Кяхта, затем занимался разноской продуктов с рынка, заготавливал дрова в горах, косил сено.

В конце 1911 г. Внешняя Монголия стала независимым государством. Маньчжурское правительство было свергнуто, и 30 декабря состоялась церемония восшествия на трон Богдо-гэгена, свидетелями которой были и Сухэ-Батор с отцом. Новое правительство Халхи объявило о призыве на военную службу по тысяче солдат с каждого поселка. Вступив в армию, Сухэ-Батор сначала был истопником, затем денщиком, а в 1914 г. отправился в только что открытую в Худжирбулане школу по подготовке младших командиров. Молодой цэрик ранее других овладел

основами тактики, блестяще ездил верхом, успешно сдал все спортивные «нормативы» и вообще был на виду у начальства, которое через год назначило его командиром пулеметной роты.

Сухэ-Батор участвовал в охране восточных и юго-восточных границ Монголии, громил со своим отрядом местных бандитов и за девять лет беспорочной службы завоевал некоторую известность у соотечественников. В 1914 г. он возглавил восстание в Худжирбуланском гарнизоне. Поводом к выступлению стало протухшее мясо, которым «реакционное» начальство пыталось накормить солдат. Военному министерству в Урге был предъявлен протест. Чиновники заменили продукты на качественные, но устроили суд над главными зачинщиками и смутьянами. Подоспевший Сухэ-Батор с товарищами сумели отбить однопольчан. Так состоялось его первое революционное крещение.

В 1918 г. в Урге открылась государственная типография, и Сухэ-Батор как один из немногих грамотных командиров был направлен туда в качестве наборщика. В Монголии было неспокойно. Китайские милитаристы надеялись на реванш и стремились лишить Халху ее автономного статуса. Пылкая молодежь, к которой относился и Сухэ-Батор, организовала в центре Урги (Зунхурене) подпольный кружок. Другая аналогичная организация появилась на окраине города, в Консульском поселке, по инициативе Х. Чойболсана. Будучи в политике «сущими младенцами», эти монгольские патриоты искренне стремились к одной цели — независимости своей Родины.

В ноябре 1919 г. армия китайского генерала Сюй-Шучена перешла границу Монголии и вступила в Ургу. Под угрозой штыков монгольские министры без сопротивления подписали документ о добровольной ликвидации автономии. Богдо-гэген отрекся от престола, печати министерств были сданы китайским чиновникам, прератили работу многие учреждения, а вскоре оказалась распущенной и монгольская армия. Сухэ-Батор был демобилизован и переехал с женой и сыном в Ургу к родственникам.

На одном из заседаний созданного им кружка было решено достать оружие и организовать покушение на Сюй-Шучена. Оружие закупили, однако из-за взрыва на пороховом складе генерал отказался от поездки в Кяхту, и акция провалилась. Кружковцам осталось лишь выпускать и расклеивать листовки, собирать сведения о китайских войсках, о политике лам и князей и налаживать контакты с русскими колонистами. Общение с последними привело Сухэ-Батора к мысли о поездке в Россию. Но попытка в феврале 1920 г. перейти границу была неудачной — китайцы прилежно охраняла северные рубежи Халхи.

К этому времени Красная армия разбила Колчака и вступила в Сибирь. В апреле была создана Дальневосточная республика. Сибирское бюро ЦК РКП(б) организовало в Иркутске секцию восточных народов, представители которой наладили связи с ургинскими кружками. Под их влиянием 25 июня 1920 г. была образована Монгольская народная партия.

Чойболсан и Данзан повезли в Россию свой главный программный документ — «присягу партийцев». В июле делегаты добрались до Верхнеудинска, и там к ним присоединился их старый знакомый Сухэ-Батор. В его сумке хранилась еще более важная бумага — скрепленная личной печатью Богдо-гэгена просьба к России оказать помощь в борьбе с гаминами.

Встретившись в Иркутске с одним из представителей большевиков Ф. И. Гапоном, монголы обговорили условия получения оружия, боеприпасов и денежного кредита. Советская сторона заявила о готовности своего правительства оказать любую помощь монгольскому народу в его борьбе за национальное освобождение. Часть делегатов вернулась на родину, а Сухэ-Батор остался в Иркутске изучать организацию и боевой опыт Красной армии. Здесь осенью 1920 г. его и застала весть о вторжении в Халху Азиатской дивизии.

Появление Унгерна заставило бывшего пулеметчика непонятно от чьего имени обратиться в Москву с предложением ввести части Красной армии в Монголию для раз-

грома общего врага. Разумеется, такое своевременное предложение Кремль просто не мог не поддержать.

Сухэ-Батор вернулся в Халху и в районе Кяхты собрал собственное небольшое войско. Именно сюда и отошла часть разгромленных Унгерном китайцев. 20 февраля 1921 г. отряд Сухэ-Батора вступил в бой и одержал свою первую победу над гаминами. Затем последовало еще несколько стычек с китайцами, в ходе которых бывший командир пулеметного взвода пробрел репутацию полководца.

1 марта 1921 г. в Троицкосавске открылся 1-й съезд Монгольской Народной партии. Здесь было образовано Временное народное правительство во главе с Бодо — бывшим руководителем школы переводчиков при русском консульстве. Сухэ-Батор в этом правительстве занял должности начальника штаба и главнокомандующего. Вошли в него и «почти доросший до коммуниста» Чойболсан, а также несколько «прогрессивных князей». На самом деле легитимность и представительность этого правительства были весьма невысокими, а вся реальная политика делалась в Москве и в Иркутске. Что касается сидевших в Урге Богдо-гэгена и его «цын-вана», то они поначалу даже не обратили на происходящее особого внимания.

Одной из первых задач Сухэ-Батора как главнокомандующего стало освобождение Кяхты. Его стараниями Народная армия выросла количественно и качественно и по монгольским меркам уже представляла собой реальную силу. Четыре полка были выдвинуты к Кяхте и предъявили ультиматум китайскому главнокомандующему. Затем начался штурм, в ходе которого, несмотря на численный перевес и превосходство в вооружении, гамины оставили город. К ночи 16 марта красные цэрики заняли Кяхту. Враги попытались перегруппировать силы, но были наголову разбиты и отступили. Теперь, после поражения китайцев, на очереди у Сухэ-Батора стоял более опасный враг — Унгерн.

Из России бесперебойно шли поставки оружия и боеприпасов, а в мае в Монголию прибыл отряд бывшего партизанского командира Щетинкина. На помощь шли и другие

части (35-я дивизия Неймана, 35-й каваллерийский полк Рокоссовского). Однако Унгерн был еще ближе.

В конце мая — начале июня подразделения Азиатской дивизии были отбиты Щетинкиным и красными монголами Чойболсана в районах Желтуринской и Боссийского. Попытки белых прорваться к железной дороге по левому берегу Селенги также потерпели неудачу. Но решающие события разыгрывались именно у Кяхты, где сошлись «бешеный барон» и Сухэ-Батор.

Первые стычки между красными цэриками и унгерновцами произошли на реке Орхон и завершились небольшой перестрелкой. Затем к Кяхте подошла монгольская часть азиатской дивизии во главе с Баяр-гуном. Сухэ-Батор решил дать оборонительный бой и соответствующим образом расположил своих бойцов вокруг города. Битва началась 5 июня. Сначала в дело вступила артиллерия красных, а затем Сухэ-Батор повел своих цэриков в атаку. Баяр-гуна был разгромлен. Подоспевшие вскоре главные силы Унгерна восстановили было «статус кво», но 13 июня в дело вступили дивизия Неймана и отряд Щетинкина, которые и добились Азиатскую дивизию. Отрядам Сухэ-Батора оставалось лишь преследовать отступающего противника до реки Иро.

Победители двинулись в глубь Монголии, причем по мере их продвижения в Халхе начиналась своеобразная гражданская война в миниатюре. Баяр-гун и один из наиболее популярных местных полевых командиров Джалама твердо стояли за Унгерна. Зато к Сухэ-Батору примкнул самый известный и популярный полководец страны Магсаржав (по прозвищу Хатан-батор).

6 июля 1921 г. русские большевики и красные цэрики вступили в Ургу (которую вскоре переименовали в Улан-Батор). Власть «Живого Будды» была урезана, а все управление перешло к вновь сформированному Народному правительству Монголии. Сухэ-Батор получил пост военного министра, и под его руководством начала создаваться регулярная армия. Были введены обязательная воинская повинность и единая военная форма, открылись

училище по подготовке национальных кадров и больницы для военнослужащих.

Что касается других членов правительства, то Чойболсан стал заместителем Сухэ-Батора, Бодо — премьер-министром и министром иностранных дел, Магсаржав — министром юстиции, Данзан — министром финансов, Пунцандорджа — министром внутренних дел. Все они принадлежали к разным социальным слоям, и довольно часто заседания правительства заканчивались склоками и даже драками. Фактически же все решали «советские товарищи», толкавшие средневековую Монголию прямоком из феодализма к социализму. Правда, некоторые уступки местной специфике с их стороны все-таки делались: так, хотя и была провозглашена победа революции, монархия Богдо-гэгена временно сохранялась.

В сентябре 1921 г. в Россию направилась полномочная делегация, в состав которой входил и Сухэ-Батор. 26 октября в Москве начались переговоры, итогом которых стало подписание монголо-советского соглашения. Главнокомандующий как будто даже лично встречался с В. И. Лениным, и «вождь тепло с ним беседовал». Возглавляемой Сухэ-Батором Монгольской народной партии, ввиду ее явной «незрелости», хотя и не разрешили именоваться коммунистической, но все-таки позволили войти в Коминтерн на правах сочувствующей.

По возвращении в Монголию склоки в Народном правительстве вспыхнули с новой силой. Бодо объявили контрреволюционером и сначала сняли с поста премьера, затем расстреляли. Одновременно активизировались различные реакционные группировки, начиная от князей и кончая недобитыми полевыми командирами. Правда, используя «советский опыт», удалось устранить легендарного Джа-ламу. Прикинувшийся ламой, монгольский чекист внедрился в его окружение и успешно провел ликвидацию.

С единомышленниками Джа-ламы Сухэ-Батор расправился, проведя масштабные войсковые операции. Одновременно ему пришлось решать задачи по предотвраще-

нию возможной китайской агрессии и борьбе с «вредными элементами» внутри партии.

Зимой 1923 г., получив известие о подготовке японцами и белогвардейцами очередного заговора, главнокомандующий ввел в Улан-Баторе военное положение. Он лично регулярно объезжал столицу и во время одной из таких прогулок сильно простудился. Крепкий 30-летний мужчина сгорел в несколько дней и скончался 20 февраля 1923 г. Компетентные органы тут же выдвинули мысль об отравлении. Возможно, без яда дело действительно не обошлось. Однако, если Сухэ-Батора и отравили, то вовсе не за его приверженность марксизму. В сущности, и он сам, и его коллеги имели весьма смутное представление и о социализме, и о мировой революции.

Идя на союз с большевиками, все они преследовали одну цель — добиться независимости для своего «маленького и несчастного народа». Ну а дальше началась обычная азиатская борьба за власть, не имевшая к марксизму никакого отношения.

Русские же большевики использовали Монголию как трамплин для усиления своего влияния в Китае, а также как полигон для построения социализма на средневековой азиатской почве. Многочисленные религиозные предрассудки служили здесь серьезным препятствием, и тогда веру в «Живого Будду» решили вытеснить поклонением мертвому герою — Сухэ-Батору.

Версия о злодейски отравленном народном герое послужила основой для формирующейся легенды. В последующие годы жертвами органов стали все, кого так или иначе можно было обвинить в этом злодеянии. Правда, на Богдо-гэгена рука коммунистов так и не поднялась. В 1924 г. «хутухта», по крайней мере по официальной версии, умер своей смертью. Монголия превратилась в республику, а ее руководителем стал Чойболсан, присвоивший себе звание маршала. В сущности, он был своеобразным монгольским Сталиным, а Сухэ-Батору в тамошней истории отводилась роль Ленина — т. е. отца-основателя социалистической Монголии. В центре Улан-Батора ему

был сооружен мавзолеей (по образцу ленинского), а в конце 1930-х гг. на экраны вышел талантливый, хотя и сильно приукрашенный биографический фильм «Его зовут Сухэ-Батор».

Канонизация его образа принесла свои плоды. В социалистической, да и в нынешней Монголии Сухэ-Батор действительно считается национальным героем. Впрочем, сегодня его соотечественники гораздо больше уважают другого героя, который служил кумиром и для барона Унгерна, — Чингисхана.

В течение первой четверти XX в. Монголия была своеобразным перекрестком интересов государств и отдельных личностей. Китай стремился вернуть утраченное господство, Советская Россия — установить пролетарскую гегемонию, а Япония уже тогда всерьез подумывала о мировом владычестве.

Пересечение всех этих интересов привело к любопытному парадоксу. Потомок немецких крестоносцев барон Унгерн пытался воссоздать древнюю империю Чингисхана, а коренной монгол Сухэ-Батор своей деятельностью способствовал триумфу социалистической идеологии, не имеющей к реалиям его родины практически никакого отношения.

Глава 20

ОТ ВОЛГИ ДО ОХОТСКОГО МОРЯ

Восточный фронт в Гражданской войне — это поволжские степи, горные отроги Урала и бескрайние лесные массивы сибирской тайги. Столь же разнообразны были и типы здешних военачальников — полууголовные элементы, блестяще образованные офицеры-генштабисты, казацьи атаманы и, наконец, обычные «боевые кони», те, кто не любил быть на виду, но прекрасно знал подлинную суть войны и в критические минуты умел сражаться до последнего.

МОЛЧАНОВ

Виктор Михайлович Молчанов родился 7 марта 1886 г. в городе Чистополе Казанской губернии. Жена-домохозяйка и пять человек детей жили очень скромно, на 80 рублей жалованья, получаемых главой семейства — Михаилом Ивановичем, служившим начальником почтово-телеграфной станции. Старший из трех братьев Молчановых — Александр — закончил юридический факультет Томского университета, некоторое время отсидел в тюрьме за близость к эсерам, после чего избавился от юношеского радикализма и устроился работать мировым судьей в селе Алнаши Елабужского уезда. Младший брат Сергей к моменту, когда грянула Февральская революция, закончил архитектурное отделение Пет-

роградского политехнического института и увлекался марксизмом.

Что касается героя нашего повествования, то, закончив Елабужское реальное училище, он избрал карьеру военного и поступил в московское Алексеевское училище в Москве. В апреле 1906 г. получил звание прапорщика и направление во 2-й Кавказский саперный батальон. Тогда же умер отец, и большую часть своего скудного жалования молодому офицеру приходилось тратить на помощь семье.

В 1908 г. Виктор Михайлович был переведен на Дальний Восток. Без связей и протекции карьера продвигалась медленно, и Первая мировая война застала его в звании штабс-капитана 6-го Сибирского стрелкового батальона. Отчасти из патриотизма, отчасти из честолюбия Молчанов тут же стал проситься на фронт, однако попал туда лишь с большим трудом и только обратившись напрямую к одному из великих князей.

Летом 1915 г. он командовал саперной ротой, действовавшей в районе реки Бзур. Именно на этом участке немцы произвели первую на Восточном фронте газовую атаку. Жертвой ее стали около 10 тыс. русских солдат. Полностью погибли и три из четырех взводов в роте Молчанова. К моменту начала атаки сам Виктор Михайлович находился в расположении 4-го взвода и, сидя в блиндаже, как раз дочитывал статью о применении противником газов на Западном фронте. В конце материала указывались способы борьбы с новым оружием. Именно в этот момент в блиндаж влетел солдат, сообщивший о том, что его товарищи начинают задыхаться от непонятных испарений. Под влиянием прочитанного командир роты выбрал единственно правильный способ действий. Выскочив из укрытия, он собрал вокруг себя около 40 бойцов и приказал им дышать только через смоченные водой тряпки.

Решение это оказалось спасительным. К моменту, когда газы рассеялись, по мнению немцев, в русских окопах не должно было остаться ни одного живого человека. Дви-

нувшийся вперед противник на участке Молчанова был встречен жестоким огнем и, понеся огромные потери, откатился назад. И все же мокрые тряпки не могли, конечно же, заменить противогазы. Волосы у Виктора Михайловича с тех пор стали серо-стальными, а он сам и его бойцы получили тяжелые отравления.

Февральскую революцию Молчанов встретил на Рижском фронте в звании подполковника и в должности командира 3-й Отдельной инженерной роты 3-й Сибирской стрелковой дивизии. Уже в последние дни войны ему довелось эвакуировать в тыл корпусное имущество. 20 февраля 1918 г. на станции Вольмар Виктор Михайлович и один из его подчиненных были застигнуты немцами. Несмотря на очевидное неравенство сил, они тут же засели в здании вокзала и из пистолетов открыли огонь по противнику. Соппротивление двух храбрецов прекратилось только после того, как осколки от брошенной в окно гранаты убили спутника Молчанова, а его самого ранили в обе ноги.

Спустя несколько дней мир с Германией был подписан. Едва залечив раны, мужественный офицер не стал дожидаться размена пленных и, улизнув от немецкой охраны, отправился домой. Поскольку старой армии больше не существовало, Виктор Михайлович решил для начала осмотреться в новой политической ситуации. В апреле 1918 г. он поселился у своего старшего брата Александра — мирового судьи, туда же, в Елабужский уезд, вместе с семьей приехал и младший из братьев Молчановых, Сергей.

Однако мирная передышка оказалась недолгой. По селам Поволжья начали бродить большевистские продотряды, отбиравшие у крестьян «излишки хлеба». Местное население, в свою очередь, стало создавать группы самообороны, оказывавшие открытое сопротивление новой власти.

По решению волостного схода, Виктор Михайлович возглавил один из таких отрядов, включавший в себя 120 пеших и 35 конных крестьян, вооруженных 6 винтовками и несколькими охотничьими ружьями. Под умелым

руководством Молчанова в первом же бою это воинство разгромило один из большевистских продотрядов, захватив 2 пулемета и 22 винтовки.

Авторитет командира поднялся на огромную высоту, что дало ему возможность приступить к укреплению дисциплины. После того как местная крестьянка обвинила одного из самооборонщиков в изнасиловании, Виктор Михайлович выдвинул перед подчиненными настоящий ультиматум, потребовав расстрелять виновника. Целый день крестьяне вели бурные споры и в конце концов не только согласились с требованием командира, но и постановили передать ему всю военную и гражданскую власть в пределах волости.

Вскоре Молчанов возглавил все белоповстанческие силы уезда, насчитывавшие около 9 тыс. человек. Однако в сентябре 1918 г. красные сумели нанести им поражение и оттеснить за Каму. На соединение с войсками адмирала Колчака из родных мест ушло около 4 тыс. бойцов (переформированных впоследствии в 32-й Прикамский стрелковый полк). Вместе с повстанцами за Каму двинулись гражданские беженцы, в том числе и вся семья Молчановых. На сборы родственникам Виктор Михайлович дал всего один час, разрешив взять каждому члену семьи не более одного чемодана.

В армии Колчака Молчанов получил звание полковника. Тем не менее командовать земляками ему здесь не пришлось. В районе Уфы Виктор Михайлович принял командование над знаменитой бригадой, составленной из рабочих-оружейников Ижевска и Воткинска. Бойцы этой части ненавидели большевиков, однако, считая себя самыми что ни на есть классическими пролетариями, с симпатией относились к марксизму и даже воевать предпочитали под красными знаменами. Учитывая, что сражались они великолепно, Колчак и Молчанов предпочитали закрывать на это глаза.

В апреле 1919 г. после занятия белыми Ижевска большинство бойцов разошлись по домам. Молчанов получил звание генерал-майора и предложение возглавить 4-ю

Уфимскую стрелковую дивизию. Однако, отказавшись от почетного назначения, он предпочел сохранить костяк прославленной воинской части. Решение оказалось правильным: большевики в очередной раз заняли Ижевск, учинив там расправу над контрреволюционерами. Ветераны-ижевцы вновь потянулись к Молчанову, что дало ему возможность не только восстановить бригаду, но и вернуть ее в дивизию.

Во время боев на Урале и Тоболе, вопреки господствовавшей у белых традиции не давать ордена за войну русских против русских, Виктор Михайлович получил крест Св. Георгия 4-й степени, а его дивизия была удостоена Георгиевского знамени. Ходили слухи, что таким способом Колчак решил избавиться от столь раздражавшего его у ижевцев красного стяга...

Тем не менее остановить наступление красных на рубеже Тобола так и не удалось. В трагическую для белых зиму 1919—1920 гг. дивизия Молчанова отступала на Восток вместе с отрядом Каппеля. Потери были огромными: люди гибли в боях, умирали от холода и болезней, дезертировали. На подступах к Красноярску скончался от тифа старший брат Александр (служивший в дивизии казначеем), а младший брат Сергей вместе со своими однополчанами перешел на сторону большевиков. Уже в самом конце «Сибирского Ледяного похода» сам Виктор Михайлович был ранен в бою с партизанами у деревни Харузное. И все же остатки дивизии пробились на контролируемый японцами Дальний Восток. В Чите 900 уцелевших ижевцев были сведены в один из полков Сводной дивизии, а та, в свою очередь, вошла в состав возглавленного Молчановым 3-го стрелкового корпуса. Преемник Колчака, атаман Семенов, присвоил Виктору Михайловичу чин генерал-лейтенанта, однако Молчанов настолько презирал своего нового командующего, что и в дальнейшем именовал себя генерал-майором...

Большевики между тем создали в Западной Сибири марионеточную Дальневосточную республику (ДВР). Японцы согласились уступить новому государству При-

амурье, однако при помощи белых рассчитывали удержать за собой Приморский край со столицей во Владивостоке. Проблема заключалась в том, что белогвардейцы к подобному компромиссу отнюдь не стремились. Молчанов выдвинул простой, но эффектный лозунг «Вперед, к Кремлю!» и для начала отбил у противника Хабаровск (22 декабря 1921 г.).

Однако после первых успехов фронт стабилизировался у станции Ин. В феврале следующего года части ДВР под командованием Блюхера перешли в контрнаступление и вышли на главный оборонительный рубеж белых у станции Волочаевка. Обороной этого участка командовал Молчанов, и именно ему адресовал Блюхер свое письмо-агитку: «Я — солдат революции и хочу говорить с вами прежде, чем начать последний разговор на языке пушек. Какое солнце вы предпочитаете видеть на Дальнем Востоке? То ли, которое красуется на японском флаге, или восходящее солнце новой русской государственности, начинающее согревать нашу родную землю после дней очищающей революционной грозы?». Ответа на свое послание Блюхер не получил.

10 февраля 1922 г. войскам Молчанова удалось отразить все атаки красных, но уже вечером следующего дня Виктор Михайлович допустил роковую ошибку. Опасаясь обхода противником своего северного фланга, он перебросил туда резервы с центрального участка. Однако именно по ослабленному центру и нанес свой удар Блюхер...

Хабаровск пал, и все же Молчанов рассчитывал остановить красных на следующем оборонительном рубеже — в районе Спасска. Здешние укрепления белогвардейская пропаганда, явно преувеличивая, любила сравнивать с твердынями Вердена. Тем не менее 7 укрепленных фортов вокруг города действительно представляли собой внушительную силу. К тому же под началом Молчанова еще было около 9 тыс. человек при 24 орудиях, 80 пулеметах и 4 бронепоездах.

Точные силы красных установить довольно трудно, но они явно были значительнее. Сменивший Блюхера Уборе-

вич разделил свои войска на три ударные группы под командованием Вострецова, Кондратьева и Покуса.

После упорных боев 4 и 5 октября Молчанову удалось отбросить противника на исходные рубежи. Однако на следующий день, произведя глубокий обход, части Вострецова вышли в тылы белых и решили исход сражения...

10 октября красные заняли Спасск, а 25 октября — Владивосток. Вместе с остатками своих войск Виктор Михайлович эвакуировался в Китай. Оттуда Молчанов переехал в США и поселился в Лос-Анджелесе. Попытка завести собственный бизнес закончилась неудачей; по словам родственников, «он завел куриную ферму, но куры передохли от какой-то эпидемии». Скончался генерал Молчанов 10 января 1974 г. в Сан-Франциско. В последний путь его провожали соратники по Ижевской дивизии.

ВОСТРЕЦОВ

Степан Сергеевич Вострецов родился 17 декабря 1883 г. в селе Казанцево Бирского уезда Уфимской губернии, в семье деревенского писаря. В 12 лет он отправился на заработки и, овладев профессией кузнеца, работал в Уфе, Челябинске, Омске. Уже позже, в годы Гражданской войны, все эти города станут ареной его боевой деятельности...

Ссылные студенты познакомили молодого рабочего с марксизмом, и в бурном 1905 г. Степан Вострецов вступил в РСДРП, примкнув к антиленинскому меньшевистскому крылу этой партии. Будучи призван в армию, он как-то попался на чтении нелегальной литературы, за что получил три года тюрьмы. Выйдя на свободу, Вострецов скитался по городам и весям Российской империи до тех пор, пока в 1914 г. вновь не угодил под мобилизацию в связи с начавшейся Первой мировой войной.

Современники отмечали, что за внешней молчаливостью и спокойствием Степан Сергеевич скрывал горячую и отважную натуру. В первый раз эта натура дала о себе знать уже через несколько месяцев после призыва. Став кузнецом при штабе корпуса, Вострецов однажды всту-

пил в пререкания с офицером, потребовавшим подковать лошадь в ночное время. Выслушав порцию отборной ругани, строптивый подчиненный не выдержал и помахал раскаленными клещами над головой оппонента. До полевого суда этот инцидент не дошел, однако в качестве наказания кузнецу пришлось взять в руки винтовку и отправиться на передовую.

На фронте Степан Сергеевич был трижды ранен, столько же раз награжден солдатскими «георгиями» и в конце концов представлен к званию прапорщика. Февральскую революцию он встретил с энтузиазмом, а вот «красный Октябрь» вызвал у меньшевика Вострецова чувства более неоднозначные. Вместо того чтобы вступать в Красную армию, экс-прапорщик из рабочих демобилизовался и отправился на родину, где занялся созданием первой в районе сельскохозяйственной коммуны.

Затея с коммуной не понравилась белым, которые заняли Казанцево, разогнали коммунаров, а их руководителя посадили под арест. Можно предположить, что такое обращение взбесило Степана Сергеевича. Выбравшись из заключения, он в декабре 1918 г. перебежал к большевикам и был назначен помощником командира роты во 2-й Петроградский полк. Это соединение на поле боя не раз сходилось с частями Ижевской бригады Молчанова, однако белый генерал вряд ли мог тогда знать фамилию помкомроты Вострецова — своего будущего противника в битве за Спасск.

Тем не менее среди соратников по оружию Степан Сергеевич пользовался огромным авторитетом. Страстный любитель курения, он неторопливо попыхивал табачком в самые критические моменты сражения, за что и получил у сослуживцев прозвище Трубка.

В начале июля 1919 г., в самый разгар битвы за Урал, Вострецов принял командование 242-м Волжским полком 27-й стрелковой дивизии.

В ходе очередного наступления именно «волжане» первыми ворвались в Челябинск и закрепились в районе вокзала. Степан Сергеевич в этом бою проявил личный геро-

изм, сменив убитого пулеметчика и обстреляв из «максима» отъезжающий эшелон с неприятелем.

Однако сражение за Челябинск еще только начиналось. Подтянув резервы, Колчак создал три войсковые группировки и попытался взять в кольцо как город, так и занявшую его 5-ю армию Тухачевского. 27-я дивизия находилась на острие событий и выдержала удар лишь благодаря спешно мобилизованным челябинским рабочим. Битва продолжалась целых 7 суток и закончилась полным поражением белогвардейцев. Один только полк Вострецова захватил более тысячи пленных, 16 пулеметов, много паровозов и военного имущества...

Преследуя противника, «волжане» разгромили в селе Медведовка полковой штаб и пехотный батальон противника. Из опроса пленных выяснилось, что еще один батальон этого же полка с минуты на минуту должен был подойти к деревне. Рассадив своих бойцов в засаду (по домам и огородам), Степан Сергеевич надел белогвардейский мундир и выехал навстречу.

Столкнувшись на окраине деревни с командиром неприятельского батальона, он представился вымышленным именем и завел с ним светскую беседу. Дождавшись, когда все белогвардейцы втянулись в Медведовку, Вострецов внезапно выхватил маузер и скомандовал: «Я командир Волжского полка, только не белого, а красного. С коней долой и сдавай оружие!». Выросшие как из-под земли красноармейцы убедили колчаковцев, что сопротивление бесполезно...

14 ноября 1919 г. красные взяли столицу верховного правителя России адмирала Колчака, город Омск. 27-я дивизия получила наименование Омской, после чего была переброшена на польский фронт.

Поход на Варшаву к тому времени уже закончился поражением красных. Войска Пилсудского вторглись в Белоруссию и рассчитывали овладеть Минском. План этот был сорван действиями 27-й дивизии, сумевшей выбить противника из Волковыска. Наступательный раж поляков несколько поутих, и дело закончилось подписанием мир-

ного договора, по которому большая часть Белоруссии (вместе с Минском) осталась за большевиками...

1921 год прошел для Вострецова относительно спокойно. Успев поучаствовать в ликвидации Кронштадтского восстания, он был назначен на тыловую должность начальника Управления войск ВЧК по охране границ Сибири. Гражданская война между тем еще продолжалась. В Центральной России полыхал антоновский мятеж, поднялась против Советской власти Якутия и, наконец, на Дальнем Востоке по-прежнему держались японцы и остатки колчаковских армий. Зимой 1921—1922 гг. красноармейские части ДВР начали отвоевывать Приморье. Рухнул Волочаевский укрепленный рубеж, на очереди была Спасская укрепленная позиция.

Приняв командование над 2-й Приамурской дивизией, Вострецов совершил маневр, решивший исход сражения на подступах к городу. Здесь Степану Сергеевичу вновь пришлось увлекать бойцов личным примером. После того как вражеский бронепоезд прижал огнем наступающие части красных к земле, комдив лично встал к единственной имеющейся пушке и с третьего выстрела вывел паровоз из строя. После этого поднявшиеся в атаку красноармейцы захватили бронированную машину.

Штурм окружавших Спасск 7 фортов продолжался еще двое суток. К концу первого дня красным удалось зацепиться лишь за одну из этих твердынь. Однако массированный артиллерийский огонь и свежие подкрепления в конце концов помогли добиться успеха. К полудню 9 октября пали пять фортов из семи, оставшиеся два белые очистили сами. Отступив на юг, в район цементных заводов, генерал Молчанов еще пытался удержать последнюю линию обороны, но в этот момент его части были окончательно добиты дивизией Вострецова...

Падение Спасска предопределило судьбу Владивостока. 25 октября последние отряды японцев и белогвардейцев оставили столицу Приморья, и в тот же день в город вступила Красная армия. Вполне закономерно, что впереди всех шла 2-я Приамурская дивизия. Дата эта — 25 ок-

тября 1922 г. — традиционно считается датой окончания Гражданской войны в России, однако впереди у Вострецова был еще один бой, получивший в истории название похода за последним тигром.

В данном случае последним тигром стал известный белогвардейский генерал А. А. Пепеляев. Собрав из находившихся в Китае белогвардейцев Сибирскую добровольческую дружину, он в сентябре 1922 г. высадился в порту Аян и начал через тайгу пробиваться на помощь к якутским повстанцам. Однако, когда Пепеляев добрался до Якутии, восстание уже было подавлено. Понеся в боях с красными значительные потери, дружина вернулась на побережье. Здесь она разделилась на два отряда; меньший во главе с генералом Ракитиным разместился в Охотске, больший во главе с самим Пепеляевым — в Аяне.

Ликвидацию последнего очага контрреволюции на Дальнем Востоке большевики поручили Вострецову. Для этой цели был создан специальный Охотско-Аянский экспедиционный отряд, отправившийся на двух пароходах — «Индигирка» и «Ставрополь» — вдоль берегов Охотского моря. В 30 км от Охотска на берег сошел десант из 700 человек и, незаметно выдвинувшись к поселку, захватил его внезапным ударом. Затем отряд Вострецова вернулся на пароходы и двинулся дальше.

В Алдомской губе (в 60 верстах к северу от Аяна) суда встали на якорь. Задержанный аянский священник и двое тунгусов, не сговариваясь, показали, что силы Пепеляева насчитывали около 400 человек. Часть белогвардейцев располагалась в самом Аяне, а часть — немного южнее, в поселке Уйка. Чтобы обеспечить скрытность передвижения, начальник экспедиции приказал брать под караул всех попавшихся по дороге местных жителей.

Оставив пароходы в Алдомской губе, Степан Сергеевич вместе с бойцами начал марш через тайгу. На третьей сутки у берегов реки Нечая красные напоролись на отряд якутских повстанцев под командой поручика Рязанского. После нескольких выстрелов и словесной перепалки половина якутов перешла к большевикам, остальные разбе-

жались. Отряд Вострецова продолжил свой путь и в ночь на 17 июня 1923 г. скрытно подобрался к Аяну.

Под покровом ночи большевики окружили землянки и единственный в поселке каменный дом, в котором разместился штаб Пепеляева. Кто-то из белых обнаружил опасность, и ночную тишину нарушили выстрелы. Поняв, что далее скрываться бессмысленно, Вострецов направил к противнику парламентаря — захваченного в Охотске полковника Варгасова. Через 10 минут тот сообщил, что Пепеляев готов встретиться с командиром красного отряда. Войдя во вражеский штаб, Степан Сергеевич дружески пожал руку генерала и тут же предложил ему сдаться. После недолгого размышления Пепеляев согласился.

По условиям капитуляции, всем дружинникам гарантировалась жизнь и справедливый рабоче-крестьянский суд. Самое интересное, что это обещание было сдержано, причем, главным образом, благодаря усилиям Вострецова.

Красному командиру Охотско-Аянская экспедиция принесла третий по счету орден Красного Знамени (первый он получил за Челябинск, второй — за бои под Минском). На тот момент немногие большевистские военачальники могли соперничать со Степаном Сергеевичем по количеству наград (Блюхер, Егоров, Котовский, Фабрициус).

Окончив курсы Высшего начальствующего состава РККА, Вострецов продолжил службу на Дальнем Востоке, командуя своей родной 27-й дивизией. В сентябре 1929 г., находясь на отдыхе в Одессе, он получил телеграмму от Блюхера с предложением возглавить специально созданную Забайкальскую группу войск. На сей раз советским войскам пришлось скрестить оружие с бандами китайских милитаристов, пытавшимися установить контроль над Китайской Восточной железной дорогой (КВЖД). Вторгнувшись на территорию соседнего государства, войска Вострецова разбили противника и овладели городами Чжалайнор и Маньчжурия. За эти победы Степан Сергеевич получил еще один орден Красного Знамени и должность командира корпуса. Скончался он на пике своей известности 2 мая 1932 г. в Ростове-на-Дону.

Родившись на приуральских просторах, Молчанов и Вострецов сделали свою карьеру на Дальнем Востоке. Люди, подобные этим двум военачальникам, составляют основу командных кадров любой армии. Будучи крепкими профессионалами, они на первые места ставят понятия чести и долга и лишь затем — требования дисциплины. Сражаясь по одну линию фронта, Молчанов и Вострецов могли бы быть неплохими боевыми партнерами и даже друзьями, однако Гражданская война превратила их в противников.

Литература

- Адмирал А. В. Колчак. — М., 1991 г.
Алдан-Семенов А. И. Поход за последним тигром. — М., 1975 г.
Антонов-Овсеенко В. А. В революции. — М., 1957 г.
Арабкина Н. Две половины Чапая // «Московский комсомолец», 2001 г., № 20
Архангельский В. В. Фрунзе. — М., 1970 г.
Бажанов Б. Записки бывшего секретаря Сталина. — СПб., 1992 г.
Бармин А. Г. Соколы Троцкого. — М., 1997 г.
Без ретуши. Том 1—2. — Л., 1991 г.
Белая борьба на Северо-Западе России. — М., 2003 г.
Белая Россия. Альбом № 1. — Нью-Йорк, 1937 г. (СПБ., 1991 г.)
Беленкин Б. И. Авантюристы великой смуты. — М., 2001 г.
Белое дело. Генерал Корнилов. — М., 1992 г.
Белое дело. Добровольцы и партизаны. — М., 1996 г.
Белое дело. Дон и Добровольческая армия. — М., 1992 г.
Белое дело. Кавказская армия. — М., 1995 г.
Белое дело. Кубань и Добровольческая армия. — М., 1992 г.
Белое дело. Ледяной поход. — М., 1993 г.
Белое дело. Летопись белой борьбы. Том 1—6. — Берлин, 1928 г.
Белое дело. Последний главком. — М., 1995 г.
Белое дело. Поход на Москву. — М., 1996 г.
Белоусов И. Сепаратисты в стане Деникина // «Родина», 1995 г., № 2.
Борзенко Н. Денисов С. Наш Буденный. — М., 1974 г.
Бортневский В. Жил человек... // «Час пик», 1990 г., № 29.
Будберг А. Дневник. — М., 1991 г.
Бурин С. Н. Григорий Котовский. — Смоленск, 1999 г.
Викторов Б. Заговор в Красной Армии // «Правда», 29 апреля 1988 г.
Военные мемуары барона Врангеля. — М., 1992 г.

- Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. — М., 2002 г.
- Волгогонов Д. А.* Ленин. Том 1—2. — М., 1994 г.
- Волгогонов Д. А.* Троцкий. Том 1—2. — М., 1992 г.
- Второй Кубанский поход и освобождение Северного Кавказа. — М., 2001 г.
- Герои Гражданской войны. — М., 1963 г.
- Гиацинтов Э.* Записки белого офицера. — М., 1992 г.
- Голубов А. В.* Военные десанты на Кубани. — М.—Л., 1929 г.
- Гончаров В.* «Голое поле» русской славы // «Родина», 1998 г., № 5—6
- Градоначальники. Петербург — Петроград — Ленинград — Петербург. — СПб., 2003 г.
- Гражданская война в СССР. — М., 1986 г.
- Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. — М., 1983 г.
- Гуль Р.* Красные маршалы. — М., 1991 г.
- Дмитрук М. А.* О чем молился Чапаев // «Русский дом», 2002 г., № 2.
- Захаров Ю.* Дворянин-разбойник // «Калейдоскоп», 1997 г., № 16.
- Ижевско-воткинское восстание 1918 г. — М., 2000 г.
- Из Чехии на край света. — Прага, 2000 г.
- Ильичев Я.* Сиваш. — Л., 1961 г.
- Ильичев Я.* Турецкий караван. — Л., 1987 г.
- История Гражданской войны в СССР. Том 1—5. — М., 1960 г.
- История ордена Ленина Ленинградского военного округа. — М., 1974 г.
- Капустянский А. Л.* Поход дроздовцев. — М., 1993 г.
- Карпов В. В.* Расстрелянные маршалы. — М., 2000 г.
- Керсновский А. А.* История русской армии. Том 3—4. — М., 1994 г.
- Колесников М. С.* Сухэ-Батор. — М., 1953 г.
- Колпакиди А. Е. Прохоров Д. П.* Спецоперации советской разведки. — М., 2001 г.
- Корнаков П.* Краски войны. Ледовый поход // «Родина», 1990 г., № 10
- Корнатовский Л. А.* Разгром контрреволюционных заговоров в Петрограде в 1918—1919 гг. — Л., 1972 г.
- Костев Л.* Это было под Псковом. — М., 1963 г.

Краснов В. Г. Колчак. Жизнь и смерть за Россию. Том 1—2. — М., 2000 г.

Краснов В., Дайнес В. Неизвестный Троцкий. — М., 2000 г.

Краснов П. Н. Всевеликое войско Донское. Том 5. — М., 1991 г.

Кротов В. Л. Чошовцы. — М., 1974 г.

Кулышев Ю. С. Разгром Юденича. — Л., 1972 г.

Лебедев В. А., Ананьев К. В. Фрунзе. — М., 1960 г.

Легендарный начдив. — Куйбышев, 1974 г.

Лобицын В. Тенью на старом фотосеребре // «Родина», 1999 г., № 11.

Максимов Г. Полководец. — М., 1968 г.

Мальцев А. «Бешеный барон» против «героя-освободителя» // «Секретные материалы», 2001 г., № 21.

Медведев И. Мятеж комиссара Осипова // «Родина», 2002 г., № 3.

Медведев Р. А., Стариков С. П. Жизнь и гибель Филиппа Кузьмича Миронова. — М., 1989 г.

Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. — М., 2001 г.

Митюрин Д. В. Две судьбы — два символа // «Секретные материалы», 2001 г., № 15.

Митюрин Д. В. Казаки и иногородние: за славой и трофеями // «Секретные материалы», 2001 г., № 20.

Митюрин Д. В. Кубанские «батки» // «Секретные материалы», 2002 г., № 4.

Митюрин Д. В. На севере и на юге, в небе и на земле // «Секретные материалы», 2001 г., № 25.

Митюрин Д. В. Образцовые вояки Гражданской войны // «Секретные материалы», 2001 г., № 19.

Митюрин Д. В. Пером и шашкой // «Секретные материалы», 2001 г., № 17.

Митюрин Д. В. Противостояние судеб: боевая ничья // «Секретные материалы», 2001 г., № 16.

Митюрин Д. В. Талантливый демагог против талантливого стратега // «Секретные материалы», 2001 г., № 18.

Митюрин Л. В. Цена славы в войне без победителей // «Секретные материалы», 2001 г., № 13.

Митюрин Д. В. Шальной осколок, шальная пуля // «Секретные материалы» 2001 г., № 23.

Митюрин Д. В. Щирые украинцы // «Секретные материалы», 2002 г., № 1.

Михайлов И. Гетман и гетманщина // «Родина», 2000 г., № 9.

Носкова В. Н. Против ставленников Антанты. — Л., 1972 г.

Офицеры российской гвардии в белой борьбе. — М., 2002 г.

Павлов И. У. Записки красного летчика. — М., 1936 г.

Первый кубанский «Ледяной» поход. — М., 2001 г.

Первый орден республики // «Неделя», 1987 г., № 39.

Петрачева Т. За кулисами славы Первой конной // «Калейдоскоп», 1997 г., № 9.

Полководцы Гражданской войны. — М., 1960 г.

Прохоров Д. Тамбовское крестьянское восстание // «Калейдоскоп», 1998 г., № 20—22.

Прянишников Б. Незримая паутина. — СПб., 1993 г.

Путырский Е. Боевой Петроград в 1918 г. — Л., 1972 г.

Савченко В. А. Авантюристы Гражданской войны. — М., 2000 г.

Сакса К. В. Заключенный № 11 // «Невское время» от 16.09.2003 г.

Серафимович А. С. Железный поток. — Л., 1982 г.

Симченко Ю. Навязанное счастье // «Родина», 1990 г., № 10.

Смирнов А. Большие маневры // «Родина», 2000 г., № 4.

Соколов Б. Михаил Тухачевский. Жизнь и смерть красного маршала. — Смоленск, 1999 г.

Сопrotивление большевизму 1917—1918 гг. — М., 2001 г.

Старцев В. И. Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. — СПб., 2001 г.

Тепляков А. Красный бандитизм // «Родина», 2000 г., № 4.

Трагедия казачества. — М., 1994 г.

Троцкий Л. Д. Моя жизнь. — М., 1991 г.

1918 год на Востоке России. — М., 2003 г.

1918 год на Украине. — М., 2002 г.

Уткин А. Черный барон // «Версия», 2003 г., № 31.

Фадеев А. Разгром. Рассказы и очерки. — М., 1986 г.

Фельштинский Ю. Безумие во имя идеи // «Родина», 1990 г., № 10.

Форпост героев. — Хабаровск, 1973 г.

Фрайман А. Л. Питерцы на первых фронтах. — Л., 1972 г.

Фурманов Д. А. Незабываемые дни. — Л., 1983 г.

Фурманов Д. А. Чапаев. — М., 1954 г.

- Цветков В.* Белая гвардия // «Родина», 2000 г., № 11.
- Цветков В.* Волки Гражданской войны // «Родина», 1999 г., № 10.
- Цветков В.* Гибель «Лукулла» // «Родина», 1998 г., № 5—6.
- Цветков В.* Мятеж // «Родина», 2001 г., № 6.
- Цветков В.* Разгромили атаманов, разогнали воевод // «Родина», 1997 г., № 11.
- Цурганов Ю.* Неудавшийся реванш. — М., 1995 г.
- Черкасов-Георгиевский В. Г.* Вожди белых армий. — Смоленск, 2000 г.
- Черкасов-Георгиевский В. Г.* Генерал Деникин. — Смоленск, 2000 г.
- Шамбаров В. Е.* Белогвардейщина. — М., 1999 г.
- Шошков Е. Н. Наморси А. М.* Щастный. — СПб., 2001 г.
- Юзефович Л.* Самодержец пустыни. — Л., 1993 г.

Оглавление

Предисловие	3
-------------------	---

Глава 1

Битва несостоявшихся «бонапартов»	5
Корнилов	5
Автономов	12

Глава 2

Шальной осколок, шальная пуля... ..	20
Марков	20
Киквидзе	26

Глава 3

По Бессарабии кочуя... ..	33
Дроздовский	33
Котовский	39

Глава 4

Легионеры в России	46
Гайда	47
Гашек	52

Глава 5

Пером и шашкой	60
Краснов	60
Миронов	66

Глава 6

Кубанские батьки	73
Покровский	73
Ковтюх	80

Глава 7

«Щирые украинцы»	87
------------------------	----

Скоропадский	87
Антонов-Овсеенко	93

Глава 8

Генералы и коммунары	101
Лайдонер	101
Кингисепп	107

Глава 9

На Севере и на Юге, в небе и на земле	114
Казачков	115
Павлов	121

Глава 10

Счастье России каждый понимал по-своему	127
Колчак	128
Фрунзе	133

Глава 11

Вода холоднее штыка	141
Капель	141
Чапаев	147

Глава 12

Цена славы в войне без победителей	154
Пепеляев	154
Тухачевский	159

Глава 13

Противостояние судеб: боевая ничья?	168
Деникин	168
Егоров	174

Глава 14

Усы, кресты и виселица	181
Шкуро	181
Буденный	187

Глава 15

Образцовые вояки Гражданской войны	195
Кутепов	195
Уборевич	201

Глава 16

Талантливый демагог против талантливого стратега	209
Юденич	209
Зиновьев	215

Глава 17

Города в пустыне	222
Анненков	222
Белов	228

Глава 18

Два цвета времени	235
Врангель	235
Блюхер	241

Глава 19

Монголия: плацдарм всемирной монархии или мировой революции?	248
Унгерн	248
Сухэ-Батор	255

Глава 20

От Волги до Охотского моря	263
Молчанов	263
Вострецов	269

Научно-популярное издание

Митюрин Д. В.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА: БЕЛЫЕ И КРАСНЫЕ

Редактор *Н. Л. Волковский.*

Технический редактор *И. В. Буздалева.*

Корректор *М. Г. Крашенникова.*

Компьютерная верстка *Ю. А. Федоровой.*

Компьютерная графика *А. В. Аракчеева*

Подписано в печать 26.01.2004. Формат 84×108 ¹/₃₂. Печать офсетная.

Гарнитура TimeRoman. Физ. печ. л. 9. Усл. печ. л. 15,12.

Тираж 5000 экз. Зак. № .

ИД № 03073 от 23.10.2000 г.

ООО «Издательство «Полигон»,

194044, С.-Петербург, Б. Сампсониевский пр., 38/40.

Тел./факс: 542-91-12.

E-mail: polygon@rol.ru